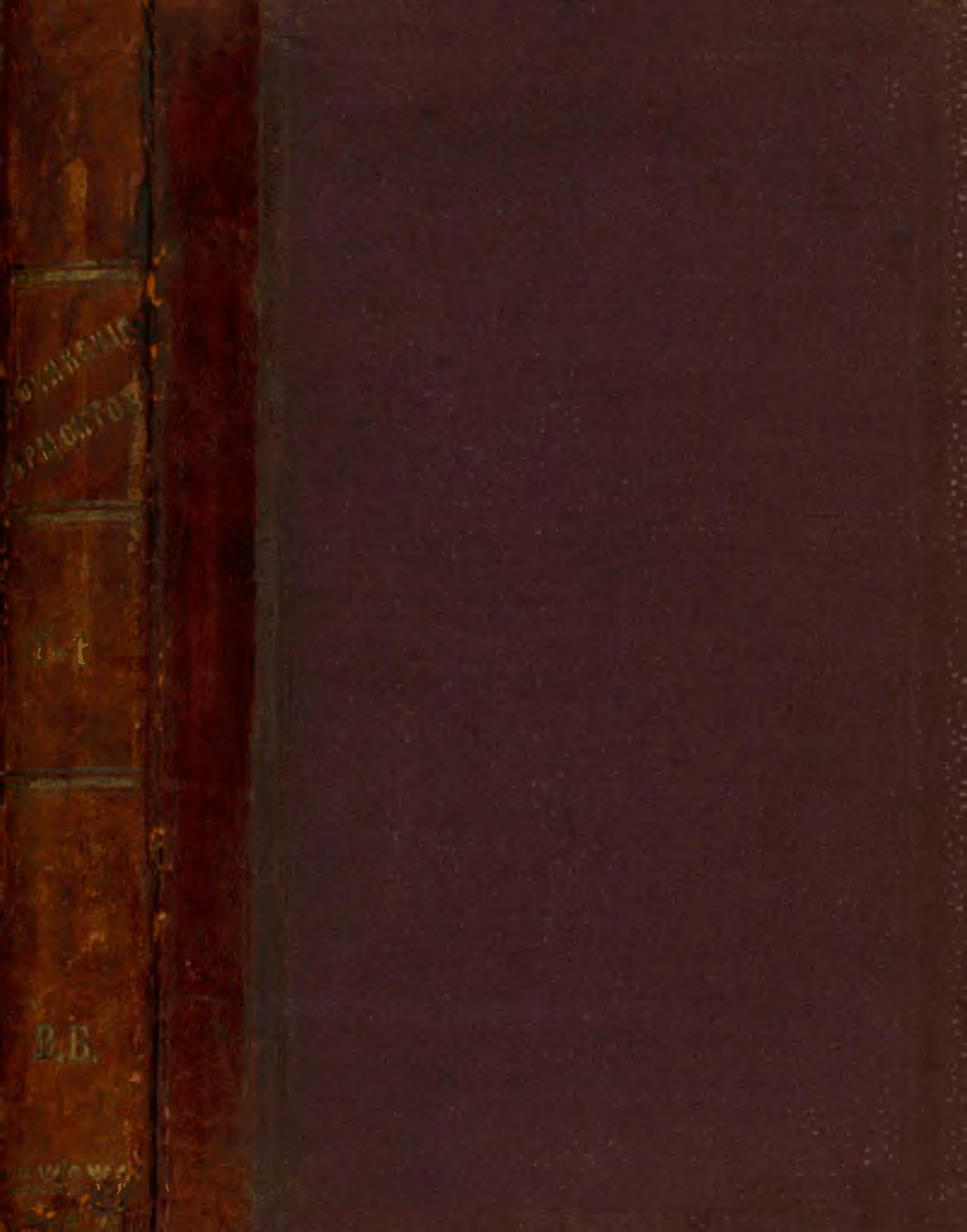

СОЧИНЕНІЯ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ В. Ѳ. РИХТЕРА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Пав. Ал. Висковатова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

(1828—1841).

МОСКВА.
Типо-литографія В. Ѳ. Рихтеръ, Тверская, домъ Талалаевой.
1891.

Отъ редактора.

Первый томъ прилагаемаго полнаго изданія сочиненій Лермонтова былъ законченъ мною 24 ноября 1888 года и уже отпечатанъ, когда въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1890 года, №№ 1, 2 и 3, г. Болдаковъ помѣстилъ неизданныя стихотворенія Лермонтова, бывшія (на что, впрочемъ, указываетъ самъ г. Болдаковъ) мною отысканными еще въ 1881 году („Русская Мысль“, февраль 1882 г., стр. 163—164 прим.). Г. Болдаковъ взялъ эти стихотворенія изъ XX тетради Лермонтовскаго музея, куда она поступила въ 1884 году, пріобрѣтенная по моимъ указаніямъ. Въ предисловіи къ I тому, на стр. VI, я говорю, что отсутствіе въ концѣ стихотворенія помѣтки о томъ, гдѣ было оно напечатано, служитъ указаніемъ на то, что стихотвореніе является нынѣ въ печати въ первый разъ. Появленіе неизданныхъ стихотвореній въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ было для меня неожиданнымъ, внести же помѣтки надъ соотвѣтственными стихами нынѣшняго изданія оказалось уже немыслимо,—пришлось бы перепечатать изданіе. Во избѣжаніе недоразумѣній мнѣ остается только переименовать стихотворенія,попавшія въ „Сѣверный Вѣстникъ“, съ указаніемъ страницъ нашего изданія.

Ночь I, стр. 79.—Гроза, 90.—Пѣснь Барда, 122.—Ночь IV, 128.—Венеція, 139.—Подражаніе Байрону, 140.—Къ Дурнову, 141.—Арфа, 142.—„На темной скалѣ...“, 142.—Сонъ, 148.—Къ ***, 149. — Прощаніе, 149, — Смерть, 151. — Мой домъ, 156,—Стансы, 157,—1 января 1831 г., 158.—Надежда, 185.—„О, не скрывай...“, 196.—Солнце осени, 203.—Потокъ, 204.—Къ ***, 205.—Ночь V, 206.—Къ себѣ, 207.—„Душа моя должна...“, 207.—„Колоколъ стонетъ...“, 208.—Пускай поэта обвинятъ..., 209.—Слава, 209. — Вечеръ, 210. — „Унылый колокола звонъ...“, 210. — „Хоть давно измѣнила...“, 211.—Клоками бѣлый снѣгъ валитъ, 212. — Звуки и взоръ, 212.—Земля и небо, 213.—„Дай руку мнѣ“, 213.—Изъ Андрея Шеньё, 214. — Къ ***, 215. — Сосѣдъ, 215.—Стансы, 216. — Романсъ, 219 (это стихотвореніе, впрочемъ, было раньше уже напечатано въ „Саратовскомъ Листкѣ“, какъ и значится въ нашемъ изданіи).—Сонетъ, 220.—„Болѣзнь въ груди моей...“, 220. — Къ *, 221. — „Поцѣлуями прежде...“, 221.—„Послушай, быть можетъ...“, 222.—Къ *, 222.—Бой, 226.—Къ *, 229.—Къ *, 230.—Къ *, 230 —„Слова разлуки повторяя...“, 231. — „Она не гордой красотою...“, 232. — Смѣло вѣрь ..“ 232.

М. Ю. Лермонтовъ

студентомъ Московскаго университета
1830—1832.

Типо-литогр. Рихтеръ.

СОЧИНЕНІЯ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ В. Ѳ. РИХТЕРА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Пав. Ал. Висковатова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

(1828–1841).

Типографія В. Ѳ. Рихтеръ, Тверская, домъ Талалаевой

1889.

Въ продолженіи десяти лѣтъ собирая матеріалы для біографіи Михаила Юрьевича Лермонтова, я сгруппировалъ все, что вышло изъ подъ пера его. Такимъ образомъ читатель найдетъ въ предлагаемомъ изданіи многое, что не вошло въ прежнія собранія сочиненій Лермонтова или же вошло искаженнымъ и въ отрывкахъ. Со́мнительно, чтобы нашлось еще какое либо неизвѣстное крупное сочиненіе, за исключеніемъ, конечно, писемъ. Хотя въ нынѣшнемъ изданіи и прибавилось ихъ больше противъ прежняго, но надо полагать, что найдутся и еще въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, хотя врядъ ли дадутъ они много новаго. Убитый на 27-омъ году жизни, поэтъ не успѣлъ завязать отношеній— кругъ ему близкихъ людей былъ весьма ограниченъ. Быть можетъ отъищется еще то или другое лирическое стихотвореніе, поэтъ ихъ разбрасывалъ, записывалъ на клочкахъ бумаги, столахъ, стѣнахъ — гдѣ попало; но и тутъ многаго ожидать нельзя.

Безъ сомнѣнія окажутся люди, готовые упрекнуть меня за то, что я печатаю каждую почти строчку, писанную поэтомъ, каждое несовершенное произведеніе юноши, которое самъ писатель не предалъ бы гласности. Но въ отвѣтъ на это я замѣчу: Кто-же можетъ взять на себя смѣлость сдѣлать выборку? Положимъ, можно сказать, что прямо хорошо и что плохо, но сколько произведеній занимаютъ середину между этими крайностями, и кто здѣсь судья? Самъ поэтъ—скажутъ мнѣ. Печатайте, что самъ онъ призналъ достойнымъ печати. Но поэтъ, въ изданіи, вышедшемъ при жизни его въ 1840 году, помѣстилъ лишь 28 своихъ стихотвореній, да затѣмъ еще нѣсколько въ періодическихъ изданіяхъ. Большинство произведеній вышло въ свѣтъ послѣ смерти его, и тутъ дѣлали выборку весьма произвольно и часто исправляли текстъ, не всегда къ выгодѣ произведенія. Если, слѣдовательно, останавливаться

только на томъ, что печатано было при жизни поэта, то не должно выпускать въ свѣтъ такихъ вещей какъ напримѣръ: Парусъ (бѣлѣетъ парусъ одинокій)—На свѣтскія цѣпи...—Валерикъ—Слышу-ли голосъ твой—На сѣверѣ дальнемъ—Любовь мертвеца и т. д. Не слѣдовало бы печатать: Демона—Боярина Оршу—Измаила бея—Маскарада и проч. и проч. Зачѣмъ же въ прежнихъ изданіяхъ печаталось все это и многое другое въ отрывкахъ и съ искаженіями, что вмѣстѣ составляло два увѣсистыхъ тома? Кто судьи, дерзающіе такъ безцеремонно распоряжаться наслѣдіемъ великаго поэта? Когда разъ публикѣ все, что оставлено имъ, будетъ предложено во всей полнотѣ, и наука, и искусство будутъ имѣть возможность располагать для своихъ цѣлей всѣмъ матеріаломъ, тогда только мыслимо взяться за изданіе избранныхъ сочиненій Лермонтова, и каждому будетъ дана возможность выбирать между ними, сообразуясь съ личнымъ вкусомъ. Можетъ быть и мнѣ удастся со временемъ представить на судъ критики и публики такой выпускъ избранныхъ сочиненій въ красивомъ изданіи.

Въ настоящемъ случаѣ издатель задался мыслью выпустить *первое общедоступное полное собраніе сочиненій Лермонтова*. Невысокая, сравнительно, цѣна обусловливаетъ и бумагу, и шрифтъ, и компактность. Въ предѣлахъ возможнаго издатель желалъ сдѣлать все, что отъ него зависѣло. Объ удовлетворительности судить читателямъ.

Мой трудъ редактора былъ облегченъ предшествующими трудами такихъ библіографовъ, какъ гг. Дудышкинъ и Ефремовъ, съ 1860 года работавшихъ надъ цѣлымъ рядомъ изданій Лермонтова (1860, 63, 73, 80, 82, и 87 годовъ)—мнѣ, явившемуся послѣ нихъ, удобно было видѣть промахи и недостатки и постараться ихъ избѣгнуть. Сильно былъ облегченъ трудъ мой богатствами, собранными въ Лермонтовскомъ музеѣ, открытомъ при Николаевскомъ Кавалерійскомъ училищѣ въ Петербургѣ, начальникомъ его А. А. Бильдерлингомъ. Здѣсь собрано все, что вышло въ печати, касающееся Лермонтова. Находятся главнѣйшія рукописи поэта или точныя копіи съ тѣхъ, что хранятся въ

Императорской публичной библіотекѣ, въ историческомъ музеѣ въ Москвѣ (въ библіотекѣ Румянцовскаго музея) и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Что еще находится у меня будетъ мною тоже передано въ вѣрное хранилище.

Особенную благодарность приношу я сотруднику своему Н. Н. Буковскому, съ рѣдкою любовью и преданностью къ дѣлу трудившемуся надъ собраніемъ матеріала, связаннаго съ именемъ Лермонтова. Безъ его содѣйствія мнѣ врядъ ли удалось бы такъ скоро приготовить изданіе. Живя въ Дерптѣ и редактируя изданіе, печатающееся въ Москвѣ, свѣрка матеріала, почти исключительно находящагося въ Петербургѣ, представляла для меня огромныя затрудненія и, безъ содѣйствія Н. Н. Буковскаго, едвали бы мыслимо было довести трудъ скоро до успѣшнаго конца. Подготовкою изданія я занимался сравнительно не долго — менѣе года.

Составляя біографію поэта,я убѣдился въ необходимости полнаго изданія. Ссылаться на существующія собранія сочиненій Лермонтова вслѣдствіе ихъ неполноты и искаженій было невозможно. Это я чувствовалъ постоянно и приходилось вмѣсто ссылокъ печатать еще неизданное или воспроизводить полностію искаженные отрывки произведеній. Въ настоящемъ изданіи я придаю особенное значеніе новой редакціи поэмы „Демонъ", которую удалось мнѣ найти въ двухъ спискахъ 1838 и 1840 или 41 годовъ, исправленныхъ рукою самого поэта. До сихъ поръ эта, получившая всемірную извѣстность, поэма, переведенная на всѣ почти европейскіе языки, печаталась по случайнымъ спискамъ, составленнымъ неизвѣстными компиляторами, искажавшими смыслъ и значеніе поэмы.

Пора же наконецъ представить на судъ публикѣ тщательное и полное собраніе величайшаго послѣ Пушкина русскаго поэта! И вотъ я рѣшился, не смотря на неудобства, связанныя съ отдаленностью моего мѣстожительства, принять предложеніе В. Ѳ. Рихтера, редактировать выпускаемое нынѣ изданіе. Оно будетъсостоять изъ пяти томовъ: I Лирическія стихотворенія. II Поэмы. III Дра-

матическія произведенія. IV. Прозаическія сочиненія и письма. V. Составленная мною біографія Михаила Юрьевича.

Матеріалъ въ каждомъ томѣ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ. Въ первомъ, нынѣ выпускаемомъ, читатель найдетъ, рядомъ съ лирическими стихотвореніями, замѣтки въ прозѣ. Онѣ въ такомъ видѣ находятся въ черновыхъ тетрадяхъ и вмѣстѣ со стихотвореніями составляютъ родъ поэтическаго дневника Михаила Юрьевича. Удержать строго порядокъ черновыхъ тетрадей я не могъ, потому что въ нихъ писались и сцены изъ драматическихъ сочиненій и вносились набѣло, случайно на сторонѣ написанныя стихотворенія, такъ что за стихотвореніемъ, писанномъ въ іюлѣ или августѣ, встрѣчается писанное въ маѣ того же года. Наконецъ, къ одному и тому же году приходилось пріобщать и пьесы, писанныя на отдѣльныхъ листахъ или въ особыхъ сборникахъ.

Снабжая стихотворенія частью надстрочными замѣтками, частью примѣчаніями въ концѣ тома, я отмѣтилъ, гдѣ что впервые было напечатано; если же таковой отмѣтки не имѣется, то это доказываетъ, что стихотвореніе появляется въ печати въ первый разъ. Гдѣ находится самая рукопись оригинала, я говорю рѣдко, потому что, какъ уже замѣчено выше, весь матеріалъ сосредоточенъ въ Лермонтовскомъ музеѣ въ оригиналахъ или точныхъ копіяхъ. При опредѣленіи времени, когда написано то или другое стихотвореніе, брались въ соображеніе, кромѣ указаній самого Лермонтова: тщательное сравненіе почерковъ, бумага, свидѣтельства близкихъ къ поэту людей и т. п. Поэтому читатель найдетъ иногда сравнительно съ прежними изданіями существенную разницу и въ текстѣ и въ хронологіи.

Пав. Висковатый.

Дерптъ.
24 Ноября 1888 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1828 годъ.

1829 годъ.

1830 годъ.

Стр.

1831 годъ.

1832 годъ.

1833—34 года.

1835 годъ.

1836 годъ.

1837 годъ.

1838 годъ.

1839 годъ

1840 годъ.

1841 годъ.

Послѣднія стихотворенія:

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1828.

Осень.

Листья въ полѣ пожелтѣли,
И кружатся и летятъ;
Лишь въ бору поникши ели
Зелень мрачную хранятъ.
Подъ нависшею скалою,
Ужъ не любитъ, межъ цвѣтовъ,
Пахарь отдыхать порою
Отъ полуденныхъ трудовъ.
Звѣрь отважный по неволѣ
Скрыться гдѣ нибудь спѣшитъ.
Ночью мѣсяцъ тусклъ, и поле
Сквозь туманъ лишь серебритъ.

Заблужденіе Купидона.

Однажды женщины Эрота отодрали...
Досадой раздраженъ, упрямое дитя,
Напрягши грозный лукъ и за обиду мстя,
Не смѣя къ женщинамъ, къ намъ ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднѣйшей, стремитъ.
—«Вашъ подлый родъ одинъ!» безумный говоритъ.

Съ тѣхъ поръ то женщина любви не знаетъ!...
И точно какъ рабовъ считаетъ насъ она...
Такъ въ наказаніяхъ всегда почти бываетъ:
Которые смирнѣй, на тѣхъ падетъ вина!

Цѣвница.

На склонѣ горъ, близъ водъ, прохожій, зрѣлъ ли ты
Бесѣдку тайную, гдѣ грустныя мечты
Сидятъ задумавшись? Надъ ними сводъ акацій:
Тамъ нѣкогда стоялъ алтарь и музъ, и грацій;
И кустъ прелестныхъ розъ, взлелѣянныхъ весной,
Тамъ нѣкогда кругомъ черемухи млечной
Струилъ свой ароматъ; шумя съ прибрежной ивой,
Шутилъ подчасъ зефиръ и рѣзвый, и игривый;
Тамъ нѣкогда моя послѣдняя любовь
Питала сердце мнѣ и волновала кровь!...
Сокрылось все теперь: такъ поутру туманы
Отъ солнечныхъ лучей рѣдѣютъ средь поляны.
Исчезло все теперь! но ты осталось мнѣ,
Утѣха страждущихъ, спасенье въ тишинѣ,
О милое, души святое вспоминанье!
Тебѣ жъ, о мирный кровъ, тѣхъ дней, когда страданье
Не вѣдало меня, я сохранилъ залогъ,
Который умертвить не можетъ грозный рокъ —
Мое веселіе, ужъ взятое гробницей,
И ржавый предковъ мечъ съ задумчивой цѣвницей.

Библіографическія Записки 1861 г. №16.

1829.

ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

I.

Три вѣдьмы.

[ИЗЪ МАКБЕТА, ФР. ШИЛЛЕРА].

ПЕРВАЯ.

Попался мнѣ одинъ рыбакъ:
Чинилъ онъ, веселъ, сѣти;
Какъ будто въ рубищѣ бѣднякъ
Имѣлъ златыя горы!
И съ пѣсныо день и ночи мракъ
Встрѣчалъ безпечный мой рыбакъ...
Я жъ поклялась ему давно,
Что сердитъ все меня одно...
Однажды рыбу онъ ловилъ
И кладъ ему попался;
Кладъ блескомъ очи ослѣпилъ—
Ядъ черный въ немъ скрывался.
Онъ взялъ его къ себѣ на дворъ—
И пѣсенъ не было съ тѣхъ поръ!

ДРУГІЯ ДВѢ.

Онъ взялъ врага къ себѣ на дворъ—
И пѣсенъ не было съ тѣхъ поръ!

ПЕРВАЯ.

И вотъ, гдѣ онъ—тамъ пиръ горой,
Толпа увеселеній!

И прочь, какъ съ крыльями, покой
Быстрѣй умчался тѣни...
Не зналъ безумецъ молодой,
Что деньги вѣдьмы—прахъ пустой!

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ.

Не зналъ глупецъ средь тѣхъ минутъ,
Что наши деньги въ адъ ведутъ!

ПЕРВАЯ.

Но бѣдность скоро вновь бѣжитъ;
Друзья исчезли ложны;
Онъ прибѣгалъ, чтобъ скрыть свой стыдъ,
Къ врагу людей, безбожный!
И на дорогѣ ужъ большой
Творилъ убійство и разбой...
Я нынѣ близъ рѣки иду
Свободною минутой—
Тамъ онъ сидѣлъ на берегу,
Терзаясь мукой лютой.
Онъ говорилъ: «мнѣ жизнь пуста!
Вы, отвращеній полны,
Блаженство, злато!... вы мечта!...»
И забѣлѣли волны...

II.

Встрѣча.

Она одна межъ дѣвъ своихъ стояла;
Еще я зрю ее передъ собой:
Какъ солнце вешнее она блистала
И радостной, и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрѣлъ на милый рой...
Но вдругъ, какъ бы летучіе перуны,
Мои персты ударились о струны.

Что я почувствовалъ въ сей мигъ чудесный
И что я пѣлъ—напрасно вновь пою...
Я звукъ нашелъ дотолѣ неизвѣстный,
Я мыслей чистую излилъ струю:
Душѣ отъ чувствъ высокихъ стало тѣсно
И вмигъ она расторгла цѣпь свою:
Въ ней вспыхнули забытыя видѣнья,
И страсти юныя, и вдохновенья.

III.

Къ Нинѣ.

Ахъ! сокрылась въ мракъ ненастный
Счастья прошлаго мечта!...
По одной звѣздѣ прекрасной
Млѣю, блѣдный сирота...
Но, какъ блескъ звѣзды моей,
Ложно счастье прежнихъ дней.
Пусть навѣкъ—съ златымъ мечтаньемъ—
Пусть тебѣ, глаза закрыть...
Сохраню тебя страданьемъ:
Ты для сердца будешь жить.
Но, увы! ты любишь свѣтъ—
И любви моей какъ нѣтъ!
Можетъ ли любви страданье,
Нина, нѣкогда пройти?
Бури свѣта, волнованье
Чувствъ горячихъ унести?
Иль умретъ небесный жаръ,
Какъ земли ничтожный даръ?...

IV.

Перчатка.

Вельможи толпою стояли
И молча зрѣлища ждали.
Межъ нихъ сидѣлъ
Король величаво на тронѣ;

Кругомъ на высокомъ балконѣ
Хоръ дамъ прекрасный блестѣлъ.
  Вотъ царскому знаку внимаютъ,
Скрипучую дверь отворяютъ—
И левъ выходитъ степной
Тяжелой стопой,
И молча вдругъ
Глядитъ вокругъ;
Зѣвая лѣниво,
Трясетъ желтой гривой;
И, всѣхъ обозрѣвъ,
Ложится левъ.
  И царь махнулъ снова—
И тигръ суровый
Съ дикимъ прыжкомъ
Взлетѣлъ опасный,
И, встрѣтясь со львомъ,
Завылъ ужасно;
Онъ бьетъ хвостомъ,
Потомъ
Тихо владыку обходитъ,
Глазъ кровавыхъ не сводитъ...
Но, рабъ предъ владыкой своимъ,
Тщетно ворчитъ и злится,
И невольно ложится
Онъ рядомъ съ нимъ.
  Сверху тогда упади
Перчатка съ прекрасной руки,
Судьбы случайной игрою,
Между враждебной четою.
  И къ рыцарю вдругъ своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смѣясь:
«Рыцарь, пытать я сердце люблю!
Если сильна такъ любовь у васъ,
Какъ вы твердите мнѣ каждый часъ,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь съ балкона въ минуту бѣжитъ
И дерзко въ кругъ онъ вступаетъ,
На перчатку межъ дикихъ звѣрей онъ глядитъ
И смѣлой рукой подымаетъ.
И зрители въ робкомъ вокругъ ожиданьи,
Трепеща, на юношу смотрятъ въ молчаньи;
Но вотъ онъ перчатку приноситъ назадъ;
Отвсюду хвала вылетаетъ;
И нѣжный, пылающій взглядъ—
Недальняго счастья закладъ—
Съ рукой дѣвицы героя встрѣчаетъ.
Но, досады жестокой пылая въ огнѣ,
Перчатку въ лицо онъ ей кинулъ:
«Благодарности вашей не надобно мнѣ!»
И гордую тотчасъ покинулъ.

V.

Дитя въ люлькѣ.

Счастливъ ребенокъ! и въ люлькѣ просторно ему; но дай время
Сдѣлаться мужемъ—и тѣсенъ покажется міръ.

VI.

Къ ***

Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь,
И благодаренъ буду я;
Но ты мнѣ душу предлагаешь—
На кой мнѣ чортъ душа твоя!

VII.

Баллада.

Надъ моремъ красавица-дѣва сидитъ
И, къ другу ласкаяся, такъ говоритъ:
«Достань ожерелье, спустися на дно:
Сегодня въ пучину упало оно.
Ты этимъ докажешь свою мнѣ любовь!»
Вскипѣла младая у юноши кровь
И умъ его объялъ невольный недугъ...
Онъ въ пѣнную бездну кидается вдругъ.
Изъ бездны перловые брызги летятъ,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,
И снова приходятъ и о берегъ бьютъ;
Вотъ милаго друга онѣ принесутъ.
О счастье! онъ живъ, онъ скалу ухватилъ,
Въ рукѣ ожерелье, но мраченъ какъ былъ!...
Онъ вѣрить боится усталымъ очамъ,
И влажныя кудри бѣгутъ по плечамъ...
«Скажи, не люблю иль люблю я тебя?
Для перловъ прекрасной и жизнь не щадя,
По слову, спустился на черное дно...
Въ коралловомъ гротѣ лежало оно.
Возьми!» И печальный онъ взоръ устремилъ
На то, что дороже онъ жизни любилъ.
Отвѣтъ былъ: «о милый! о юноша мой!
Достань, если любишь, кораллъ дорогой».
Съ душой безнадежной младой удалецъ
Прыгнулъ, чтобъ найти иль кораллъ иль конецъ.
Изъ бездны перловые брызги летятъ,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,
И снова приходятъ и о берегъ бьютъ,
Но милаго друга онѣ не несутъ.

[Всѣ первыя шесть пьесъ представляютъ переводы изъ Шиллера, седьмая навѣяна стихотвореніемъ его: „Der Taucher",—все помѣщено было въ соч. Шиллера, изд. Гербеля].

Элегія.

О! еслибъ дни мои текли
На лонѣ сладостномъ покоя и забвенья,
Свободно отъ суетъ земли
И далеко отъ свѣтскаго волненья;
Когда бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли,
Тогда-бъ я былъ съ весельемъ неразлученъ,
Тогда-бъ я вѣрно не искалъ
Ни наслажденія, ни славы, ни похвалъ.
Но для меня весь міръ и пустъ, и скученъ,
Любовь невинная не льститъ душѣ моей:
Ищу измѣнъ и новыхъ чувствованій,
Которыя живятъ хоть колкостью своей
Мнѣ кровь угасшую отъ грусти, отъ страданій,
Отъ преждевременныхъ страстей!..

[За этимъ слѣдуетъ начало стихотворенія, очевидно навѣяннаго извѣстною Гетевскою балладою „der Fischer“.—Оно зачеркнуто].

Забывши волненія жизни мятежной,
Одинъ жилъ въ пустынѣ рыбакъ молодой.
Однажды на скалѣ прибрежной,
Надъ тихой прозрачной рѣкой,
Онъ съ удой безпечно
Сидѣлъ
И думой сердечной
Къ протекшему счастью летѣлъ...
. . . .

Цыганы.

[ОПЕРА].

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ пріятное мѣстоположеніе. Цыганы сидятъ въ шатрахъ; иные ходятъ и, собравшись въ группы, поютъ.

ЦЫГАНСКАЯ ПѢСНЯ.

ЦЫГАНЪ *поетъ.*

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ,
Но счастливѣе царей
И вельможъ могучихъ.
Гей цыгане! гей цыганки!...
[и проч.]

ЦЫГАНКА [изъ «Московскаго Вѣстника» пѣсню] * .

Пляшутъ и поютъ... Все умолкаетъ.

СТАРЫЙ ЦЫГАНЪ *предъ очагомъ.*

Что за жизнь: одному да одному!... Земфира ушла гулять въ пустынномъ полѣ; она привыкла бродить по дальнимъ лѣсамъ и таборамъ. Но вотъ ужъ и ночь—а все ея нѣтъ... вотъ и луна спускается къ небосклону. Какъ прекрасно... [*Смотритъ на мѣсяцъ и подходитъ къ очагу*]. Мой ужинъ скоро простынетъ — а дочь не приходила; видно, придется одному провесть ночь... Но вотъ она!

ЯВЛЕНІЕ II.

Земфира и за нею юноша.

СТАРИКЪ.

Гдѣ ты была такъ долго, дочь моя? Я думалъ, что и ты меня покинешь, какъ сдѣлала коварная мать твоя...

ЗЕМФИРА.

Прости, отецъ мой! но, видишь ты,
Веду я гостя: за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла

* Пѣсня не выписана. Слѣдующіе пропуски—всѣ въ самой рукописи.

И въ таборъ на ночь зазвала:
Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ.
Его преслѣдуетъ законъ:
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ идти за мною всюду.

СТАРИКЪ.

Я радъ; останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь...

Отечественныя Записки 1859 г. №7.

Преступникъ.

«Скажи намъ, атаманъ честной,
Какъ жилъ ты въ сторонѣ родной?
Чай, прежній жаръ въ тебѣ и нынѣ
Не остываетъ отъ годовъ.
Здѣсь, подъ дубочкомъ, ты въ пустынѣ
Потѣшишь добрыхъ молодцовъ!»
— Отецъ мой, вѣкъ свой доживая,
Былъ на второй женѣ женатъ;
Она—красотка молодая,
Онъ былъ и знатенъ и богатъ...
Перетерпѣвши лѣтъ удары,
Когда захочетъ соколъ старый
Подругу молодую взять —
Такъ онъ не думаетъ, не чуетъ,
Что послѣ будетъ проклинать.
Онъ все голубитъ, все милуетъ;
Къ нему ласкается она,
Его хранитъ въ минуту сна;
Но вдругъ увидѣла другаго,
Не стараго, а молодаго —
Лишь первая приходитъ ночь,

Она, безъ всякаго зазрѣнья,
Клевкомъ лишитъ супруга зрѣнья,
И отъ гнѣзда помчится прочь!...
. . . . *
Пиры веселья забывая
И златоструйное вино,
И домъ, гдѣ, чашу наполняя,
Палило кровь мою оно;
Какъ часто я чело покоилъ
Въ колѣняхъ мачихи моей
И съ нею вмѣстѣ козни строилъ
Противъ отца, среди ночей...
Ея пронзительныхъ лобзаній
Огонь впивалъ я въ грудь свою.
Я помню ночь страстей, желаній,
Мольбы, угрозъ и заклинаній,
Но слезы злобы только лью!...
Богъ вѣсть, меня она любила,
Иль это былъ притворный жаръ,
И мысль печально утаила,
Чтобы вѣрнѣй свершить ударъ;
Иль мнила, что она любима,
Порочной страстію дыша?
Кто знаетъ! Женская душа
Какъ океанъ неизслѣдима!
И дни летѣли. Часъ насталъ!
Ужъ грѣховодникъ въ дни младые,
Я какъ предъ казнію дрожалъ...
Гремятъ проклятья роковыя;
Я принужденъ, какъ нѣкій тать,
Изъ дому отчаго бѣжать.
О, сколько мукъ! Потеря чести!
Любовь, и стыдъ, и нищета!
Вражда непримиримой мести
И гнѣвъ отца! За ворота

* Точки въ рукописи.

Бѣжалъ я, сирый, одинокій,
И, обратившись, бросилъ взоръ,
Съ проклятіемъ, на домъ высокій,
На тотъ пустой, унылый дворъ,
На прудъ заглохшій, садъ широкій!...
Въ безумьи мрачномъ и нѣмомъ
Желалъ, чтобъ сжегъ небесный громъ
И столъ, за коимъ я съ друзьями
Пилъ чашу радости и нѣгъ,
И рѣчки безыменной брегъ,
Всегда покрытый табунами,
Гдѣ принялъ онъ ударъ свинца,
И возвышенныя стремнины,
И тѣ коварныя сѣдины,
Неумолимаго отца;
И очи, очи неземныя...
И грудь и плечи молодыя
И сладость тайную отрадъ
И устъ неизлечимый ядъ;
И ту зеленую аллею,
Гдѣ я въ лобзаньяхъ утопалъ,
И ложе то, гдѣ я...—и съ нею,
И съ этой мачихой лежалъ!
   Въ лѣсахъ, изгнанникъ своевольный,
Двумя жидами принятъ я:
Одинъ—властями недовольный
Купецъ, обманщикъ и судья;
Другой—служитель Аарона,
Ревнитель древняго закона,
Алмазы прежде продавалъ,
Какъ я, изгнанникъ, бѣденъ сталъ;
Какъ я, искалъ по міру счастья,
Бродяга пасмурный, скупой
На деньги, на ударъ; лихой
На поцѣлуи сладострастья;
Но скрытенъ, недовѣрчивъ, глухъ
Для всякихъ просьбъ, какъ адскій духъ!..

Придетъ ли ночь и мракъ печальный—
Идемъ къ дорогѣ столбовой;
Тамъ изъ страны проѣзжій дальной
Летитъ на тройкѣ почтовой:
Раздался выстрѣлъ. Съ быстротой
Свинецъ промчался непомѣрной;
Ударъ губительный и вѣрный!...
Съ обезображеннымъ лицомъ
Упалъ ямщикъ! Помчались кони!
И рѣдко лишь ударъ погони
Ихъ не застигнетъ за лѣскомъ.
Разъ—подозрительна, блѣдна
Катилась на небѣ луна.
Вблизи дороги, передъ нами
Лежалъ застрѣленный пришлецъ.
О, какъ ужасенъ былъ мертвецъ
Съ окровавленными глазами!
Смотрю... лицо знакомо мнѣ...
Кого жъ при трепетной лунѣ
Я узнаю... великій Боже!
Я узнаю его... кого же?
Кто сей погубленный пришлецъ?
Кому же роется могила?
На чьихъ сѣдинахъ кровь застыла?
О!... други!... Это мой отецъ!...
Я ослабѣлъ, упалъ на землю;
Когда жъ потомъ очнулся, внемлю:
Стучатъ... жидовскій разговоръ...
Гляжу, сырой еще бугоръ...
Надъ нимъ лежитъ топоръ съ лопатой,
И конь привязанъ подъ дубкомъ,
И два жида считаютъ злато
Передъ разложеннымъ костромъ...

. . . .
. . . . *

* Точки въ рукописи.

Промчались дни, на дно рѣчное
Одинъ товарищъ мой нырнулъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ утонулъ,
Пошло житье-бытье плохое:
Пріему не было въ корчмахъ
Жить было негдѣ—отовсюду
Гоняли наглаго Іуду.
Въ далекихъ дебряхъ и лѣсахъ
Мы укрывалися. Безъ страха
Не могъ я спать, мечталось мнѣ
Остроги, пытки въ черномъ снѣ,
То петля гладкая, то плаха!
Исчезли средства прокормленья
Одно осталось: зажигать
Дома господскіе, селенья
И въ суматохѣ проживать.
Среди снѣдающихъ пожаровъ
И домъ родимый запылалъ;
Я весь горѣлъ и трепеталъ,
Какъ въ шумѣ громовыхъ ударовъ!
Вдругъ вижу, раздраженный жидъ
Младую женщину тащитъ.
Ея ланиты обгорѣли
И шелкъ каштановыхъ волосъ;
И очи полны, полны слезъ
На похитителя смотрѣли.
Я не слыхалъ его угрозъ,
Я не слыхалъ ея моленій;
И ужъ въ груди ея торчалъ
Кинжалъ, друзья мои, кинжалъ!...
Увы! дрожатъ ея колѣни,
Она блѣднѣе стала тѣни,
И перси кровью облились,
И недосказанныя пѣни
Съ устъ посинѣлыхъ пронеслись.

Пришло Іудѣ наказанье:
Онъ въ ту же самую весну,
Повѣшенъ мною на сосну,
На пищу вранамъ. Состраданья
Послѣдній годъ меня лишилъ.
Когда жъ я снова посѣтилъ
Родныя, мрачныя стремнины,
Лѣса и рѣчки, и долины,
Столь крѣпко вѣдомыя мнѣ:
То я увидѣлъ на соснѣ
Виситъ скелетъ полуистлѣвшій,
Изъ глазъ посыпался песокъ,
И коршунъ, тутъ же отлетѣвшій,
Тащилъ руки его кусокъ...
Бѣгутъ года, умчалась младость,
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчитъ въ груди моей
Порывъ болѣзненныхъ страстей.
Одни холодные остатки,
Несчастной жизни отпечатки:
Любовь къ свободѣ золотой
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный.
Старикъ преступный, безразсудный,
Я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой.
Но жаръ подавленный очнется,
Когда за волюшку мою,
Въ кругу удалыхъ, приведется,
Что чашу полную налью.
Поминки юности забвенной
Прославлю я, и шумъ крамолъ—
И ножъ мой, ножъ окровавленный
Воткну, смѣясь, въ дубовый столъ!...

Отечественныя Записки 1859 г. №7.

Олегъ.

I.

Во мглѣ языческой дубравы,
Въ года забытой старины,
Когда то жертвенникъ кровавый
Дымился божеству войны.
Тамъ возносился дубъ высокій,
Священный древностью глубокой;
Какъ неподвижный царь лѣсовъ,
Чело до самыхъ облаковъ
Онъ подымалъ. На немъ висѣли
Кольчуги, сабли и щиты,
Вокругъ сожженные кусты
И черепа убитыхъ тлѣли...
И пѣсня Лады никогда
Не приносилася сюда!...

II.

Поставленъ вѣры теплымъ чувствомъ,
Блестѣлъ кумиръ въ тѣни вѣтвей,
И ликъ, исписанный искусствомъ,
Былъ смытъ усиліемъ дождей.
Въ дали лѣсистыя равнины
И неприступныя вершины
Гранитныхъ скалъ туманъ одѣлъ,
И Волховъ за лѣсомъ шумѣлъ.
Склоненъ невольно къ удивленью,
Пришелецъ чуждый въ наши дни,
Не презирай сихъ мѣстъ: они
Знакомы были вдохновенью!...
И скальдовъ сѣверныхъ не разъ
Здѣсь раздавался смѣлый гласъ...

III.

Утихло озеро. Съ стремниной
Молчатъ туманныя скалы,

И вьются дикіе орлы,
Крича, надъ зеркальной пучиной.
Ужъ челнока съ давнишнихъ поръ
Волна глухая не лелѣетъ;
Кольцомъ вокругъ угрюмый боръ,
Поднявъ вершины, зеленѣетъ,
Скрываясь за хребтами горъ.
Давно ни песъ, ни всадникъ смѣлый
Страны глухой и опустѣлой
Не посѣщалъ. Окрестный звѣрь
Забылъ знакомый шумъ ловитвы.
Но кто и для какой молитвы
На берегу стоитъ теперь?...
Съ какою здѣсь онъ мыслью странной
Съ мечемъ, въ кольчугѣ, за спиной
Колчанъ и лукъ. Шишакъ стальной
Блеститъ насѣчкой иностранной.
Онъ тихо красный плащъ рукой
На землю бросилъ, не спуская
Недвижныхъ съ озера очей,
И кольца русые кудрей
Бѣгутъ, на плечи ниспадая.
Въ героѣ повѣсти моей
Слѣды являлись краткихъ дней,
Но не примѣтно впечатлѣній
Ни удовольствій, ни волненій,
Ни упоительныхъ страстей.
И, ставъ у пѣнистаго брега,
Онъ къ духу озера воззвалъ;
«Стрри-Богъ! Я вновь къ тебѣ предсталъ
Не могъ ты позабыть Олега:
Онъ приносилъ къ тебѣ враговъ,
Сверша опасные набѣги.
Онъ въ честь тебѣ ихъ пролилъ кровь,
И тотъ опять средь сихъ лѣсовъ,
Предъ кѣмъ дрожали печенѣги.
Какъ въ день разлуки роковой,

Явись опять передо мной!»
И шумно взволновались воды,
Растутъ свинцовые валы,
Какъ въ часъ суровой непогоды
Покрылись пѣною скалы,
Возсталъ въ срединѣ столбъ туманный...
Тихонько видъ мѣняя странный,
Яснѣй, яснѣй, яснѣй..... и вотъ
Стрри-Богъ по озеру идетъ.
Глаза открытые сіяли,
Подъялась влажная рука,
И мокрые власы бѣжали
По голымъ персямъ старика.

IV.

...Ахъ! было время, время боевъ,
На милой нашей сторонѣ!
Гдѣ жъ тѣ года? Прошли они
Съ мгновенной славою героевъ.
Но тѣни сильныхъ я видалъ,
И громкій голосъ ихъ слыхалъ
Въ часы суровой непогоды,
Когда, бушуя, плещутъ воды,
И вихрь, клубя сѣдую пыль,
Волнуетъ по полямъ ковыль,
Они на темносизыхъ тучахъ
Разнообразною толпой
Летятъ. Щиты въ рукахъ могучихъ,
Ихъ тѣшитъ бурь знакомый вой.
Сплетаясь цѣпію воздушной,
Они вступаютъ въ грозный бой.
Я зрѣлъ ихъ смутною душой,
Я имъ внималъ не равнодушно.
На мнѣ была тоски печать,
Бездѣйствіемъ терзалась совѣсть,
И я рѣшился начертать
Временъ былыхъ простую повѣсть.

Жилъ-былъ когда-то князь Олегъ,
Владѣтель русскаго народа,
Варягъ, боецъ [тогда свобода
Не начинала свой побѣгъ].
Его рушительный набѣгъ
Почти отъ Пскова до Онѣги
Поля и веси покорилъ...
Онъ всѣмъ сосѣдямъ страшенъ былъ:
Предъ нимъ дрожали печенѣги;
Съ нимъ отъ каспійскихъ береговъ
Казары дружества искали.
Его дружины побѣждали
Свирѣпыхъ жителей дубровъ.
И онъ искалъ на грековъ мести,
Презрѣньемъ гордыхъ раздраженъ...
Царь Византіи былъ смущенъ
Молвой ужасной этой вѣсти...
Но что замедлилъ князь Олегъ
Свой разрушительный набѣгъ?...

[Только отрывки впервые напечатаны были въ Отеч. Зап. 1859 г. №7].

Къ ***

Глядися чаще въ зеркала,
Любуйся милыми очами,
И свѣта шумная хвала
Съ моими скромными стихами
Тебѣ покажутся яснѣй...
Когда же вздохъ самодовольной
Изъ груди вырвется невольно,
Когда въ младой душѣ своей
Самолюбивыя волненья
Не будешь въ силахъ утаить:
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь можетъ быть.

Къ ....

Мы снова встрѣтились съ тобой,
Но какъ мы оба измѣнились!
Года унылой чередой
Отъ насъ невидимо сокрылись.
Ищу въ глазахъ твоихъ огня,
Ищу въ душѣ своей волненья!
Ахъ! какъ тебя, такъ и меня
Убило жизни тяготѣнье!...

Монологъ.

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!...
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Ея однообразное теченье...
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ.

Отечественныя Записки 1859 г. №7.

Молитва.

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю;
За то, что рѣдко въ душу входитъ
Живыхъ рѣчей Твоихъ струя;
За то, что въ заблужденьи бродитъ
Мой умъ далеко отъ Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочетъ на груди моей;
За то, что дикія волненья
Мрачатъ стекло моихъ очей;
За то, что міръ земной мнѣ тѣсенъ,
Къ Тебѣ жъ проникнуть я боюсь
И часто звукомъ грѣшныхъ пѣсенъ
Я, Боже, не Тебѣ молюсь.
Но угаси сей чудный пламень—
Всесожигающій костеръ,
Преобрати мнѣ сердце въ камень,
Останови голодный взоръ;
Отъ страшной жажды пѣснопѣнья
Пускай, Творецъ, освобожусь;
Тогда на тѣсный путь спасенья
Къ Тебѣ я снова обращусь.

Отечественныя Записки 1859 г. №7.

Посвященіе NN.

При случаѣ ссоры съ Сабуровымъ.

Вотъ, другъ, плоды моей небрежной музы!
Оттѣнокъ чувствъ тебѣ несу я въ даръ.
Хоть ты презрѣлъ священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринулъ жаръ...

Я знаю все: ты вѣтренъ, безразсуденъ,
И ложный другъ ужъ въ сѣть тебя завлекъ;
Но вспоминай, что путь ко счастью труденъ
Отъ той страны, гдѣ царствуетъ порокъ!...
Готовъ на все для твоего спасенья!
Я такъ клялся, и къ гибели летѣлъ;
Но ты молчалъ и, полный подозрѣнья,
Словамъ моимъ повѣрить не хотѣлъ...
Но часъ придетъ, своимъ печальнымъ взоромъ
Ты все прочтешь въ нѣмой душѣ моей;—
Тогда:—бѣги, не трать пустыхъ рѣчей,—
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ!...

Пиръ.

Къ Сабурову. «Какъ онъ не понималъ моего пылкаго сердца»?

Приди ко мнѣ, любезный другъ,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій,
Чтобъ раздѣлить святой досугъ
Въ объятьяхъ мира, музъ и грацій.
Не мясо тучнаго тельца,
Не фрукты Греціи счастливой
Увидишь ты; не медъ, не пиво
Блеснутъ въ стаканѣ пришлеца!
Но за столомъ любимца Феба
Пируетъ дружба и *она;*
А снѣдь—кусокъ прекрасный хлѣба
И рюмка краснаго вина.

Отечественныя Записки 1859 г. №7.

Веселый часъ.

Стихи въ оригиналѣ найдены во Франціи на стѣнахъ одной государст венной темницы.

Зачѣмъ вы на меня,
Любезные друзья,
Въ рѣшетку такъ глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчасъ,
Коль я въ углу темницы
Смочилъ одинъ хоть разъ
Слезой мои рѣсницы!...
Ликуйте вы одни
И чаши осушайте,
Любви въ безумномъ снѣ
Какъ прежде утопайте;
Но въ пламенномъ винѣ
Меня воспоминайте!

Я также въ вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлѣбъ черствый стану ѣсть
И воду пить гнилую!..

Передо мною столъ
И шаткій и старинный;
И музыкой ослиной
Скрипитъ повсюду полъ.
Въ окошко свѣтъ чуть льется;
Я на стѣнѣ кругомъ
Пишу стихи углемъ,
Браню кого придется,
Хвалю кого хочу,
Нерѣдко хохочу,
Что такъ мнѣ удается!

Иль если крыса въ ночь
Колпакъ на мнѣ сгрызаетъ,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяетъ
Ея безплодный трудъ.
Я повернусь—и тутъ,
Послыша гласъ тревоги,
Она—давай Богъ ноги!. .

Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,
Смѣшу—и тѣмъ сытѣй
Всегда почти бываю
. . . .*.
. . . .
О! тогда я припѣваю
. . . .*.
. . . .
«Тотъ счастливъ, въ комъ ни разъ
«Веселья духъ не гасъ.
«Хоть онъ всю жизнь страдаетъ,
«Но горесть забываетъ
«Въ одинъ веселый часъ!...

Къ друзьямъ.

Я рожденъ съ душою пылкой,
Я люблю съ друзьями быть,—
А подчасъ и за бутылкой
Быстро время проводить.

Я не склоненъ къ славѣ громкой:
Сердце грѣетъ лишь любовь;
Лиры звукъ дрожащій, звонкій
Мнѣ волнуетъ также кровь.

* Точки въ рукописи.

Но нерѣдко средь весселья
Духъ мой страждетъ и грустить;
Въ шумѣ буйнаго похмѣлья
Дума на сердцѣ лежитъ.

Къ П.....ву.

Забудь, любезный П.....нъ,
Мои минувшія сужденья;
Нѣтъ! не достоинъ бѣдный свѣтъ презрѣнья,
Хоть наша жизнь минута сновидѣнья,
Хоть наша смерть струны порванной звонъ.
Мой умъ его теперь цѣнить иначе станетъ:
Наврядъ ли кто нибудь изъ насъ страну узритъ,
Гдѣ дружба дружбы не обманетъ,
Любовь любви не измѣнитъ.
Зачѣмъ же все въ семъ мірѣ бросить,
Зачѣмъ и счастья не найти!
Есть розы, другъ, и на земномъ пути!
Ихъ время злобное не всѣ покоситъ!...
Пусть добродѣтель въ прахъ падетъ,
Пусть будутъ всѣ мольбы Творцу безплодны,
Навѣки геній пусть умретъ—
Вездѣ утѣхи есть толпѣ простонародной:
Но тотъ, на комъ лежитъ унынія печать,
Кто, юный, потерялъ лѣта златыя,
Того не могутъ услаждать
Ни дружба, ни любовь, ни пѣсни боевыя!...

Къ Д[урно]ву.

Я пробѣгалъ страны Россіи,
Какъ бѣдный странникъ межъ людей;
Вездѣ шипятъ коварства зміи:
Я думалъ: въ свѣтѣ нѣтъ друзей!
Нѣтъ дружбы нѣжно-постоянной,
И безкорыстной, и простой,
Но ты явился, гость незванный,
И вновь мнѣ возвратилъ покой!
Съ тобою чувствами сливаюсь,
Въ рѣчахъ веселыхъ счастье пью;
Но дѣвъ коварныхъ не терплю—
И больше имъ не довѣряю!

Эпиграмма.

Дуракъ и старая кокетка—все равно:
Румяны, горсть бѣлилъ—все знаніе его!...

Мадригалъ.

«Душа тѣлесна!» шепчешь смѣло.
Согласенъ, страстію дыша:
Твое прекраснѣйшее тѣло
Ничто иное, какъ душа!...

Въ день рожденья NN.

Чего тебѣ, мой милый, пожелать?
Учись быть счастливымъ на разные манеры;
И продолжай безпечно пировать
Подъ сѣнью Марса и Венеры.

Романсъ.

Коварной жизнью недовольный,
Обманутъ низкой клеветой,
Летѣлъ изгнанникъ самовольный,
Въ страну Италіи златой.
«Забуду-ль васъ, сказалъ онъ, други?
Тебя, о сѣвера вино?
Забуду-ль въ мирные досуги,
Какъ веселило насъ оно?

«Снѣга и вихрь зимы холодной,
Горячій взоръ московскихъ дѣвъ,
И балалайки звукъ народной,
И томный вечера припѣвъ?
Душа души моей! тебя ли
Загладятъ въ памяти моей:
Страна далекая, печали,
Языкъ презрительныхъ людей?

«Нѣтъ! и подъ миртомъ изумруднымъ
И на Гельвеціи скалахъ,
И въ градѣ Рима многолюдномъ—
Все будешь ты въ моихъ очахъ?»
Въ коляску сѣлъ, дорогой скучной,
Закрывшись въ плащъ, онъ поскакалъ;
А колокольчикъ однозвучный
Звенѣлъ, звенѣлъ и пропадалъ!

Портреты.

I.

Этотъ портретъ былъ доставленъ одной дѣвушкѣ. Она въ немъ думала узнать меня. Вотъ за какого эгоиста принимаютъ обыкновенно поэта.

Онъ не красивъ, онъ не высокъ,
Но взоръ горитъ, любовь сулитъ;
И на челѣ оставилъ рокъ,
Средь юныхъ дней, печать страстей.

Власы на немъ, какъ смоль, черны;
Блѣдны всегда его уста;
Открыты ль, сомкнуты ль они,
Ліютъ безъ словъ языкъ боговъ!...
И пылокъ онъ, когда надъ нимъ
Грозитъ бѣдой перунъ земной!
Не любитъ онъ и славы дымъ;
Средь тайныхъ мукъ, свободы другъ,
Смѣется рѣдко; чаще—вновь
Клянетъ онъ міръ, гдѣ вѣчно сиръ.
Коварность, зависть и любовь
Все проклялъ онъ, какъ лживый сонъ,
Какъ призракъ дымныя мечты.
Холодный умъ, средь мрачныхъ думъ,
Не тронутъ слезы красоты.
Вездѣ одинъ, природы сынъ,
Не зналъ онъ друга межъ людей;
Такъ бури токъ сухой листокъ
Мчитъ жертвой посреди степей!...

[Отечественныя Записки 1859 г. №7. Въ тетради, поднесенной Лермонтовымъ въ 1829 г. учителю своему Солоницкому, вмѣсто 8 послѣднихъ стиховъ стихотвореніе кончается слѣдующими 5 стихами:

Все бросилъ онъ, какъ лживый сонъ!
Не зналъ онъ друга межъ людей:
Вездѣ одинъ, природы сынъ.
Такъ жертву, средь сухихъ степей,
Мчитъ бури токъ, сухой листокъ.

Стихотвореніе это въ тетради Солоницкаго составляетъ №1 всей группы стихотвореній, именуемыхъ «Портреты», а въ черновыхъ тетрадяхъ Лермонтовскаго Музея №1 написано подъ названіемъ «Портретъ» въ томъ видѣ, какъ его печатали до сей поры. Тетрадь г. Солоницкаго находится у профессора Тихонравова, но точная копія въ Лермонтовскомъ Музеѣ].

II.

Довольно толстъ, довольно тученъ
Нашъ полновѣсистый герой.
Не рѣдко веселъ, чаще скученъ,
Любезенъ, гордъ, сердитъ порой.

Онъ добръ, членъ нашего Парнаса
Красавицамъ Москвы смѣшонъ,
На крыльяхъ дряхлаго пегаса
Летаетъ въ міръ мечтанья онъ.
Глаза не слишкомъ говорливы,
Всегда по модѣ онъ одѣтъ,
А щечки—полненькія сливы,
Такъ говоритъ докучный свѣтъ.

III.

Лукавъ, завистливъ, золъ и страстенъ,
Отступникъ Бога и людей;
Холоденъ, всѣмъ почти ужасенъ,
Своими ласками опасенъ,
А въ заключеніе—злодѣй!...

IV.

Все въ мірѣ суета, онъ мнитъ, или отрава,—
Возвышенной душой: предметъ стремленья—слава.

V.

Всегда онъ съ улыбкой веселой
Жизнь любитъ и юность румяну,
Но чувства глубоки питаетъ,—
Не знаетъ онъ тайны природы.
Онъ скрытенъ всегда, постояненъ,
Не знаетъ горячихъ страстей.

VI.

Онъ любимецъ мягкой лѣни,
Сна и низкихъ всѣхъ людей;
Онъ любимецъ наслажденій,
Врагъ губительныхъ страстей!
Русы волосы кудрями
Упадаютъ средь ланитъ;
Взоръ изнѣженъ, и устами
Онъ лишь рѣдко шевелитъ.

[Послѣднія пять стихотвореній напечатаны въ первый разъ въ Русской Мысли 1881 г. №12].

Къ Генію.

Напоминаніе о томъ, что было въ ефремовской деревнѣ въ 1827 году, гдѣ я во второй разъ любилъ 12 лѣтъ—и понынѣ люблю.

Когда во тьмѣ ночей мой, не смыкаясь, взоръ
Безъ цѣли бродитъ вкругъ; прошедшихъ дней укоръ
Когда зоветъ меня, невольно, къ вспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!...
О, сколько вдругъ толпой тѣснится въ грудь мою
И тѣней, и любви свидѣтелей!... «Люблю!»
Твержу, забывшись, имъ. Но, полный весь тоскою,
Невѣрной дѣвы ликъ мелькаетъ предо мною...
Такъ счастье вѣдалъ я—и сладкій мигъ исчезъ,
Какъ гаснетъ блескъ звѣзды падучей средь небесъ!
Но я тебя молю, мой неизмѣнный геній:
Дай разъ еще любить! дай жаромъ вдохновеній
Согрѣться мигъ одинъ, послѣдній, и тогда
Пускай остынетъ пылъ сердечный навсегда...
Но прежде тамъ, гдѣ вы, души моей царицы,
Промчится звукъ моей задумчивой цѣвницы.
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Надъ яблоней мой тирсъ и съ лирой золотой
Повѣсь и начерти: здѣсь жили вдохновенья!
Пѣвецъ знавалъ любви живыя упоенья!...
.... И я приду сюда, и не узнаю васъ,
О, струны звонкія! . . . .
. . . . *
Но ты забыла, другъ, когда порой ночной
Мы на балконѣ тамъ сидѣли. Какъ нѣмой,
Смотрѣлъ я на тебя съ обычною печалью.
Не помнишь ты тотъ мигъ, какъ я, подъ длинной шалью
Сокрывши, голову на грудь твою склонялъ—
И былъ отвѣтомъ вздохъ, твою я руку жалъ—
И былъ отвѣтомъ взглядъ и страстный и стыдливый!

* Точки въ рукописи.

И мѣсяцъ былъ одинъ свидѣтель молчаливый
Послѣднихъ и невинныхъ радостей моихъ!
Ихъ пламень на груди моей давно затихъ!...
Но, милая, зачѣмъ, какъ годъ прошелъ разлуки,
Какъ я почти забылъ и радости, и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня къ себѣ...
Забудь любовь мою! покорна будь судьбѣ!
Кляни мой взоръ, кляни моихъ восторговъ сладость!
Забудь!... Пускай другой твою украситъ младость!
Ты жъ, чистый житель тѣхъ неизмѣримыхъ странъ,
Гдѣ стелется эѳиръ, какъ вѣчный океанъ,
И совѣсть чистая съ безпечностью драгою,
Хранители души, останьтесь ввѣкъ со мною!
И будетъ мнѣ луны любезенъ томный свѣтъ,
Какъ смутный памятникъ прошедшихъ милыхъ лѣтъ!...

Отечественныя Записки 1859 г. №7.

Покаяніе.

ДѢВА.

— Я пришла, святой отецъ,
Исповѣдать грѣхъ сердечный,
Горесть, роковой конецъ
Счастья жизни скоротечной!

ПОПЪ.

— Если духъ твой изнемогъ,
И въ сердечномъ покаяньи
Изліешь свои страданья:
Грѣхъ проститъ Великій Богъ!

ДѢВА.

— Нѣтъ, не въ той я здѣсь надеждѣ,
Чтобы сбросить тягость бѣдъ:
Все прошло, что было прежде,
Гдѣ жъ найти уплывшихъ лѣтъ?
Не хочу я предъ Небеснымъ
О спасеньи слезы лить,

Иль спокойствіемъ чудеснымъ
Душу грѣшную омыть;
Я спѣшу передъ тобою
Исповѣдать жизнь мою,
Чтобъ не умертвить съ собою
Все, что въ жизни я люблю!
Слушай, тверже будь—скрѣпися,
Знай, что есть ударъ судьбы;
Но надъ мною не молися:
Не достойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юныхъ, нѣжныхъ дней;
Я не знала о покоѣ,
О невинности дѣтей:
Пылкой страсти вождelѣнью
Я была посвящена,
И геенскому мученью
Предала меня она!...
Но любови тайна сладость
Укрывалася отъ глазъ;
Вслѣдъ за ней бѣжала младость,
Какъ бѣжитъ за часомъ часъ.
Вскорѣ бѣдствіе узнала
И ничтожество свое:
Я любовью торговала
И не вѣдала ея.
Исповѣдать грѣхъ сердечный
Я пришла, святой отецъ!
Счастья жизни скоротечной
Вѣчный роковой конецъ.

ПОПЪ.

Если таешь ты въ страданьи,
Если духъ твой изнемогъ,
Но не молишь въ покаяньи:
Не проститъ Великій Богъ!...

Письмо.

это вздоръ * .

Свѣча горитъ! дрожащею рукою
Я окончалъ завѣтныя черты;
Болѣзнь и парка мчались надо мною,
И много въ грудь тѣснилося. И ты
Напрасно чашу мнѣ несла здоровья
[Такъ чудилось], съ веселіемъ въ глазахъ,
Напрасно стала здѣсь у изголовья,
И поцѣлуй любви горѣлъ въ устахъ...
Прости навѣкъ! Но вотъ одно желанье:
Приди ко мнѣ, приди въ послѣдній разъ,
Чтобъ усладить предсмертное страданье,
Чтобъ потушить огонь сомкнутыхъ глазъ,
Чтобъ сжать мою хладѣющую руку...
Далеко ты! не слышишь голосъ мой!
Не при тебѣ узнаю смерти муку,
Не при тебѣ оставлю міръ земной!
Когда жъ письмо въ очахъ твоихъ печальныхъ
Откроется... прочтешь его... тогда,
Быть можетъ, я при пѣсняхъ погребальныхъ
Сойду въ мой домъ подземный навсегда!...
Но ты не плачь, мы ближе другъ отъ друга,
Мой духъ всегда готовъ къ тебѣ летать,
Или въ часы безпечнаго досуга
Сокрыты прелести твои лобзать,
Настанетъ ночь, пріѣдешь изъ собранья
И къ ложу тайному придешь одна;
Посмотришь въ зеркало, и жаръ дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнетъ огнь на дѣвственны ланиты,
Къ груди младой прильнетъ безвѣстный духъ,
И надъ главой мелькнетъ призракъ забытый,
И звукъ влетитъ въ твой удивленный слухъ.

* Примѣчаніе Лермонтова, приписанное очевидно позднѣе.—Въ первый разъ напечатано въ Отеч. Зап. 1859 г. №7.

Узнай въ тотъ мигъ, что это я изъ гроба
На мрачное свиданье прилетѣлъ:
Такъ! душная земли нѣмой утроба
Не всѣхъ тѣней презрительный удѣлъ!
Когда жъ въ саняхъ, въ блистательномъ катаньи,
Проѣдешь ты на парѣ вороныхъ:
И за тобой въ любви живомъ страданьи
Стоитъ гусаръ безмолвенъ, мраченъ, тихъ;
И по груди обоихъ васъ промчится
Невольный хладъ, и сердце закипитъ,
И ты вздохнешь, гусара взоръ затмится,
Онъ черный усъ рукою закрутитъ;
Услышишь звукъ военнаго металла,
Увидишь блѣдный цвѣтъ его чела:
То тѣнь моя безумная предстала
И мертвый взоръ на путь вашъ навела!...
Ахъ! много, много я сказать желаю,
Но медленно слабѣетъ жизни духъ.
Я чувствую, что къ смерти подступаю,
И падаетъ перо изъ слабыхъ рукъ...
Прости!... Я бѣгалъ за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любилъ,
Все измѣнило мнѣ, вездѣ отравы,
Лишь лиры звукъ мнѣ неизмѣненъ былъ!...

Отечественныя Записки 1859 г. №7.

Война.

ВЪ ПАНСІОНѢ.

Зажглась, друзья мои, война
И развились знамена чести;
Трубой завѣтною она
Манитъ въ поля кровавой мести!
Простите шумные пиры,
Хвалы достойные напѣвы,

И Вакха милые дары,
Святая Русь, и красны дѣвы!
Забуду я тебя, любовь,
Суетъ и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить вѣнокъ небренной славы!

[Стихотвореніе относится очевидно къ турецкой компаніи 1829 г.— войны за освобожденіе Греціи].

Русская мелодія.

Эту пьесу отдавалъ за свою Раичу Дурновъ—другъ, котораго понынѣ люблю и уважаю за его открытую и добрую душу. Онъ мой первый и послѣдній.

Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной
И образовъ иныхъ существованье;
Я цѣпью ихъ связалъ между собой,
Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ названья;
Вдругъ зимнихъ бурь раздался грозный вой,
И рушилось невѣрное созданье!..

Такъ передъ праздною толпой,
И съ балалайкою народной,
Сидитъ въ тѣни пѣвецъ простой,
И безкорыстный, и свободный!...

Онъ громкій звукъ внезапно раздаетъ
Въ честь дѣвы милой сердцу и прекрасной—
И звукъ внезапно струны оборветъ,
И слышится начало пѣсни, но напрасно...
Никто конца ея не допоетъ!...

Отечественныя Записки 1859 г. №7.

Пѣсня.

Свѣтлый призракъ дней минувшихъ,
Для чего ты
Пробудилъ страстей уснувшихъ
И заботы?

Ты питаешь сладострастья
Скоротечность!
Но гдѣ взять былое счастье
И безпечность?

Гдѣ вы дружески обѣты
И отвага?
Поглотились бездной Леты
Эти блага!...

Щеки блѣдностью, хоть молодъ,
Ужъ покрылись;
Въ сердцѣ ненависть и холодъ
Водворились!

Къ А. С.

Хотя я тогда этого не думалъ.

Не привлекай меня красой!
Мой духъ погасъ и состарѣлся.
Ахъ! много лѣтъ, какъ взглядъ другой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!...
Я для него забылъ весь міръ,
Для сей минуты незабвенной!...
Но я теперь, какъ нищій, сиръ;
Брожу одинъ, какъ отчужденный!
Такъ путникъ въ темнотѣ ночной,
Когда узритъ огонь блуждящій,
Бѣжитъ за нимъ... схватилъ рукой...
И пропасть подъ ногой скользящей!...

Отечественныя Записки. 1859 г. №7.

Романсъ.

ДУРНОВУ.

Невинный нѣжною душою,
Не знавши въ юности страстей приливъ,
Ты можешь, другъ, сказать, съ какой то простотою:
Я былъ счастливъ!...

Кто, слишкомъ рано насладившись,
Живетъ, въ душѣ негодованье скрывъ,
Тотъ можетъ, другъ, еще сказать забывшись:
Я былъ счастливъ!...

Но я въ сей жизни скоротечной
Такъ испыталъ отчаянья порывъ,
Что не могу сказать чистосердечно:
Я былъ счастливъ!...

Къ NN.

Къ Сабурову—наша дружба смѣшана съ столькими разрывами и сплетнями—что воспоминанья объ ней совсѣмъ не веселы.—Этотъ человѣкъ имѣетъ женскій характеръ. Я самъ не знаю, отчего такъ дорожилъ имъ.

Ты не хотѣлъ! но скоро волю рока
Узнаешь ты и въ бездну упадешь:
Проколетъ грудь раскаянія ножъ.
Предстану я безъ горькаго упрека
И ты тогда совсѣмъ мой взоръ поймешь;
Но онъ тебѣ какъ мечъ, какъ ядъ опасенъ;
Захочешь ты проступку вновь помочь:
Нѣтъ, поздно, другъ, твой будетъ трудъ напрасенъ:
Обратно взоръ тебя отгонитъ прочь!...
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу, какъ во снѣ:
Никто со мной дѣлить не будетъ скуку;
Такихъ друзей не надо больше мнѣ:

Ты хладенъ былъ, когда я зрѣлъ несчастье
Или ударъ печальной клеветы;
Но придетъ часъ: и будешь въ горѣ ты,
И не пробудится въ душѣ моей участье!...

Съ пропусками напечатано въ Русской Мысли 1881 г. №12.

Эпиграммы.

I.

Есть люди странные, которые съ друзьями
Обходятся какъ съ сюртуками:
Покуда новъ сюртукъ: въ чести—а тамъ
Забытъ и подаренъ слугамъ!...

Русская Мысль 1881 г. №12.

II.

Тотъ самый человѣкъ пустой,
Кто весь наполненъ самъ собой.

III.

Поэтомъ [хоть и это бремя]
Изъ журналиста быть тебѣ не суждено:
Ругать и льстить, и лгать въ одно и тоже время—
Признаться—очень мудрено!...

Русская Старина 1872 г. №2.

IV.

Г—ну П.

Аминтъ твой на глупца походитъ,
Когда за счастіемъ бѣжитъ;
А подъ конецъ такъ крѣпко спитъ,
Что даже сонъ другимъ наводитъ.

V.

Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ
И спорить съ женщиной—все тоже,
Что черпать воду рѣшетомъ:
Отъ сихъ троихъ избавь насъ, Боже!

Отечественныя Записки. 1859 г. №7.

VI.

Дамонъ, нашъ врачъ, о другѣ прослезился,
Когда тотъ кончилъ жизнь; понынѣ онъ груститъ:
[Но не о томъ, что жизни другъ лишился]
Пять разъ забылъ онъ взять билеты за визитъ!

Русская Мысль 1881 г. №12.

Къ Иос. Петр. Грузинову.

Скажу, любезный мой пріятель,
Ты для меня такой смѣшной:
Ты музъ прилежный обожатель—
Имъ даже жертвуешь собой!...
Напрасно, милый другъ! коварныхъ
Къ себѣ не приманишь никакъ:
Вѣдь музы—женщины... итакъ,
Кто жъ видѣлъ женщинъ благодарныхъ?

Отечественныя Записки 1859 г. №7.

Панъ.

ВЪ ДРЕВНЕМЪ РОДѢ.

Люблю, друзья, когда за рѣчкой гаснетъ день,
Укрывшися лѣсовъ въ таинственную сѣнь;
Или, подъ вѣтвями пустынныя рябины,
Смотрѣть на синія, туманныя равнины.
Тогда приходитъ Панъ съ толпою пастуховъ
И пляшутъ вкругъ меня на бархатѣ луговъ.
Но чаще богъ овецъ ко мнѣ въ уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкаетъ легкій хмѣль,
Въ одной рукѣ его—стаканъ, въ другой свирѣль.
Онъ учитъ пѣть меня, а я въ тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

Въ Средниковѣ.

Библіографическія Записки 1861 г. №16.

Жалобы турка.

ПИСЬМО КЪ ДРУГУ ИНОСТРАНЦУ.

Ты зналъ ли дикій край, подъ знойными лучами
Гдѣ рощи и луга поблекшіе цвѣтутъ,
Гдѣ хитрость и безпечность злобѣ дань несутъ,
Гдѣ сердце жителей волнуемо страстями,
И гдѣ являются порой
Умы и хладные, и твердые, какъ камень,
Но мощь ихъ давится безвременной тоской,
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за утѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей!...
Другъ! этотъ край—моя отчизна!...

[Въ рукописи Лермонтова приписано, какъ PS. слѣд. четырехстишіе:
Ахъ! если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрываетъ ложь:
Чтожъ дѣлать? всѣ мы человѣки!...
Безъ этихъ строкъ стихотвореніе въ первый разъ было напечатано въ Русск. Старинѣ 1872 г. №1].

Къ NN.

.Не играй моей тоской,
И холодной, и нѣмой.
Для меня бываетъ время:
Какъ о прошломъ вспомню я,
Сердце [Богъ тому судья]
Жметъ невѣдомое бремя!...

Я хладѣю и горю;
Самъ съ собою говорю;
Внемлю смертному напѣву;
Я гляжу на бѣгъ рѣки,
На ударъ моей руки,
На поверженную дѣву!

Я ищу въ ея глазахъ,
Въ измѣнившихся чертахъ,
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно; злобный рокъ
Начертать сего не могъ,
Чтобъ мое спокоить мщенье.

Черкешенка.

Я видѣлъ васъ: холмы и нивы,
Разнообразныхъ горъ кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухихъ народъ счастливый,
И нравы тихой простоты!

Но тамъ, гдѣ Терекъ протекаетъ,
Черкешенку я увидалъ,—
Взоръ дѣвы сердце приковалъ;
И мысль невольно улетаетъ
Бродить средь милыхъ, дальнихъ скалъ...

Такъ духъ раскаянія, звуки
Послышавъ райскіе, летитъ
Узрѣть еще небесный видъ:
Такъ стонъ любви, страстей и муки
До гроба въ памяти звучитъ.

Отвѣтъ.

Кто муки зналъ когда нибудь,
И чьи къ любви закрылись вѣжды;
Тогда отъ страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Онъ любитъ мракъ уединенья,
Онъ больше не знакомъ съ слезой,
Предъ нимъ изчезли упоенья
Мечты безплодной и пустой.
Онъ чувствъ лишенъ: такъ пень лѣсной,
Постигнутъ молньей, догораетъ,
Погасъ—и скрылся жизни сокъ,
Онъ мертвыхъ вѣтвей не питаетъ,
На немъ печать оставилъ рокъ.

Два сокола.

Степь, синѣя, разстилалась
Близъ азовскихъ береговъ;
Западъ гасъ, и ночь спускалась;
Вихрь скользилъ между холмовъ,
И, тряхнувшись, въ полѣ дикомъ
Сѣрый соколъ тихо сѣлъ;
И къ нему съ отвѣтнымъ крикомъ
Братъ стрѣлою прилетѣлъ.
«Братецъ, братецъ, что ты видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй!»
«Ахъ! я свѣтъ возненавидѣлъ
И безжалостныхъ людей».

«Что жъ ты видѣлъ тамъ худаго?»
«Кучу каменныхъ сердецъ:
Дѣвѣ—смѣхъ тоска милаго,
Для дѣтей—тиранъ отецъ.
Дѣвы мукой слезъ правдивыхъ
Веселятся, какъ игрой,
И у ногъ самолюбивыхъ
Гибнутъ юноши толпой!...
Братецъ, братецъ, ты что жъ видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй».
«Свѣтъ и я возненавидѣлъ
И измѣнчивыхъ людей.
Ношею обмановъ скрытыхъ
Юность тамъ удручена,
Воспоминаній ядовитыхъ
Старость мрачная полна.
Гордость, вѣрь ты мнѣ, прекрасной
Забывается порой;
Но измѣна дѣвы страстной—
Ножъ для сердца вѣковой!...»

Отечественныя Записки 1859 г. №7

Грузинская пѣсня.

Слышано мною что то подобное на Кавказѣ.

Жила грузинка молодая,
Въ гаремѣ душномъ увядая;
Случилось разъ,
Изъ черныхъ глазъ
Алмазъ любви, печали сынъ,
Скатился.
Ахъ! ею старый армянинъ
Гордился!
Вокругъ нея кристаллъ, рубины,
Но какъ не плакать отъ кручины
У старика?

Его рука
Ласкаетъ дѣву всякій день,
И что же?
Скрываются красы какъ тѣнь...
О Боже!
Онъ опасается измѣны,
Его высоки, крѣпки стѣны;
Но все любовь
Презрѣла. Вновь
Румянецъ на щекахъ живой
Явился
И перлъ между рѣсницъ порой
Не бился...
Но армянинъ открылъ коварность,
Измѣну и неблагодарность...
Какъ перенесть!
Досада, месть,
Впервые васъ, онъ только самъ
Извѣдалъ!
И трупъ преступницы волнамъ
Онъ предалъ.

[Отечественныя Записки 1859 г. №7, напечатаны лишь первые 13 стиховъ].

Мой демонъ.

Собранье золъ—его стихія.
Носясь межъ дымныхъ облаковъ,
Онъ любитъ бури роковыя
И пѣну рѣкъ, и шумъ дубровъ.
Межъ листьевъ желтыхъ, облетѣвшихъ,
Стоитъ его недвижный тронъ;
На немъ, средь вѣтровъ онѣмѣвшихъ,
Сидитъ унылъ и мраченъ онъ...
Онъ недовѣрчивость вселяетъ,
Онъ презрѣлъ чистую любовь,

Онъ всѣ моленья отвергаетъ,
Онъ равнодушно видитъ кровь;
И звукъ высокихъ ощущеній
Онъ давитъ голосомъ страстей,
И муза кроткихъ вдохновеній
Страшится неземныхъ очей.

Отечественныя Записки 1859 г. №7.

Жена сѣвера.

Покрыта таинствъ легкой сѣткой,
Межъ скалъ полуночной страны
Она являлася нерѣдко
Въ года волшебной старины.
И Фина дикіе сыны
Ей храмины сооружали,
Какъ грозной дочери боговъ;
И скальды сѣверныхъ лѣсовъ
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрѣлъ ее, тотъ умиралъ.
И слухъ въ угрюмой полуночи
Бродилъ, что, будто какъ металлъ,
Язвили голубыя очи,
И только скальды лишь могли
Смотрѣть на дѣву издали.
Они платили пѣснопѣньемъ
За пламенный восторга часъ,
И, пробужденъ нѣмымъ видѣньемъ,
Былъ строенъ ихъ невнятный гласъ.

Къ другу.

Взлелѣянный на лонѣ вдохновенья,
Съ дѣятельной и пылкою душой,
Я не плѣненъ небесной красотой;
Но я ищу земнаго упоенья.
Любовь пройдетъ, какъ тѣнь пустаго сна.
Не буду я счастливымъ близъ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, другъ, узнать не долженъ кто она.
Навѣкъ мы съ ней разлучены судьбою.
Я побѣдить жестокость не умѣлъ,
Но я ношу отказъ и месть съ собою;
Но я въ любви моей закоренѣлъ.
Такъ воръ сѣдой заглохшія дубравы
Не кается еще въ своихъ грѣхахъ;
Еще онъ путниковъ, сосѣдей страхъ,
И милъ ему товарищъ, ножъ кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самаго отъ самой колыбели
Игралище и рока, и страстей,
Къ одной святой, неизъяснимой цѣли.
И я къ высокому, въ порывѣ думъ живыхъ,
И я душой летѣлъ во дни былые;
Но мнѣ милѣй страданія земныя—
Я къ нимъ привыкъ и не оставлю ихъ!...

[Первоначально стихотвореніе это было озаглавлено: «Эпилогъ» [къ Д(урно)ву]. Только 8 послѣднихъ строкъ были напечатаны въ первый разъ въ Русской Старинѣ 1872 г. №2].

1830.

Портретъ.

Взгляни на этотъ ликъ: искусствомъ онъ
Небрежно на холстѣ изображенъ,
Какъ отголосокъ мысли не земной,
Не вовсе мертвый, не совсѣмъ живой.
Холодный взоръ не видитъ, но глядитъ
И всякаго, не нравясь, удивитъ;
Въ устахъ нѣтъ словъ, но быть они должны:
Для словъ уста такія рождены;
Смотри: лицо какъ будто отошло
Отъ полотна,—и блѣдное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что намъ извѣстно: не гроза страстей
Ему дала болѣзненный тотъ цвѣтъ,
И что въ груди сей чувствъ и сердца нѣтъ.
О Боже, сколько я видалъ людей,
Ничтожныхъ—предъ картиною моей,
Душа которыхъ менѣе жила,
Чѣмъ обѣщаетъ видъ сего чела.

---

* *
*

Настанетъ день—и міромъ осужденный,
Чужой въ родномъ краю,
На мѣстѣ казни—гордый, хоть презрѣнный—
Я кончу жизнь мою;
Виновный предъ людьми, не предъ тобою,
Я твердо жду тотъ часъ.
Что смерть? Лишь ты не измѣнись душою—
Смерть не разрознитъ насъ.
Иная есть страна, гдѣ предразсудки
Любви не охладятъ;
Гдѣ не отниметъ счастія изъ шутки,
Какъ здѣсь, у брата братъ.
Когда же вѣсть кровавая примчится
О гибели моей,
И, какъ побѣдѣ, станутъ веселиться
Толпы другихъ людей...
Тогда... молю!... единою слезою
Почти холодный прахъ
Того, кто часто, съ скрытою тоскою,
Искалъ въ твоихъ очахъ
Блаженства юныхъ лѣтъ и сожалѣнья;
Кто предъ тобою открылъ
Таинственную душу и мученья,
Которыхъ жертвой былъ.
Но если... если надъ моимъ позоромъ
Смѣяться станешь ты
И возмутишь неправеднымъ укоромъ
И рѣчью клеветы
Обиженную тѣнь... не жди пощады:
Какъ червь къ душѣ твоей
Я прилѣплюсь, и каждый мигъ отрады
Несносенъ будетъ ей,

И будешь помнить прежнюю безпечность,
Не зная воскресить,
И будетъ жизнь тебѣ долга, какъ вѣчность,
А все не будешь жить.

К. Д.

Будь со мною, какъ прежде бывала,
О, скажи мнѣ хоть слово одно,
Чтобъ душа въ этомъ словѣ сыскала,
Что хотѣлось ей слышать давно!
Если искра надежды хранится
Въ моемъ сердцѣ—оно оживетъ,
Если можетъ слеза появиться
На глазахъ—то она упадетъ.

Есть слова, объяснить не могу я,
Отчего у нихъ власть надо мной;
Ихъ услышавъ, опять оживу я,
Но отъ нихъ не воскреснетъ другой.
О, повѣрь мнѣ, холодное слово
Уста оскверняетъ твои,
Какъ листки у цвѣтка молодаго
Ядовитое жало змѣи!

Пѣсня.

Желтый листъ о стебель бьется
Передъ бурей;
Сердце бѣдное трепещетъ
Предъ несчастьемъ.

Что за важность, если вѣтеръ
Мой листокъ одинокій
Унесетъ далеко, далеко...
Пожалѣетъ ли объ немъ
Вѣтка сирая?

Зачѣмъ грустить молодцу,
Если рокъ судилъ ему
Угаснуть въ краю чужомъ?
Пожалѣетъ ли объ немъ
Красна дѣвица?

[Это и предъидущія два стихотворенія были напечатаны въ Отеч. Зап. 1859 г. №7].

Къ Неэрѣ.

Скажи, для чего передъ нами
Ты въ кудри вплетаешь цвѣты?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной, какъ ты?
Зачѣмъ приводить намъ на память,
Что могутъ ланиты твои
Увянуть, что взоръ твой забудетъ
Восторги надеждъ и любви?
Дивлюсь я тебѣ: равнодушно,
Безпечно ты смотришь впередъ;
Смѣешься надъ временемъ, будто
Неэру оно обойдетъ...
Ужель ты безумнымъ весельемъ
Прогнать только хочешь порой
Грядущаго тѣни? Ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лѣтъ протекутъ: ни лобзаньемъ,
Ни сладкой улыбкою глазъ,
Къ себѣ на душистое ложе
Опять не заманишь ты насъ.
О, лучше умри поскорѣе,
Чтобъ юный красавецъ сказалъ:
«Кто былъ этой дѣвы милѣе?
Кто раньше ея умиралъ?...»

Берлинское изданіе 1862 и Русская Старина 1872 г. №1.

Силуэтъ.

Есть у меня твой силуэтъ;
Мнѣ милъ его печальный цвѣтъ,
Виситъ онъ на груди моей
И мраченъ онъ, какъ сердце въ ней.
Въ глазахъ нѣтъ жизни и огня,
За то онъ вѣчно близъ меня,
Онъ тѣнь твоя, но я люблю,
Какъ тѣнь блаженства, тѣнь твою.

[Въ изданіяхъ перепечатывалось обыкновенно изъ Отеч.Зап.1859 г.№7, въ слѣдующей первоначальной редакціи:]

Есть у меня твой силуэтъ.
На память я его чертилъ,
И, мнится, этотъ черный цвѣтъ
Родня съ моей душою былъ.
Виситъ онъ на груди моей
И мраченъ онъ, какъ сердце въ ней.

Души въ глазахъ, ланитъ огня
Не различите вы на немъ,
За то онъ вѣчно близъ меня,
И взоръ его не на другомъ.
Онъ тѣнь твоя, но я люблю,
Какъ тѣнь блаженства, тѣнь твою.

---

*
* *

Я не люблю тебя: страстей
И мукъ умчался прежній сонъ;
Но образъ твой въ душѣ моей
Все живъ, хотя безсиленъ онъ.
Другимъ предавшися мечтамъ,
Я все забыть его не могъ;
Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ!

Библіотека для чтенія 1844 г. №6.

[Портреты московскихъ знакомыхъ.]

I.

В. Л.

Какъ духъ отчаянья и зла
Мою ты душу обняла;
О, для чего тебѣ нельзя
Ее совсѣмъ взять у меня?
Моя душа—твой вѣчный храмъ;
Какъ божество, твой образъ тамъ;
Не отъ небесъ, лишь отъ него
Я жду спасенья своего.

[Это и нижеслѣдующія пять стихотвореній въ первый разъ были помѣщены въ Отеч. Зап. 1859 г. №7.—Общій заголовокъ поставленъ нами].

II.

Н. Ф. И.

Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали,
Что значатъ толки дураковъ,
И чтобъ вамъ не было печали
Отъ шпоръ, мундира и усовъ!
Дай Богъ, чтобъ васъ не огорчали
Соперницъ ложныя красы,
Чтобы у ногъ вы увидали
Мундиръ и шпоры и усы!

III.

Бухариной.

Не чудно ль, что зовутъ васъ *Вѣра?*
Ужели можно *вѣрить* вамъ?
Нѣтъ, я не дамъ своимъ друзьямъ
Такого страшнаго примѣра!...
Повѣрить стоитъ разъ... но что жъ?
Вѣдь самъ раскаяваться будешь,
Закона *вѣры* не забудешь
И старовѣромъ прослывешь?

IV.

Л. Нарышкиной.

Всѣмъ жалко васъ: вы такъ устали!
Вы не хотѣли танцовать—
И цѣлый вечеръ танцовали!
Какъ наконецъ не перестать?...
Но, если бъ всѣ цѣнить умѣли
Вашъ умъ, любезность вашихъ словъ,
Клянусь безсмертіемъ боговъ,
Тогда бъ мазурки опустѣли.

V.

Мартыновой.

Когда поспорить вамъ придется,
Не спорьте никогда о томъ,
Что невозможно быть съ умомъ
Тому, кто въ этомъ признается;
Кто съ вами разъ поговорилъ,
Тотъ съ вами вѣчно спорить будетъ,
Что умъ вашъ вѣчно не забудетъ
И что другое все забылъ.

VI.

Толстой.

Не даромъ она, не даромъ
Съ отставнымъ гусаромъ.

VII.

Сабуровой.

Какъ? вы поэта огорчили
И не наказаны потомъ?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умомъ.

Нѣтъ, вы не поняли поэта,
Его души печальный сонъ...
Вы небомъ созданы для свѣта,
Но не для васъ былъ созданъ онъ.

Русская Мысль 1882 г №2

VII.

Уваровой.

Вы мнѣ однажды говорили,
Что не привыкли въ свѣтѣ жить.
Не спорю въ этомъ; но не вы ли
Себя заставили любить?
Все, что привычкою другіе
Пріобрѣтаютъ,—вы душой,
И что у нихъ слова пустыя,
То не обманъ у васъ одной.

Русская Мысль 1882 г. №2.

IX.

Алябьевой.

Вамъ красота, чтобы блеснуть,
Дана;
Въ глазахъ душа, чтобъ обмануть,
Видна!...
Но звалъ ли васъ хоть кто нибудь:
Она?

Изданіе 1880 г.

X.

Бартеневой.

Скажи мнѣ, гдѣ переняла
Ты обольстительные звуки
И какъ соединить могла
Отзывы радости и муки!

Премудрой мыслью вникалъ
Я въ пѣсни ада, въ пѣсни рая,
Но чтожъ? нигдѣ я не слыхалъ
Того, что слышалъ отъ тебя я.

XI.

Крапоткиной.

Я оклеветанъ передъ вами,
Какъ оправдаться я могу?
Ужели клятвами, словами?....
Но какъ же я сегодня лгу!...

[Въ черновой тетради стихотворенiе это перечеркнуто.]

XII.

Щербатовой.

Повѣрю-ль я, чтобъ вы хотѣли
Покинуть общество Москвы,
Когда отъ самой колыбели
Ея кумиромъ были вы?
Что дастъ вамъ скучный брегъ Невы?
Ужель тамъ больше веселятся?
Ужели баловъ больше тамъ?
Нѣтъ! какъ мудрецъ, скажу я вамъ:
Гораздо лучше оставаться.

[Русская Мысль 1882 г. №2; первый набросокъ этого стихотворенiя въ черновыхъ тетрадяхъ читаемъ такъ:]

Вамъ знакома вся Москва,
Всѣ Московскiе паркеты:
Васъ взлелѣяла молва
Подъ названiемъ Анеты;
Но предсказываю вамъ:
Близъ Невы не встрѣтятъ васъ,
Какъ княжну бы надо встрѣтить—
Какъ Московскiе проводятъ.....
Тамъ прекраснымъ не находятъ,
Что божественно для глазъ.

XIII.

Додо.

Умѣешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нѣжной оживить;
Умѣешь ты польстить случайно,
Съ холодной важностью лица,
И умника унизить тайно,
Взявъ пылко сторону глупца!
Какъ въ *талисманѣ* стихъ небрежной,
Какъ надъ пучиною мятежной
Свободный парусъ челнока,
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понялъ сѣверъ хладный;
Въ нашъ кругъ ты брошена судьбой,
Какъ божество страны чужой,
Какъ въ день печали мигъ отрадный!

[Отеч. Зап. 1859 г. №7. Додо—такъ звали Евдокію Петровну Сушкову, впослѣдствіи графиню Ростопчину; см. посвященное ей Лермонтовымъ стихотвореніе въ 1840. Здѣсь слѣдовало еще четыре стиха, зачеркнутые поэтомъ:]

Опасна ты, какъ вспоминанье,
Какъ неизмѣнная любовь,
И какъ безумное желанье
Того, чего не будетъ вновь.

XIV.

Крестъ на скалѣ.

M-lle Souchkoff.

Въ тѣснинѣ Кавказа я знаю скалу,
Туда долетѣть лишь степному орлу,
Но крестъ деревянный чернѣетъ надъ ней,
Гніетъ онъ и гнется отъ бурь и дождей.

И много ужъ лѣтъ протекло безъ слѣдовъ
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ виденъ съ далекихъ холмовъ,
И каждая вверхъ подъята рука,
Какъ будто онъ хочетъ схватить облака.

О, если-бъ взойти удалось мнѣ туда,
Какъ я бы молился и плакалъ тогда;
И послѣ я сбросилъ бы цѣпь бытія
И съ бурею братомъ назвался бы я!

[Стихотвореніе это относится вѣроятно къ Евд. Петр. Сушковой, позднѣе гр. Ростопчиной, а не къ двоюродной сестрѣ ея Ек. Алекс. Сушковой, впослѣдствіи Хвостовой. Въ рукописяхъ Хохрякова это и предъидущее стихотвореніе, написанное той же особѣ, находятся вмѣстѣ. Сама же Ек. Алекс. (Записки. Спб. 1870) о немъ не говоритъ.]

XV.

Павлову.

Какъ васъ зовутъ? ужель поэтомъ?
Пойметъ ли міръ небесный гласъ?
Я васъ прошу въ послѣдній разъ:
Не называйтесь такъ предъ свѣтомъ!
Фигляромъ назоветъ онъ васъ!

[Конецъ этого стихотворенія зачеркнутъ:]

Пускай никто про васъ не скажетъ:
Вотъ стихотворецъ, вотъ поэтъ;
Васъ этотъ титулъ только свяжетъ
И будетъ цѣлью всѣхъ клеветъ;
Съ нимъ привилегій вовсе нѣтъ.

XVI.

*
* *

Вы не знавали ль князь Петра?
Танцуетъ, пишетъ онъ порою;
Отъ ногъ его и отъ пера
Московскимъ дурамъ нѣтъ покою.
Ему устать бы ужъ пора
Ногами—но не головою.

XVII.

Трубецкому.

Нѣтъ! міръ совсѣмъ пошелъ не такъ.
Обиняковъ не понимаютъ.
Скажи не просто: «ты дуракъ»,
За комплиментъ ужъ принимаютъ!
Все то, на чемъ ума печать,
Они привыкли ненавидѣть!
Такъ стану жъ умнымъ называть,
Когда захочется обидѣть.

XVIII.

Бантилову.

Вы старшина собранья вѣрно,
Такъ я прошу васъ объявить,
Могу ль я здѣсь нелицемѣрно
Въ-глаза всѣмъ правду говорить?
Авось, авось займетъ насъ дѣломъ
Иль хоть забавитъ новый годъ,
Когда одинъ въ собраньи цѣломъ
Ему на встрѣчу не солжетъ.
Итакъ, я васъ не поздравляю:
Что годъ сей дастъ вамъ—знаетъ Богъ!
За то минувшій, увѣряю,
Отмстилъ за васъ, какъ только могъ.

XIX.

Булгакову.

На вздоръ и шалости ты хватъ
И мастеръ на бездѣлки,
И шутовской надѣвъ нарядъ,
Ты былъ въ своей тарелкѣ.
За службу долгую и трудъ,
Авось на мѣсто класса,
Тебѣ, мой другъ, по смерть дадутъ
Чинъ и мундиръ паяса.

[Это и предъидущія три стихотвор. напеч. были въ Отеч. Зап. 1859 г. №7.]

XX.

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ
Арсеньеву.

Дай Богъ, чтобъ ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытія,
Чтобъ духъ твой въ небо не умчался,
Чтобъ не изсякла плоть твоя.
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будетъ надъ тобой,
Чтобъ умъ твой не вскружили вины
И взоръ красавицы младой.
Ланиты и вино нерѣдко
Фальшивой краскою блестятъ:
Вино поддѣльное, кокетка—
Для головы и сердца ядъ.

[Русск. Архивъ 1871 г. №7 и 8. Н. Н. Арсеньевъ былъ двоюродный братъ матери поэта, но по лѣтамъ ему сверстникъ.]

Солнце.

Какъ солнце зимнее прекрасно
Когда, бродя межъ сѣрыхъ тучъ,
Оно кидаетъ слабый лучъ!...
Такъ точно, дѣва молодая,
Твой образъ предо мной блеститъ;
Но взоръ твой, счастье обѣщая,
Мою ли душу оживитъ?

Я счастливъ! тайный ядъ течетъ въ моей крови,
Жестокая болѣзнь мнѣ смертью угрожаетъ!...
Дай Богъ, чтобъ такъ случилось!... ни любви,
Ни мукъ умершій ужъ не знаетъ.
Шести досокъ жилецъ уединенный,
Не зная ничего, оставленный, забвенный:
Ни славы зовъ, ни голосъ твой
Не возмутятъ надежный мой покой.

---

* *
*

Люблю я цѣпи синихъ горъ,
Когда, какъ южный метеоръ,
Ярка безъ свѣта и красна
Всплываетъ изъ-за нихъ луна,
Царица лучшихъ думъ пѣвца,
И лучшій перлъ того вѣнца,
Которымъ сводъ небесъ порой
Гордится, будто царь земной.
На западѣ вечерній лучъ
Еще горитъ на ребрахъ тучъ,
И уступить все медлитъ онъ
Лунѣ—угрюмый небосклонъ.
Но скоро гаснетъ и лучъ зари...
Высоко мѣсяцъ... Двѣ иль три
Младыя тучки окружатъ
Его сейчасъ... Вотъ весь нарядъ,
Которымъ бѣлое чело
Ему убрать позволено.—
Кто не знавалъ такихъ ночей
Въ ущельяхъ горъ иль средь степей?
Однажды, при такой лунѣ,
Я мчался на лихомъ конѣ,
Въ пространствѣ голубыхъ долинъ,
Какъ вѣтеръ, воленъ и одинъ.
Туманный мѣсяцъ и меня
И гриву и хребетъ коня
Сребристымъ блескомъ осыпалъ;
Я чувствовалъ, какъ конь дышалъ,
Какъ онъ, ударивши ногой,
Отбрасываемъ былъ землей;
И я, въ чудесномъ забытьи,
Движенья сковывалъ свои
И съ нимъ себя желалъ я слить,
Чтобъ этимъ бѣгъ нашъ ускорить.
И долго такъ мой конь летѣлъ...

И вкругъ себя я поглядѣлъ:
Все та же степь, все та-жъ луна...
Свой взоръ ко мнѣ склонивъ, она,
Казалось, упрекала въ томъ,
Что человѣкъ съ своимъ конемъ
Хотѣлъ владычество степей
Въ ту ночь оспоривать у ней!

Отечественныя Записки 1859 г. №7.

Прощанье.

ОНА.

Не уѣзжай, лезгинецъ молодой;
Зачѣмъ спѣшишь на родину свою?
Твой конь усталъ, въ горахъ туманъ сырой,
А здѣсь тебѣ и кровля и покой
И я тебя люблю!...
Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райскихъ двухъ ночей;
Нѣтъ у меня подарковъ: я бѣдна,
Но мнѣ душа Создателемъ дана
Подобная твоей.
Въ ненастный день заѣхалъ ты сюда;
Подъ мокрой буркой, съ горестнымъ лицомъ...
Ужели для меня сей день, когда
Такъ ярко солнце, хочешь на всегда
Ты мрачнымъ сдѣлать днемъ.
Взгляни! вокругъ синѣютъ цѣпи горъ,
Какъ великаны, грозною толпой:
Лучи зари съ крестами—ихъ уборъ:
Мы вольны и добры;—зачѣмъ твой взоръ
Летитъ къ странѣ другой?...
Повѣрь, отчизна тамъ, гдѣ любятъ насъ;
Тебя не встрѣтитъ средь родныхъ долинъ,
Ты самъ сказалъ, улыбка милыхъ глазъ;
Побудь еще со мной хоть день, хоть часъ,
Послушай! часъ одинъ!

ОНЪ.

Нѣтъ у меня отчизны и друзей,
Кромѣ булатной шашки и коня;
Я счастливъ былъ любовію твоей,
Но все таки слезамъ твоихъ очей
Не удержать меня.
Кровавой клятвой душу я свою
Отяготивъ, блуждаю много лѣтъ:
Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажутъ никому: люблю.
Прости: вотъ мой отвѣтъ.

Девятый часъ; ужъ темно, близъ заставы
Чернѣютъ рядомъ старыхъ пять домовъ,
Заборъ кругомъ. Высокій, худощавый
Привратникъ на завалинѣ готовъ
Уснуть;—дождя не будетъ, небо ясно,—
Весь городъ спитъ. Онъ долго ждалъ напрасно;
Темны всѣ окна;—блещутъ только два—
И тамъ.... чѣмъ не богата ты Москва?

Но, чу!—Къ воротамъ кто то подъѣзжаетъ.
Лихія дрожки, кучеръ съ бородой
Широкой,—кони черные.—Слѣзаетъ,
Одѣтъ плащемъ, проказникъ молодой:
Скрипитъ за нимъ калитка; подъ ногами
Стучатъ, колеблясь, доски. (Между нами
Скажу я, онъ ни чей не прервалъ сонъ.)
Дверь отворилась,—свѣчка. Кто тутъ?—Онъ!

Его узнала дѣва молодая,
Снимаетъ плащъ и въ комнату ведетъ;
Въ шандалѣ мѣдномъ, тускло догорая,

Свѣча на нихъ свой лучъ послѣдній льетъ,
И на кровать съ высокою периной
И на стѣну съ лубочною картиной;
А въ зеркалѣ съ противной стороны
Два юныя лица отражены

Она была прекрасна, какъ мечтанье
Ребенка подъ свѣтиломъ южныхъ странъ.
Что красота? Ужель одно названье?
Иль грудь высокая и гибкій станъ,
Или большія очи? Но порою
Все это не зовемъ мы красотою:
Уста безъ словъ—любить никто не могъ,
Взоръ безъ огня—безъ запаха цвѣтокъ!

Она была свѣжа, какъ розы Леля,
Она была похожа на портретъ
Мадонны—и Мадонны Рафаэля,
И врядъ ли было ей осьмнадцать лѣтъ.
Лишь святости черты не выражали:
Глаза огнемъ неистовымъ пылали,
И грудь, волнуясь, поцѣлуй звала...
Онъ былъ не папа—а она была...

Ну что же? просто дѣва *молодая*,
Которой все богатство—красота!...
И впрочемъ, замужъ выйти не желая,
Что было ей таить свои лѣта?
Она притворства хитрости не знала
И въ этомъ лишь другимъ не подражала!
Не все ль равно? Любить не ставитъ въ грѣхъ:
Та—одного, та—многихъ, эта—всѣхъ!

. . . .

[Только двѣ строфы этого стихотворенія были въ первый разъ напечатаны въ Русской Старинѣ 1872 г. №2. Четвертая строфа съ ниже-

слѣдующей въ черновыхъ тетрадяхъ находится еще разъ какъ самостоятельное стихотвореніе:]

О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!... Я горѣлъ и трепеталъ,
Когда кудрей сбѣгающихъ съ чела
Шелкъ золотой рукой своей встрѣчалъ;
Я былъ готовъ упасть къ ногамъ ея,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и все,
Чтобъ получить одинъ, одинъ лишь взглядъ
Изъ тѣхъ, которыхъ все блаженство—ядъ!

Время сердцу быть въ покоѣ
Отъ волненья своего,
Съ той минуты, какъ другое
Ужь не бьется для него.
Но пускай оно трепещетъ:
То безумной страсти слѣдъ;
Такъ все бурно море плещетъ,
Хоть надъ нимъ ужъ бури нѣтъ!..
Мой проступокъ передъ міромъ,
Предъ людьми моя вина,
Для которыхъ ты кумиромъ,
Но не другомъ быть должна;
И поклонниковъ ты встрѣтишь
И, блистая предъ толпой,
Межъ рабовъ ты не замѣтишь
Для себя души родной.
Неужли ты не видала,
Въ часъ разлуки роковой,
Какъ слеза моя блистала,
Чтобъ упасть передъ тобой?
Ты отвергнула съ презрѣньемъ
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожалѣньемъ
Воскресить любовь свою.

Но сердечнаго недуга
Не могла ты утаить:
Слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобъ другъ друга позабыть...
Такъ разсѣлись подъ громàми,
Видѣлъ я, въ единый мигъ,
Пощаженные вѣками,
Два утеса бреговыхъ;
Но примѣтно сохранила
Знаки каждая скала,
Что природа съединила,
А судьба ихъ развела.

[Прежде помѣщались только отрывки этого стихотворенія.—Отеч. Зап. 1859 г. №7.]

---

*
* *

Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень,
Не нуженъ въ мірѣ я;
Хоть сердце тяжело, какъ камень,
Но все подъ нимъ змѣя.

Меня спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ суетъ;
Но отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьи нѣтъ.

Молю о счастіи, бывало...
Дождался наконецъ —
И тягостно мнѣ счастье стало,
Какъ для царя вѣнецъ.

И всѣ мечты отвергнувъ, снова
Остался я одинъ,
Какъ зàмка мрачнаго, пустаго,
Ничтожный властелинъ.

Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!
Какъ ты стыдливъ! Ужели въ первый разъ
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
Въ моихъ объятьяхъ вотъ ужъ цѣлый часъ
Лежишь—а страха все не превозмогъ...
Не лучше ли у сердца, чѣмъ у ногъ?
Дай мнѣ одну минуту въ жизнь свою...
Что злато?—Я тебя люблю! люблю!...

Ты такъ хорошъ! Бывало жду, когда
Настанетъ вечеръ; сяду у окна...
И мимо ты идешь бывало... Да,
Ты помнишь? Серебристая луна,
Какъ ангелъ средь отверженныхъ, межъ тучъ
Блуждала, на тебя кидая лучъ,
И я гордилась тѣмъ, что наконецъ
Соперница моя—небесъ жилецъ.

Печать презрѣнья на моемъ челѣ...
Но справедливъ ли міра приговоръ?
Что добродѣтель, если на землѣ
Проступокъ не безчестье—но позоръ?
Но вѣрь, невинныхъ женщинъ вовсе нѣтъ;
Лишь по желанью случай и предметъ
Не вѣчно тутъ. Любить не ставитъ въ грѣхъ
Та—одного, та—многихъ, эта—всѣхъ!

Родителей не знала я своихъ;
Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья дней младыхъ
И даже не гордилась красотой;
Въ пятнадцать лѣтъ, по волѣ злой судьбы,
Я продана злодѣю... Ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
Съ тѣхъ поръ я гибну, гибну—день отъ дня!

Мнѣ милъ мой стыдъ! Онъ право мнѣ даетъ
Тебя лобзать, тебя на мигъ одинъ
Отторгнуть отъ мучительныхъ заботъ!
О, наслаждайся! Ты мой господинъ!
Хотя тебѣ случится, можетъ быть,
Меня въ своихъ объятьяхъ задушить—
Блаженствомъ смерть мнѣ будетъ отъ тебя...
Мой другъ! чего не вынесешь, любя!...

---

*
* *

Какъ лучъ зари, какъ розы Леля
Прекрасенъ цвѣтъ ея ланитъ;
Какъ у Мадонны Рафаэля,
Ея молчанье говоритъ.
Съ людьми горда, судьбѣ покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свѣтъ чего не уничтожитъ,
Что благородное снесетъ,
Какую душу не сожжетъ,
Чье самолюбье не умножитъ,
И чьихъ не обольститъ очей
Нарядной маскою своей?

Къ ***

Я не унижусь предъ тобою:
Ни твой привѣтъ, ни твой укоръ
Не властны надъ моей душою.
Знай, мы чужіе съ этихъ поръ.

Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдамъ;
И такъ пожертвовалъ я годы
Твоей улыбкѣ и глазамъ,
И такъ я слишкомъ долго видѣлъ
Въ тебѣ надежду юныхъ дней,
И цѣлый міръ возненавидѣлъ,
Чтобы тебя любить сильнѣй!
Какъ знать? Быть можетъ, тѣ мгновенья,
Что̀ протекли у ногъ твоихъ,
Я отнималъ у вдохновенья!
И чѣмъ ты замѣнила ихъ?...
Быть можетъ, мыслію небесной
И силой духа убѣжденъ,
Я далъ бы міру даръ чудесный,
А мнѣ за то—безсмертье онъ?...
Зачѣмъ такъ нѣжно обѣщала
Ты замѣнить его вѣнецъ,
Зачѣмъ ты не была сначала,
Какою стала наконецъ!...
Я гордъ!... Прости! люби другого
Мечтай любовь найти въ другомъ;
Чего-бъ то ни было земного
Я не содѣлаюсь рабомъ.
Къ чужимъ горамъ подъ небо юга
Я удалюся, можетъ быть,
Но слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобы другъ друга позабыть.
Отнынѣ стану наслаждаться,
И въ страсти стану клясться всѣмъ;
Со всѣми буду я смѣяться,
А плакать не хочу ни съ кѣмъ;
Начну обманывать безбожно,
Чтобъ не любить, какъ я любилъ;
Иль женщинъ уважать возможно,
Когда мнѣ ангелъ измѣнилъ?
Я былъ готовъ на смерть и муку,

И цѣлый міръ на битву звать,
Чтобы твою младую руку—
Безумецъ!—лишній разъ пожать.
Не знавъ коварную измѣну,
Тебѣ я душу отдавалъ;
Такой души ты знала ль цѣну?
Ты знала—я тебя не зналъ.

[Это стихотвореніе печаталось лишь въ отрывкахъ. От. Зап. 1859 г. №7.]

[Неотдѣланное стихотвореніе].

«Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю объ васъ, да о небѣ. Престолы природы, съ которыхъ какъ дымъ улетаютъ громовыя тучи! Кто разъ лишь на вашихъ вершинахъ Творцу помолился, тотъ жизнь презираетъ, хотя въ то мгновенье гордился онъ ею!—Часто во время зари я глядѣлъ на снѣга и далекія льдины утесовъ; они такъ сіяли въ лучахъ восходящаго солнца, и въ розовый блескъ одѣваясь, они, между тѣмъ, какъ внизу все темно, возвѣщали прохожему утро, и розовый цвѣтъ ихъ подобился цвѣту стыда: какъ будто дѣвицы, когда вдругъ увидятъ мужчину, купаясь, и такъ оробѣютъ, въ такомъ ужъ смущеньи, что бѣлой одежды накинуть на грудь не успѣютъ. Какъ я любилъ твои бури, Кавказъ! Тѣ пустынныя, громкія бури, которымъ пещеры, какъ стражи ночей, отвѣчаютъ. На гладкомъ холмѣ одинокое дерево, вѣтромъ, дождями нагнутое, иль по краямъ тропы виноградникъ шумящій въ ущельи и путь неизвѣстный надъ пропастью, гдѣ, покрываяся пѣной, бѣжитъ безъименная рѣчка, и выстрѣлъ нежданный, и страхъ послѣ выстрѣла... Врагъ ли коварный, иль просто охотникъ... Все, все въ этомъ краѣ прекрасно.

Воздухъ такъ чистъ, какъ молитва ребенка,
И люди, какъ вольныя птицы, живутъ беззаботно;

Война ихъ стихія, и въ смуглыхъ чертахъ ихъ душа говоритъ.
Въ дымной саклѣ, землей иль сухимъ тростникомъ
Покровенной, таятся ихъ жены и дѣвы и чистятъ оружье,
И шьютъ серебромъ, въ тишинѣ увядая
Душою—желающей, южной, съ цѣпями судьбы незнакомой!

[Въ изданіяхъ помѣщались лишь отрывки.]

Романсъ.

Стояла сѣрая скала
На берегу морскомъ.
Однажды на чело ея
Слетѣлъ небесный громъ,
И раздвоилъ ее ударъ—
И новою тропой
Между разрозненныхъ камней
Течетъ потокъ сѣдой.
Вновь двумъ утесамъ не сойтись,
Но все они хранятъ
Союза прежняго слѣды—
Глубокихъ трещинъ рядъ.
Такъ мы съ тобой разлучены
Злословіемъ людскимъ,
Но для тебя я никогда
Не сдѣлаюсь чужимъ.
И мы не встрѣтимся опять,
И если предъ тобой
Меня случайно назовутъ,
Ты спросишь: кто такой?
И, проклиная жизнь мою,
На память приведешь
Былое... и одну себя
Невольно проклянешь,
И не изгладишь ты никакъ
Изъ памяти своей
Не только чувствъ и словъ моихъ—
Минуты прежнихъ дней!...

Прелестницѣ.

Пускай ханжа глядитъ съ презрѣньемъ
На беззаконный нашъ союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ;
Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви.
Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не чту владыкой никого,
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего;
Живу безъ цѣли, беззаботно,
Для счастья глухъ, для горя нѣмъ.
Я людямъ руки жму охотно,
Хоть презираю ихъ межъ тѣмъ.
Мы брань ихъ—смѣхомъ уничтожимъ,
Насъ клеветы не разлучатъ,
Мы будемъ счастливы, какъ можемъ,
Они пусть будутъ—какъ хотятъ!...

[Здѣсь исправлено по рукописи. Это и семь предъидущихъ стихотвореній напечатаны въ Отеч. Зап. 1859 г. №7.]

---

* *
*

Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей
Не уступаетъ цвѣту ночи;
Какъ день, твои блистаютъ очи
При встрѣчѣ радостныхъ очей.

Ты, отъ души смѣясь смѣшному,
Какъ скуку, гонишь прочь печаль;
Что бредъ ребяческій другому,
То все тебѣ покинуть жаль.

Волною жизни унесенный
Далеко отъ надеждъ былыхъ,
Какъ путешественникъ забвенный,
Я чуждымъ сталъ между родныхъ.

Предъ мною носятся видѣнья,
Жизнь обманувшія мою,
И не рожденный для забвенья,
Я вновь черты ихъ узнаю.

И время ихъ не измѣнило:
Они всѣ тѣ же!—я не тотъ;
Зачѣмъ же гибнетъ все, что мило?
А что жалѣетъ, то живетъ?

Библіотека для чтенія 1845 г. №1.

Had we never loved so kindly.

Если бъ мы не дѣти были,
Если бъ слѣпо не любили,
Не встрѣчались, не прощались—
Мы съ страданьемъ бы не знались.

[Отечественныя Записки 1859 г.№7.Въ рукописяхъ есть варіантъ двухъ послѣднихъ строкъ:]

Не встрѣчали, не кидали:
Никогда бъ мы не страдали.

Эпитафія.

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочетъ ли свести
Двѣ жертвы жребія земнаго?
Какъ знать? Итакъ, прости, прости!
Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ;
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,
Ты въ людяхъ только зло извѣдалъ,
Но понимаемъ былъ однимъ.

И тотъ одинъ, когда рыдая
Толпа склонялась надъ тобой,
Стоялъ очей не отирая,
Небрежный, хладный и нѣмой.
И всѣ, не вѣдая причины,
Винили дерзостно его,
Какъ будто мигъ твоей кончины
Былъ мигомъ счастья для него.
Но что ему ихъ восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чѣмъ страдать
Безъ всякихъ признаковъ страданья!

Отечественныя Записки 1859 г. №7.

Измученный тоскою и недугомъ
И угасая въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Проститься я съ тобой желалъ, какъ съ другомъ,
Но хладенъ былъ прощальный твой привѣтъ.
И ты не вѣришь мнѣ, ты притворилась,
Что въ шутку приняла слова мои;
Моимъ слезамъ смѣяться ты рѣшилась,
Чтобъ съ сожалѣньемъ не явить любви.
Скажи мнѣ, для чего такое мщенье?
Я виноватъ,—другую могъ хвалить;
Но развѣ я не требовалъ прощенья
У ногъ твоихъ? Но развѣ я любить
Тебя переставалъ, когда, толпою
Безумцевъ молодыхъ окружена,
Горда одной своею красотою,
Ты привлекала взоры ихъ одна?
Я издали смотрѣлъ, почти желая,
Чтобъ для другихъ очей твой блескъ исчезъ;
Ты для меня была, какъ счастье рая
Для демона, изгнанника небесъ.

Русская Мысль 1884 г. №4.

Когда послѣднее мгновенье
Мой взоръ на вѣки омрачитъ,
И въ міръ, гдѣ казнь или спасенье,
Душа поэта улетитъ;
Быть можетъ, приговоръ досадной
Прикажетъ возвратиться ей
Туда, гдѣ въ жизни безотрадной
Она томилась столько дней.
Тогда я буду все съ тобою
И берегись мнѣ измѣнить.

1830. Замѣчаніе. Когда я началъ марать стихи въ 1828 г. «въ пансіонѣ» [зачеркнуто], я, какъ бы по инстинкту, переписывалъ и прибиралъ ихъ. Они еще теперь у меня. Нынѣ я прочелъ въ жизни Байрона, что онъ дѣлалъ тоже—это сходство меня поразило!

Кавказъ.

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ!
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ—
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ!

Библіотека для чтенія 1845 г. №1.

Музыка моего сердца была совсѣмъ растроена нынче. Ни одного звука не могъ я извлечь изъ скрипки, изъ фортепьяно, чтобъ они не возмутили моего слуха.

Къ ***

Не говори: однимъ высокимъ
Я на землѣ воспламенёнъ—
Къ нему лишь съ чувствомъ я глубокимъ
Бужу забытой лиры звонъ.
Повѣрь—великое земное
Различно съ мыслями людей:
Сверши съ успѣхомъ дѣло злое—
Великъ, не удалось—злодѣй...
Среди дружинъ необозримыхъ
Былъ чуть не Богъ Наполеонъ;
Разбитый же въ снѣгахъ родимыхъ—
Безумцемъ порицаемъ онъ!
Внимая шумъ волны прибрежной,
Въ изгнаньи дальномъ онъ погасъ,
И что жъ? Конецъ его мятежный
Не отуманилъ нашихъ глазъ!...

Изданіе 1887 г.

Опасеніе.

Страшись любви: она пройдетъ,
Она мечтой твой умъ встревожитъ,
Тоска по ней тебя убьетъ,
Ни что воскреснуть не поможетъ.

Краса любимая тобой
Тебѣ отдастъ, положимъ, руку...
Года мелькнутъ... летунъ сѣдой
Укажетъ вѣчную разлуку.

И бѣденъ, жалокъ будешь ты,
Глядящій съ креселъ, иль подушки
На безобразныя черты
Твоей докучливой старушки,

Коль мысли о былыхъ лѣтахъ
Въ твой умъ закрадутся порою,
И вспомнишь, какъ на сихъ щекахъ
Играло жизнью молодою...

Безъ друга лучше дни влачить
И къ смерти радостнѣй клониться,
Чѣмъ два удара выносить
И сердцемъ о двоихъ крушиться!...

Стансы.

Люблю, когда борясь съ душою,
Краснѣетъ дѣвица моя:
Такъ передъ вихремъ и грозою
Красна вечерняя заря.

Люблю и вздохъ, что ночью лунной
Въ лѣсу изъ устъ ея скользитъ:
Звукъ тихій арфы златострунной
Такъ съ хладнымъ вѣтромъ говоритъ.

Но слаще встрѣтить, средь моленья
Ея, слезу очамъ моимъ:
Такъ, зря Спасителя мученья,
Невинный плакалъ херувимъ.

Н. Ф. И.....вой.

Любилъ съ начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Гдѣ укрывался весь въ себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожалѣнье.

Счастливцы, мнилъ я, не поймутъ
Того, что самъ не разберу я;
И черныхъ думъ не унесутъ
Ни радость дружескихъ минутъ,
Ни страстный пламень поцѣлуя.

Мои неясныя мечты
Я выразить хотѣлъ стихами,
Чтобы, прочтя сіи листы,
Меня бы примирила ты
Съ людьми и съ буйными страстями;

Но взоръ спокойный, чистый, твой
Въ меня вперился. Изумленной
Ты покачала головой,
Сказавъ, что боленъ разумъ мой,
Желаньемъ вздорнымъ ослѣпленный.

Я, вѣруя твоимъ словамъ,
Глубоко въ сердце погрузился;
Однако же нашелъ я тамъ,
Что умъ мой не по пустякамъ
Къ чему-то тайному стремился:

Къ тому, чего даны въ залогъ
Съ толпою звѣздъ ночные своды;
Къ тому, что обѣщалъ намъ Богъ,
И что бъ уразумѣть я могъ
Черезъ мышленія и годы.

Но пылкій, но суровый нравъ
Меня грызетъ отъ колыбели...
И въ жизни зло лишь испытавъ,
Умру я, сердцемъ не познавъ
Печальныхъ думъ, печальной цѣли.

Отечественныя Записки 1859 г. №11.

Ночь I.

Ласкаемый цвѣтущими мечтами,
Я тихо спалъ—и вдругъ я пробудился;
Но пробужденье тоже было сонъ.
И думая, что цѣпь обманчивыхъ
Видѣній мной разрушена, я вдвое
Обманутъ былъ воображеньемъ—если
Одно воображеніе *творитъ*
Тотъ новый міръ, который заставляетъ
Насъ презирать безчувственную землю.
Казалось мнѣ, что смерть дыханьемъ хладнымъ
Ужъ начинала кровь мою студить;
Не часто сердце билося, но крѣпко,
Съ болѣзненнымъ какимъ то содроганьемъ,
И тѣло, видя свой конецъ, старалось
Вновь удержать души нетерпѣливой
Порывы, но товарищу былому
Съ досадою душа внимала и укоры
Ихъ разставанье сдѣлали печальнымъ.
Между двухъ жизней, въ странномъ промежуткѣ
Надеждъ и сожалѣній, ни объ той,
Ни объ другой не мыслилъ я. Одно
Сомнѣнье волновало грудь мою,
Послѣднее сомнѣнье! Я не могъ
Понять, какъ можно чувствовать блаженство
Иль горькія страданія далеко
Отъ той земли, гдѣ въ первый разъ я понялъ,
Что я живу, что жизнь моя безбрежна,

Гдѣ жадно я искалъ самопознанья,
Гдѣ столько я любилъ и потерялъ.—
Любилъ согласно съ этимъ бреннымъ тѣломъ,
Безъ коего любви не понималъ я.
Такъ думалъ я... И вдругъ душой забылся
И чрезъ мгновенье снова жилъ я,
Но не видалъ вокругъ себя предметовъ
Земныхъ и болѣе не помнилъ я
Ни боли, ни тяжелыхъ безпокойствъ
О будущей судьбѣ моей и смерти.
Все было мнѣ такъ ясно и понятно
И ни о чемъ себя не вопрошалъ я
Какъ будто бы вернулся я туда,
Гдѣ долго жилъ, гдѣ все извѣстно мнѣ;
И лишь едва чувствительная тягость
Въ моемъ полетѣ мнѣ напоминала
Мое земное, краткое изгнанье.

Вдругъ предо мной въ пространствѣ безконечномъ
Съ великимъ шумомъ развернулась книга
Подъ неизвѣстною рукой... И много
Написано въ ней было... Но лишь мой
Ужасный жребій, ясно для меня,
Начертанъ былъ кровавыми словами:
«Безплотный духъ, иди и возвратись
На землю»!... Вдругъ предо мной исчезла книга
И опустѣло небо голубое.
Ни ангелъ, ни печальный демонъ ада
Не разсѣкалъ крыломъ полей воздушныхъ;
Лишь тусклыя планеты, пробѣгая,
Едва кидали искру на пути.

Я вздрогнулъ, прочитавъ свой жребій:
Какъ, мнѣ летѣть опять на эту землю,
Чтобъ увидать ряды тѣхъ золъ, которымъ
Причиной были дѣтскія ошибки!
Увижу я страданія людей,

И тайныхъ мукъ ничтожныя причины,
И къ счастію людей увижу средства,
И не возможно будетъ научить ихъ.
Но такъ и быть, лечу на землю. Первый
Предметъ могила съ пышнымъ мавзолеемъ,
Подъ коимъ трупъ мой люди схоронили.
И захотѣлося мнѣ въ гробъ проникнуть,
И я сошелъ въ темницу—длинный гробъ,
Гдѣ гнилъ мой трупъ, и тамъ остался я.
Здѣсь кость была уже видна, здѣсь мясо
Кусками синее висѣло, жилы тамъ
Я примѣчалъ съ засохшею въ нихъ кровью.
Съ отчаяньемъ сидѣлъ я и взиралъ,
Какъ быстро насѣкомыя роились
И съ жадностью глодали пищу смерти.
Червякъ то выползалъ изъ впадинъ глазъ,
То вновь скрывался въ безобразный черепъ;
И что же? каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я долженъ былъ смотрѣть на гибель друга
Такъ долго жившаго съ моей душою,
Послѣдняго, единственнаго друга,
Дѣлившаго ея печаль и радость,—
И я помочь желалъ, но тщетно, тщетно!
Уничтоженья быстрые слѣды
Текли по немъ, и черви умножались
И спорили за пищу остальную,
И смрадную сырую кожу грызли...
Остались кости—и они исчезли.
И прахъ одинъ лежалъ на мѣстѣ тѣла.

Одной исполненъ мрачною надеждой,
Я припадалъ на бренные останки,
Стараясь ихъ дыханіемъ согрѣть
Иль оживить моей безсмертной жизнью.
О! сколько-бъ отдалъ я тогда земныхъ
Блаженствъ, чтобъ хоть одну, одну минуту

Почувствовать въ нихъ теплоту!... Напрасно,
Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны какъ презрѣнье.
Тогда изрекъ я дикія проклятья
На моего отца и мать—на всѣхъ людей.
Съ отчаяньемъ безсмертья долго, долго,
Жестокаго свидѣтель разрушенья,
Я на Творца ропталъ, страшась молиться
И я хотѣлъ изречь хулы на небо
Хотѣлъ сказать . . . .
Но замеръ голосъ мой, и—я *проснулся!...*

[Произведеніе это навѣяно байроновскою поэзіей и болѣе всего быть можетъ его «Сномъ» и, какъ другое стихотвореніе Лермонтова «Ночь», помѣченное цифрою II, является подражаніемъ байроновскаго «Darkness». Въ 1830 году, весьма тяжеломъ для нравственнаго состоянія молодаго поэта, онъ написалъ нѣсколько стихотвореній, все подъ тѣмъ же заглавіемъ «Ночь», отмѣчая ихъ послѣдовательною нумераціей. Эти стихотворенія какъ бы свидѣтельствуютъ о безсонныхъ ночахъ, о горькомъ волненіи и мрачныхъ думахъ и мечтахъ. Ср. прим.]

Разлука.

Я виноватъ передъ тобою,
Цѣны услугъ твоихъ не зналъ:
Слезами горькими, тоскою
Я о прощеньи умолялъ,
Готовъ былъ, ставши на колѣни,
Проступкомъ называть мечты:
Мои мучительныя пѣни
Безсмысленно отвергнулъ ты.
Зачѣмъ такъ рано, такъ ужасно
Я долженъ былъ узнать людей,
И счастьемъ жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей?...
Свершилось! вѣчную разлуку,
Трепеща, вижу предъ собой:
Ледяную встрѣчаю руку
Моей пылающей рукой.

Желаю, чтобъ воспоминанье
Въ чужихъ людяхъ, въ чужой странѣ,
Не принесло тебѣ страданья
При сожалѣньи обо мнѣ...

Ночь II.

Погаснулъ день! И тьма ночная своды
Небесные, какъ саваномъ, покрыла.
Кой гдѣ на немъ вертѣлись и мелькали
Свѣтящіяся точки...
И между нихъ земля вертѣлась наша;
На ней, спокойствіемъ объятой тихимъ,
Уснуло все,—и я одинъ лишь не спалъ.
Одинъ я не спалъ... Страшнымъ полусвѣтомъ—
Межъ радостью и горестью срединой—
Мое тѣснилось сердце, и желалъ я
Веселіе или печаль умножить
Воспоминаньемъ о убитой жизни.
Послѣднее, однако, было легче!...

Вотъ съ запада скелетъ неизмѣримый
По мрачнымъ сводамъ началъ подниматься
И звѣзды заслонилъ собою...
И цѣлые міры предъ нимъ уничтожались,
И все трещало подъ его шагами,
Ничтожество за ними оставалось!
И вотъ приблизился къ земному шару
Гигантъ всесильный.—Все на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило; единый,
Единый смертный видѣлъ, что̀ не дай Богъ
Созданію живому видѣть...

И вотъ онъ поднялъ костяныя руки—
И въ каждой онъ держалъ по человѣку
Дрожащему—и мнѣ они знакомы были—
И кинулъ взоръ на нихъ я—и заплакалъ!...

И странный голосъ вдругъ раздался: «малодушный!
Сынъ праха и забвенія, не ты ли,
Изнемогая въ мукахъ нестерпимыхъ,
Ко мнѣ взывалъ?... Я здѣсь: я смерть!...
Мое владычество безбрежно!...
Вотъ двое. Ты ихъ знаешь—ты любилъ ихъ—
Одинъ изъ нихъ погибнетъ. Позволяю
Опредѣлить неизбѣжимый жребій...
И ты умрешь, и въ вѣчности погибнешь,
И ихъ нигдѣ, нигдѣ вторично не увидишь...
Знай, какъ исчезаетъ время, такъ и люди—
Его рожденье—только Богъ лишь вѣченъ...
Рѣшись, несчастный!...»

Тутъ невольный трепетъ
По мнѣ мгновенно началъ разливаться,
И зубы, крѣпко застучавъ, мѣшали
Словамъ жестокимъ вырваться изъ груди;
И наконецъ, преодолѣвъ свой ужасъ,
Къ скелету я воскликнулъ: «оба! оба!...
Я вѣрю: нѣтъ свиданья—нѣтъ разлуки!
Они довольно жили, чтобы вѣчно
Продлилося ихъ наказанье.
Ахъ! и меня возьми—земнаго червя,
И землю раздроби—гнѣздо разврата,
Безумства и печали!...
Все, все беретъ она у насъ обманомъ
И не даритъ намъ ничего, кромѣ рожденья...
Проклятье этому подарку!...
Мы безъ него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бѣдной жизни,
Гдѣ нѣтъ надеждъ—и всюду опасенья.
Да гибнутъ же друзья мои, да гибнутъ!...
Лишь объ одномъ я буду плакать:
Зачѣмъ они не дѣти!...»

И видѣлъ я, какъ руки костяныя
Моихъ друзей сдавили—ихъ не стало—
Не стало даже призраковъ и тѣней...
Туманомъ облачился образъ смерти,
И такъ пошелъ на сѣверъ. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на Творца роптал, страшась молиться!...

[Это стихотвореніе является вольнымъ переводомъ или подражаніемъ байроновскаго «Darkness.» Лермонтовъ въ той же тетради, гдѣ имъ написана пьеса, перевелъ ее прозою, назвавъ «Мракъ (Тьма);» Стихотворный же набросокъ онъ назвалъ «Ночь», а не «Смерть» подъ какимъ заглавіемъ она печаталась до сихъ поръ. Въ первый разъ, безъ заглавія, напечатано въ Отеч. Зап. 1859 г. №11].

Въ старинны годы жили были
Два рыцаря—друзья;
Не разъ они въ Сіонъ ходили,
Желаніемъ горя
Съ огромной ратью, съ королями
Его освободить,
И крестъ священный знаменами
Своими осѣнить...

Незабудка.

СКАЗКА.

Въ старинны годы люди были
Совсѣмъ не то, что въ наши дни;
[Коль въ мірѣ есть любовь] любили
Чистосердечнѣе они.
О древней вѣрности, конечно,
Слыхали какъ нибудь и вы;
Но какъ сказанія молвы
Все дѣло перепортятъ вѣчно,
То я вамъ точный образецъ
Хочу представить наконецъ.

У влаги ручейка холодной,
Подъ тѣнью липовыхъ вѣтвей,
Не опасаясь злыхъ очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидѣлъ съ любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою
Бесѣда мирная текла.

«Другъ, не клянися мнѣ напрасно»!
Сказала дѣва: «вѣрю я —
Ясна, чиста любовь твоя,
Какъ эта звонкая струя,
Какъ этотъ сводъ надъ нами ясной;
Но, ка̀къ она въ тебѣ сильна,
Еще не знаю. Посмотри-ка,
Тамъ рдѣетъ пышная гвоздика,
Но, нѣтъ! гвоздика не нужна!
Подалѣе, какъ ты, унылый
Чуть виденъ голубой цвѣтокъ...
Сорви же мнѣ его, мой милый:
Онъ для любви не такъ далекъ»!

Вскочилъ мой рыцарь, восхищенный
Ея душевной простотой;
Черезъ ручей прыгнувъ, стрѣлой
Летитъ онъ—цвѣтикъ драгоцѣнный
Сорвать поспѣшною рукой...
Ужъ близко цѣль его стремленья,
Какъ вдругъ подъ нимъ [ужасный видъ]
Земля невѣрная дрожитъ;
Онъ вязнетъ, нѣтъ ему спасенья!..
Взоръ кинувъ полный весь огня
Своей красавицѣ безгласной,
«Прости! не позабудь меня!...»
Воскликнулъ юноша несчастный—

И мигомъ пагубный цвѣтокъ
Схватилъ рукою безнадежной
И, сердца пылкаго въ залогъ,
Его онъ кинулъ дѣвѣ нѣжной.

Цвѣтокъ печальный съ этихъ поръ
Любови дорогъ; сердце бьется,
Когда его примѣтитъ взоръ:
Онъ незабудкою зовется.
Въ мѣстахъ сырыхъ, вблизи болотъ,
Какъ бы страшась прикосновенья,
Онъ ищетъ тамъ уединенья,
И цвѣтомъ неба онъ цвѣтетъ,
Гдѣ смерти нѣтъ и нѣтъ забвенья.

Вотъ повѣсти конецъ моей—
Судите, быль иль небылица.
А виновата ли дѣвица,
Сказала, вѣрно, совѣсть ей!

[Отечественныя Записки 1843 г. № 12, безъ варіанта. Прежде вмѣсто 4 послѣднихъ строкъ было:]

Вы вѣрно спросите: дѣвица
Жила, грустила, мало дней?
Конечно ранняя могила
Горючи слезы осушила?—
Нѣтъ—безпристрастно посмотрѣвъ
На нынѣшнихъ прелестныхъ дѣвъ,
Вы это отгадайте сами:
Онѣ... [весь міръ тому судья]
Въ своемъ характерѣ, друзья,
Не измѣняются вѣками.

Совѣтъ.

Если, другъ, тебѣ сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Все съ годами пронесется—
Улыбнись и разгрустись.

Дѣвъ измѣны молодыя
И невѣрный путь честей
И мгновенья скуки злыя
Стоютъ ли тоски твоей.

*
* *

Не ищи страстей тяжелыхъ
И, покуда Богъ даетъ,
Нектаръ пей часовъ веселыхъ,
А печаль сама придетъ.
И, людей не презирая,
Не берись учить другихъ.
Лучшимъ быть не воображая,
Скоро ты полюбишь ихъ.

*
* *

Сердце глупое творенье,
Но и съ сердцемъ можно жить
И безумное волненье
Можно также укротить...
Бѣденъ, кто, судьбы въ ненастье
Всѣ надежды испытавъ,
Наконецъ находитъ счастье,
Чувство счастья потерявъ!

Одиночество.

Какъ страшно жизни сей оковы
Намъ въ одиночествѣ влачить.
Дѣлить веселье—всѣ готовы,—
Никто не хочетъ грусть дѣлить.

Одинъ я здѣсь, какъ царь воздушный,
Страданья въ сердцѣ стѣснены,
И вижу, какъ, судьбѣ послушно,
Года уходятъ будто сны.

И вновь приходятъ съ позлащенной,
Но той же старою мечтой...
И вижу гробъ уединенной—
Онъ ждетъ; что-жъ медлить надъ землей?

Никто о томъ не покрушится,
И будутъ (я увѣренъ въ томъ)
О смерти больше веселиться,
Чѣмъ о рожденіи моемъ...

Нива 1884 г. №12.

В. Л.

Нѣтъ, я не требую вниманья
На грустный бредъ души моей;
Не открывать свои желанья
Привыкнулъ я съ давнишнихъ дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтобъ здѣсь, чрезъ много скучныхъ лѣтъ,
Отъ жизни краткой, но мятежной,
Какой нибудь остался слѣдъ.
Быть можетъ, нѣкогда случится,
Что, всѣ страницы пробѣжавъ,
На эту взоръ вашъ устремится
И вы промолвите: *онъ правъ*!
Быть можетъ, долго стихъ унылый
Тотъ взглядъ удержитъ надъ собой,
Какъ близъ дороги столбовой
Пришельца—памятникъ могилы.

[Библіотека для чтенія 1844 г. №5. Первый набросокъ въ черновой тетради читается такъ:]

Въ Альбомъ.

Прими, хотя и безъ вниманья
Моей души печальной бредъ;
Чудакъ безумный, въ цвѣтѣ лѣтъ
Я вяну жертвою страданья.
Пусть эти строки надъ собой
На мигъ удержатъ взоръ твой милый,
Какъ близъ дор ги столбовой
Пришельца--памятникъ могилы.

Гроза.

Реветъ гроза, дымятся тучи
Надъ темной бездною морской
И плещутъ пѣною кипучей,
Толпяся, волны межъ собой.
Вкругъ скалъ огнистой лентой вьется
Печальной молніи змѣя,
Стихій тревожный рой мятется—
И здѣсь стою недвижимъ я.

Стою—ужель тому ужасно
Стремленье всѣхъ надземныхъ силъ,
Кто въ жизни чувствовалъ напрасно
И жизнію обманутъ былъ?
Вкругъ кого, сей ядъ сердечный,
Вились сужденья клеветы,
Какъ вкругъ скалы остроконечной,
Губитель-пламень, вьешься ты?
О нѣтъ! Летай огонь воздушный,
Свистите вѣтры надъ главой,
Я здѣсь, холодный, равнодушный
И трепетъ не знакомъ со мной.

Гроза шумитъ въ моряхъ съ конца въ конецъ,
Корабль летитъ по волѣ бурныхъ водъ,
Одинъ на немъ спокоенъ лишь пловецъ,
Чело печать глубокихъ думъ несетъ;
Угасшій взоръ на тучи устремленъ;
Не вѣдаютъ ни кто, ни что здѣсь онъ!..
Конечно, онъ живалъ между людей
И знаетъ жизнь отъ сердца своего:
Крикъ ужаса, моленья, скрипъ снастей
Не трогаютъ молчанія его.

Звѣзда.

Свѣтись, свѣтись, далекая звѣзда,
Чтобъ я въ ночи встрѣчалъ тебя всегда;
Твой слабый лучъ, сражаясь съ темнотой,
Несетъ мечты душѣ моей больной;
Она къ тебѣ летаетъ высоко,
И груди сей свободно и легко..
Я видѣлъ взглядъ, исполненный огня,
[Ужъ онъ давно закрылся для меня]
Но, какъ къ тебѣ, къ нему еще лечу
И, хоть нельзя,—смотрѣть его хочу...

Еврейская мелодія.

Видали-ль когда, какъ ночная звѣзда
Въ зеркальномъ заливѣ блеститъ,
Какъ трепещетъ въ струяхъ, какъ серебряный прахъ,
Отъ нея разсыпаясь, бѣжитъ.

Но поймать ты не льстись, и ловить не берись:
Обманчивы лучъ и волна...
Мракъ тѣни твоей только ляжетъ на ней,
Отойди-жъ—и заблещетъ она!

Свѣтлой радости такъ безпокойный призрàкъ
Насъ манитъ подъ хладною мглой.
Ты схватить—онъ, шутя, убѣжитъ отъ тебя,
Ты обмануть—онъ вновь предъ тобой!

[Напечатано было въ Библіотекѣ для чтенія 1844 г. №5 не точно. Мы возстановили текстъ по рукописи альбома Верещагиной.]

Вечеръ послѣ дождя.

Гляжу въ окно: ужъ гаснетъ небосклонъ,
Прощальный лучъ на вышинѣ колоннъ,
На куполахъ, на трубахъ и крестахъ
Блеститъ, горитъ въ обманутыхъ очахъ;
И мрачныхъ тучъ огнистые края
Рисуются на небѣ, какъ змѣя,
И вѣтерокъ, по саду пробѣжавъ,
Волнуетъ стебли омоченныхъ травъ...

Одинъ межъ нихъ примѣтилъ я цвѣтокъ,
Какъ будто перлъ, покинувшій востокъ,
На немъ вода, блистаючи, дрожитъ;
Главу свою склонивши, онъ стоитъ,
Какъ дѣвушка въ печали роковой:
Душа убита, радость надъ душой;
Хоть слезы льетъ изъ пламенныхъ очей,
Но помнитъ все о красотѣ своей.

[Послѣ этого въ черновой тетради написано:]

Природа подобна печи, откуда вылетаютъ искры.—Природа производитъ людей—иныхъ умнѣе, другихъ глупѣе; одни извѣстны, другіе неизвѣстны.—Изъ печи вылетаютъ искры: однѣ больше, другія темнѣе, однѣ долго, другія мгновенье свѣтятъ, но все таки онѣ погаснутъ и исчезнутъ безъ слѣда; подобно имъ послѣдуютъ другія, также безъ послѣдствій, пока печь погаснетъ сама. тогда весь пепелъ соберутъ въ кучу и выбросятъ; такъ и съ нами.

[Строки эти вошли въ драму: „Menschen und Leidenschaften". Дѣйствіе III, явленіе IX.]

Наполеонъ.

ДУМА.

Въ невѣрный часъ, межъ днемъ и темнотой,
Когда туманъ синѣетъ надъ водой,
Въ часъ грѣшныхъ думъ, видѣній, тайнъ и дѣлъ,
Которыхъ лучъ узрѣть бы не хотѣлъ,
А тьма укрыть; чья тѣнь, чей образъ тамъ
На берегу, склонивши взоръ къ волнамъ,
Стоитъ вблизи нагбеннаго креста?
Онъ не живой, но также не мечта
Сей острый взглядъ съ возвышеннымъ челомъ
И двѣ руки, сложенныя крестомъ.

Предъ нимъ лепечутъ волны, и бѣгутъ,
И вновь приходятъ, и о скалы бьютъ;
Какъ легкія вѣтрила, облака
Надъ моремъ носятся изъ далека.
И вотъ глядитъ невѣдомая тѣнь
На тотъ востокъ, гдѣ новый брезжитъ день;
Тамъ Франція! тамъ край ея родной
И славы слѣдъ, быть можетъ скрытый мглой;
Тамъ средь войны, ея неслися дни...
О, для чего такъ кончились они!...

Прости, о слава! обманувшій другъ,
Опасный ты, но чудный, мощный звукъ,
И скипетръ—васъ разбилъ Наполеонъ;
Хотя давно умершій, любитъ онъ
Сей малый островъ, брошенный въ моряхъ,
Гдѣ сгнилъ его и червемъ съѣденъ прахъ,
Гдѣ онъ страдалъ, покинутъ отъ друзей,
Презрѣвъ судьбу съ гордыней прежнихъ дней,
Гдѣ стаивалъ онъ на брегу морскомъ,
Какъ нынѣ грустенъ, руки сжавъ крестомъ.

О! какъ въ лицѣ его еще видны
Слѣды заботъ и внутренней войны,
И быстрый взоръ, дивящій слабый умъ,
Хоть чуждъ страстей, все полонъ прежнихъ думъ.
Сей взоръ, какъ трепетъ въ сердце проникалъ,
И тайныя желанья узнавалъ,
Онъ тотъ же все; и той же шляпой онъ,
Сопутницею жизни, осѣненъ.
Но посмотри—ужъ день блеснулъ въ струяхъ...
Призрака нѣтъ, все пусто на скалахъ.

Нерѣдко внемлетъ житель сихъ бреговъ
Чудесные разсказы рыбаковъ:
Когда гроза бунтуетъ и шумитъ,
И блещетъ молнія и громъ гремитъ,
Мгновенный лучъ нерѣдко озарялъ
Печальну тѣнь, стоящую межъ скалъ.
Одинъ изъ нихъ, какъ ни былъ страхъ великъ,
Могъ различить недвижный смуглый ликъ
Подъ шляпою съ нахмуреннымъ челомъ
И двѣ руки, сложенныя крестомъ.

[Это и слѣдующее четырехстишіе напечатаны въ первый разъ въ Русской Мысли 1881 г. №11. См. примѣчанія, гдѣ помѣщенъ набросокъ 1829 г.]

Эпитафія Наполеона.

Да, тѣнь твою никто не порицаетъ,
Мужъ рока! Ты съ людьми, что надъ тобою рокъ;
Кто зналъ тебя возвесть, лишь тотъ низвергнуть могъ:
Великое жъ ничто не измѣняетъ.

Къ глупой красавицѣ.

Меня спрашивали, зачѣмъ я не говорю съ одной дѣвушкой, а только смотрю.

Тобой плѣняться издали
Мое все зрѣніе готово,
Но слышать, Боже сохрани,
Мнѣ отъ тебя одно хоть слово.
Иль смѣхъ, иль страхъ въ душѣ моей
Замѣнитъ сладкое мечтанье,
И глупый смыслъ твоихъ рѣчей
Оледенитъ очарованье...
Такъ смерть красна издалека;
Пускай она летитъ стрѣлою,
За ней я слѣдую, пока;
Лишь только-бъ не она за мною...
За ней я всюду полечу,
И наслажуся въ созерцаньѣ,
Но самъ привлечь ея вниманье
Ни за полміра не хочу.

Очи NN.

Нѣтъ смерти здѣсь! и сердце вторитъ, нѣтъ...
Для смерти слишкомъ веселъ этотъ свѣтъ.
И не твоимъ глазамъ Творецъ судилъ
Горѣть, играть для тлѣнья и могилъ!...
Хоть все возьметъ могильная доска,
Ихъ пожалѣетъ смерти злой рука;
Ихъ лучъ съ небесъ и, какъ въ родныхъ краяхъ,
Они блеснутъ звѣздами въ небесахъ.

Кавказу.

Кавказъ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавленна войной!...
Ужель пещеры и скалы,
Подъ дикой пеленою мглы,
Услышатъ также крикъ страстей,
Звонъ славы, злата и цѣпей?...
Нѣтъ! прошлыхъ лѣтъ не ожидай
Черкесъ въ отечество свое:
Свободѣ прежде милый край
Примѣтно гибнетъ за нее.

Утро на Кавказѣ.

Свѣтаетъ. Вьется дикой пеленой
Вокругъ лѣсистыхъ горъ туманъ ночной;
Еще у ногъ Ливана тишина;
Молчитъ табунъ, рѣка журчитъ одна.
Вотъ на скалѣ новорожденный лучъ
Зардѣлся вдругъ, прорѣзавшись межъ тучъ
И розовый по рѣчкѣ и шатрамъ
Разлился блескъ, и свѣтитъ тамъ и тамъ:
Такъ дѣвушки, купаяся въ тѣни,
Когда увидятъ юношу они,
Краснѣютъ: всѣ къ землѣ склоняютъ взоръ:
Но какъ бѣжать, коль близокъ милый воръ!..

Стансы.

Я не крушуся о быломъ,
Оно меня не усладило.
Мнѣ нечего запомнить въ немъ,
Чего бъ тоской не отравило!

Какъ настоящее, оно
Страстями чудными облито
И вьюгой зла занесено,
Какъ снѣгомъ крестъ въ степи забытой!

Отвѣта на любовь мою
Напрасно жаждалъ я душою,
И если о любви пою—
Она была моей мечтою.

Я къ одиночеству привыкъ;
Я бъ не умѣлъ ужиться съ другомъ;
Я бъ съ нимъ препровожденный мигъ
Почелъ потеряннымъ досугомъ.

Мнѣ скучно въ день, мнѣ скучно въ ночь;
Надежды нѣту въ утѣшенье;
Она на вѣкъ умчалась прочь,
Какъ жизни каждое мгновенье.

На свѣтлый западъ удалюсь;
Видъ моря грусть мою разсѣетъ.
Ни съ кѣмъ въ отчизнѣ не прощусь—
Никто о мнѣ не пожалѣетъ!...

Быть можетъ, будетъ мнѣ о комъ
Тогда вздохнуть,—и Провидѣнье
Заплатитъ мнѣ спокойнымъ днемъ
За долгое мое мученье.

Прости, мой другъ!.. какъ призракъ, я лечу
Въ далекій край: печали я ищу;
Хочу грустить, но лишь не предъ тобой.
Ты можешь жить, не слыша голосъ мой;
Изъ всѣхъ блаженствъ, отнятыхъ у меня,
Осталось мнѣ одно: видать тебя,
Тотъ взоръ, что небо жалостью зажгло.
Все кончено!—ни блѣдное чело,
Ни пасмурный и недовольный взглядъ
Ничѣмъ, ничѣмъ его не омрачатъ!..
Меня забыть прекрасной нѣтъ труда,
И я тебя забуду навсегда;
Я мучусь, если мысль ко мнѣ придетъ,
Что и тебя несчастіе убьетъ,
Что нѣкогда съ ланитъ и съ устъ мечта,
Какъ дымъ, слетитъ, завянетъ красота,
Забьется сердце медленнѣй—свинецъ
Тоски на немъ—и что всему конецъ!..
Однако-жъ я желалъ бы увидать
Твой хладный трупъ, чтобы себѣ сказать:
«Чего еще! Желанья отняты,
Бѣднякъ, теперь совсѣмъ оставленъ ты!»

Челнокъ.

Воетъ вѣтръ и свиститъ предъ недальной грозой;
По морю на темный востокъ,
Озаряемый молньей, кидаемъ волной,
Несется невѣрный челнокъ.
Два гребца въ немъ сидятъ съ безпокойнымъ челомъ
И что то у ногъ ихъ подъ бѣлымъ холстомъ.

И вихорь сильнѣй по волнамъ пробѣжалъ
И сорванъ летучій покровъ.

Подъ нимъ человѣкъ неподвижно лежалъ
И блѣдный, какъ жертва гробовъ:
Взоръ мраченъ и дикъ, какъ сраженія дымъ,
Какъ тучи на небѣ, иль волны подъ нимъ.

Въ чалмѣ онъ богатой, съ обритой главой,
И цѣпь на рукахъ и ногахъ,
И рана близъ сердца, и токъ кровяной
Не держитъ опасности страхъ;
Онъ смерть равнодушнѣе спутниковъ ждетъ,
Хотя его прежде она уведетъ.

Такъ съ смертію вѣчно: чѣмъ ближе она,
Тѣмъ менѣе жалко намъ свѣтъ.
Двѣ могилы не такъ намъ страшны, какъ одна,
Потому что надежды здѣсь нѣтъ.
И еслибъ не ждалъ я счастливаго дня,
Давно не дышала-бы грудь у меня!

Отрывокъ.

На жизнь надѣяться страшась,
Живу, какъ камень межъ камней,
Излить страданія скупясь:
Пускай сгніютъ въ груди моей.
Разсказъ моихъ сердечныхъ мукъ
Не возмутитъ ушей людскихъ,
Ужель при сшибкѣ камней звукъ
Проникнетъ въ середину ихъ?

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мнѣ.
Но велѣно ему судьбой,
Какъ жилъ, погибнуть въ тишинѣ.
Я твердо ждалъ его плодовъ,
Съ собой бесѣдовать любя;

Утихнетъ звукъ сердечныхъ словъ:
Одинъ, одинъ останусь я.

Для тайныхъ думъ я пренебрегъ
И путь любви и славы путь,
Все, чѣмъ хоть мало въ свѣтѣ могъ
Иль отличиться иль блеснуть.
Бѣднѣйшій средь существъ земныхъ,
Останусь я въ кругу людей,
На вѣкъ лишась достоинствъ ихъ
И добродѣтели своей.

Двѣ жизни въ насъ до гроба есть,
Есть грозный духъ: онъ чуждъ уму:
Любовь, надежда, скорбь и месть,
Все, все подвержено ему.
Онъ основалъ жилище тамъ,
Гдѣ можемъ память сохранять,
И предвѣщаетъ гибель намъ,
Когда ужъ поздно избѣгать.

Терзать и мучить любитъ онъ;
Въ его рѣчахъ нерѣдко ложь...
Онъ точитъ жизнь, какъ скорпіонъ.
Ему повѣрилъ я—и чтожъ?
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь въ очи, въ блѣдный цвѣтъ;
Лицо мое вамъ не могло
Сказать, что мнѣ пятнадцать лѣтъ.

И скоро старость приведетъ
Меня къ могилѣ—я взгляну
На жизнь—на весь ничтожный плодъ
И о прошедшемъ вспомяну.
Придетъ сей вѣрный другъ могилъ
Съ своей холодной красотой:
Объ чемъ страдалъ, что я любилъ,
Тогда лишь будетъ мнѣ мечтой.

Ужель единый гробъ для всѣхъ
Уничтоженіемъ грозитъ?
Какъ знать: тогда быть можетъ смѣхъ
Полмертваго воспламенитъ!
Придетъ веселость—звукъ чужой
Понынѣ въ словарѣ моемъ:
И я объ юности златой
Не погорюю предъ концомъ.

Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ.
Мы сгибнемъ—нашъ сотрется слѣдъ,
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ.
Нашъ духъ вселенной вихрь умчитъ
Къ безбрежнымъ, мрачнымъ сторонамъ;
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.

Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ, станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ!...

Къ нимъ станутъ [какъ всегда могли]
Слетаться ангелы. А мы
Увидимъ этотъ рай земли,
Окованы надъ бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вѣчность съ цѣлію одной:
Вотъ казнь за цѣлые вѣка
Злодѣйствъ, кипѣвшихъ подъ луной.

[Только три послѣднія строфы были въ печати, въ первый разъ въ Отеч. Зап. 1859 г. №11.]

———————

Въ Воскресенскѣ.

НАПИСАНО НА СТѢНАХЪ ЖИЛИЩА НИКОНА.

I.

Оставленная пустынь предо мной
Бѣлѣется вечернею порой;
Послѣдній лучъ на ней еще горитъ,
Но колоколъ растреснувшій молчитъ.
Его, бывало, заунывный гласъ
Звалъ братью къ всенощной въ сей мирный часъ.
Зеленый мохъ, растущій надъ окномъ,
Заржавленные ставни и кругомъ
Высокая полынь—все, все безъ словъ
Намъ говоритъ о таинствахъ гробовъ...

. . . .

Таковъ старикъ, подъ грузомъ тяжкихъ лѣтъ
Еще хранящій жизни первый цвѣтъ;
Хотя онъ свѣжъ, на немъ печать могилъ
Тѣхъ юношей, которыхъ пережилъ.

Отечественныя Записки 1859 г. №11

ТАМЪ-ЖЕ ВЪ МОНАСТЫРѢ.

II.

Предъ мной готическое зданье
Стоитъ, какъ тѣнь былыхъ годовъ,
При немъ тѣснится чувствованье
Къ намъ въ грудь того, чему нѣтъ словъ,
Что выше теплаго участья,
Святѣй любви, спокойнѣй счастья.

Быть можетъ, черезъ много лѣтъ
Сія священная обитель
Оставитъ только мрачный слѣдъ,
И любопытный посѣтитель
Въ развалинахъ людей искать
Напрасно станетъ, чтобъ узнать,

Гдѣ образъ Божеской могилы
Между златыхъ колоннъ стоялъ,
Гдѣ теплились паникадилы,
Гдѣ гласъ отшельниковъ звучалъ
И гдѣ предъ Богомъ изливали
Свои грѣхи, свои печали.

И тамъ (какъ знать) найдетъ пришлецъ
Пергаментъ пыльный. Онъ увидитъ,
Какъ сердце любитъ по конецъ,
И безконечно ненавидитъ,
Какъ ни вериги, ни клобукъ
Не облегчаютъ нашихъ мукъ.

Онъ тѣхъ людей узритъ гробницы,
Ихъ эпитафіи прочтетъ.
Временъ тогдашнихъ небылицы
За рѣчи истины почтетъ,
Не мысля, что въ семъ мѣстѣ сгнили
Сердца, которыя любили!...

Русская Мысль 1882 г. №2.

Къ . . .

«Простите мнѣ, что я рѣшился къ вамъ
Писать. Перо въ рукѣ—могила
Передо мной. Но чтожъ? все пусто тамъ.
Все прахъ, что нѣкогда она манила
Къ себѣ. Вокругъ меня толпа родныхъ,
Слезами жалости покрыты лица.
И я пишу—пишу—но не для нихъ.
Любви моей не холодитъ гробница.—
Любви—но вы не знали мукъ моихъ.
Я чувствую, что это трудъ ничтожный;
Не усладитъ послѣднихъ онъ минутъ.
Но такъ и быть—пишу пока возможно—
Сей трудъ—души моей любимый трудъ!

Прими письмо мое. Твой взоръ увидитъ,
Что я не могъ стѣснить души своей
Къ молчанью—такъ ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидитъ..
Я въ жизни—много—много испыталъ
Ошибся въ дружбѣ—о! прими моихъ мученій
Слова—прости—и больше нѣтъ волненій
Прости мой другъ»—и подписалъ:
«Евгеній».

Ночь III.

СИДЯ ВЪ СРЕДНИКОВѢ У ОКНА.

Темно. Все спитъ. Лишь только жукъ ночной,
Жужжа, въ долинѣ пролетитъ порой;
Изъ подъ травы блистаетъ червячекъ,
Отъ нашихъ думъ, отъ нашихъ бурь далекъ.
Высокихъ липъ сталъ пасмурнѣй навѣсъ,
Когда луна взошла среди небесъ.
Нѣтъ, въ первый разъ прелестна такъ она!
Онъ здѣсь. Стоитъ. Какъ мраморъ, у окна
Тѣнь отъ него чернѣетъ на стѣнѣ.
Недвижный взоръ поднятъ, но не къ лунѣ;
Онъ полонъ всѣмъ, чѣмъ только ядъ страстей
Ужасенъ былъ и милъ сердцамъ людей.
Свѣча горитъ, забыта на столѣ
И блескъ ея съ лучемъ луны въ стеклѣ
Мѣшается, играетъ, какъ любви
Огонь живой съ презрѣніемъ, въ крови!
Ктожъ *онъ*? Ктожъ онъ, сей нарушитель сна?
Чѣмъ эта грудь мятежная полна?
О, еслибъ вы умѣли угадать
Въ его очахъ, что хочетъ онъ скрывать!
О, еслибъ могъ единый бѣдный другъ
Хотя смягчить души его недугъ!

Прости.

ИЗЪ БАЙРОНА.

Прости! Коль могутъ къ небесамъ
Взлетать молитвы за другихъ,
Моя молитва будетъ тамъ
И даже улетитъ за нихъ.
Что пользы плакать и вздыхать:
Слеза кровавая порой
Не можетъ болѣе сказать,
Чѣмъ звукъ прощанья роковой!...

Нѣтъ слезъ въ очахъ, уста молчатъ,
Отъ тайныхъ думъ томится грудь,
И эти думы вѣчный ядъ,—
Имъ не пройти, имъ не уснуть!
Не мнѣ о счастьи бредить вновь,—
Лишь знаю я—и могъ снести—
Что тщетно въ насъ жила любовь,
Лишь чувствую. Прости! прости!

[Отечественныя Записки 1859 г. №11. Въ исправленномъ видѣ Саратовскій Листокъ 1875 г. №246.]

Элегія.

Дробись, дробись, волна ночная,
И пѣной орошай брега въ туманной мглѣ.
Я здѣсь стою близъ моря на скалѣ,
Стою, задумчивость питая;
Одинъ, покинувъ свѣтъ, и чуждый для людей,
И никому тоски повѣрить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей;
Межъ нихъ блеститъ огонь гостепріимный;
Семья безпечная сидитъ вкругъ огонька
И, внемля повѣсть старика,
Себѣ готовитъ ужинъ дымный!

Но я далекъ отъ счастья ихъ душой:
Я помню блескъ обманчивой столицы,
Веселій пагубныхъ невозвратимый рой...
И что жъ? Слеза бѣжитъ съ рѣсницы
И сожалѣніе мою тревожитъ грудь;
Года погибшіе являются всечасно...
И этотъ взоръ, задумчивый и ясный...
Твержу, твержу душѣ: забудь!
Онъ все передо мной! я все твержу напрасно!
О, если бъ я въ семъ мѣстѣ былъ рожденъ,
Гдѣ не живетъ среди людей коварность,
Какъ много бы я былъ судьбою одолженъ—
Теперь у ней нѣтъ правъ на благодарность!...
Какъ жалокъ тотъ, чья младость принесла
Морщину лишнюю для стараго чела,
И, отобравъ всѣ милыя желанья,
Одно печальное раскаянье дала..
Кто чувствовалъ, какъ я, чтобъ чувствовать страданья,
Кто рано свѣтъ узналъ и, съ страшной пустотой,
Какъ я, оставилъ брегъ земли своей родной
Для добровольнаго изгнанья!...

Библіотека для чтенія 1845 г. №1.

Эпитафія.

Простосердечный сынъ свободы,
Для чувствъ онъ жизни не щадилъ,
И вѣчныя черты природы
Онъ часто списывать любилъ.

Онъ вѣрилъ темнымъ предсказаньямъ
И талисманамъ и любви—
И неестественнымъ желаньямъ
Онъ отдалъ въ жертву дни свои.

И въ немъ душа запасъ хранила
Блаженства, муки и страстей.
Онъ умеръ. Здѣсь его могила.
Онъ не былъ созданъ для людей.

Отечественныя Записки 1839 г №11.

Sentenz.

Когда бы могъ весь свѣтъ узнать
Что жизнь съ надеждами, мечтами—
Ничто иное, какъ тетрадь
Съ давно извѣстными стихами.

Отечественныя Записки 1859 г. №11.

Гробъ Оссіана.

УЗНАВЪ ОТЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКА ОПИСАНІЕ СЕЙ МОГИЛЫ.

Подъ занавѣсою тумана,
Подъ небомъ бурь, среди степей,
Стоитъ могила Оссіана
Въ горахъ Шотландіи моей.
Летитъ къ ней духъ мой усыпленный
Родимымъ вѣтромъ подышать
И отъ могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять...

Русская Старина 1873 г. №4.

Кладбище.

НА КЛАДБИЩѢ НАПИСАНО. 1830 г.

Вчера до самой ночи просидѣлъ
Я на кладбищѣ, все смотрѣлъ, смотрѣлъ
Вокругъ себя; полстертыя слова
Я разбиралъ. Невольно голова
Наполнилась мечтами вновь—очей
Я не былъ въ силахъ оторвать съ камней:
Одинъ ушелъ ужъ въ землю—и на немъ
Все стерлося; тамъ крестъ къ кресту челомъ
Нагнулся, будто любитъ, будто сонъ
Земныхъ страстей узналъ въ семъ мѣстѣ онъ...
Вкругъ тихо, сладко все, какъ мысль о ней;
Краснѣючи, волнуется пырей
На солнцѣ вечера. Надъ головой

Жужжа, со днемъ прощаются игрой
Толпящіяся мошки, какъ народъ
Существъ съ душой, уставшихъ отъ работъ!
Сто кратъ великъ, кто создалъ міръ! великъ!
Сихъ мелкихъ тварей надмогильный крикъ
Творца не больше ль славитъ иногда,
Чѣмъ въ пепелъ обращенныя стада?
Чѣмъ человѣкъ, сей царь надъ общимъ зломъ,
Съ коварнымъ сердцемъ, съ ложнымъ языкомъ?...

Посвященіе.

Прими, прими мой грустный трудъ
И, если можешь, плачь надъ нимъ.
Я много плакалъ. Не придутъ
Вновь эти слезы—вѣчно имъ
Не освѣжать моихъ очей.
Когда катилися они,
Я думалъ, думалъ все о ней,
Жалѣлъ и ждалъ другіе дни!
Ужъ нѣтъ ея, и слезъ ужъ нѣтъ,
И нѣтъ надеждъ. Передо мной
Блеститъ надменный, глупый свѣтъ
Съ своей красивой пустотой!
Ужель я для него писалъ?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящалъ,
Являя сердца полноту?
Цѣнить онъ только злато могъ,
И гордыхъ думъ не постигалъ:
Мой геній сплелъ себѣ вѣнокъ
Въ ущелинахъ кавказскихъ скалъ.
Однимъ высокимъ увлеченъ,
Онъ только жертвуетъ любви;
Принесть тебѣ лишь можетъ онъ
Любимые труды свои.

Посвященіе.

Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ
Души взволнованной мечты;
Я бѣденъ былъ—ты это зналъ,
И бѣдняка не кинулъ ты.

Ты примирилъ меня съ судьбой,
Съ мятежной властію страстей;
Тобой, единственно тобой,
Я сталъ, чѣмъ былъ съ давнишнихъ дней.

И муза, по моей мольбѣ,
Сошла опять съ святой горы;
Но вѣрь, принадлежитъ тебѣ
Ея вѣнокъ, ея дары!

[Оба эти посвященія, неизвѣстно къ чему относящіяся, были напечатаны въ Отеч. Зап. 1859 г. №11.]

Гость.

Какъ пришлецъ иноплеменный,
Въ облакахъ луна скользитъ;
Колокольчикъ отдаленный
То замолкнетъ, то звенитъ.
«Что за гость въ ночи морозной?»
Мужу говоритъ жена,
Сидя рядомъ въ вечеръ поздній
Возлѣ тусклаго окна...

Вотъ кибитка подъѣзжаетъ...
На высокое крыльцо
Изъ кибитки вылѣзаетъ
Незнакомое лицо.
И слуга вошелъ съ свѣчею,
Бѣдный вслѣдъ за нимъ монахъ:
Нынѣ позднею порою
Заплутался онъ въ лѣсахъ.

И ему ночлегъ дается—
Что жъ стоишь, отшельникъ, ты?
Свѣчки лучъ печально льется
На печальныя черты.
Чуднымъ взоръ огнемъ свѣтился,
Онъ хозяйку вдругъ узналъ,
Онъ дрожитъ и вотъ забылся
И къ ногамъ ея упалъ.

Мужъ ушелъ тогда. О! прежде
Жилъ чернецъ лишь для нея
Обманулся онъ въ надеждѣ,
Погубилъ онъ съ нею все.
Но промчалось изступленье;
Путникъ въ комнатѣ своей,
Чтобъ рыданья и мученье
Схоронить отъ глазъ людей.

Но рыданія звучали
Вплоть до бѣлыя зари,
Наконецъ и замолчали...
По утру къ нему вошли:
На полу онъ посинѣлый,
Какъ замученный, лежалъ
И безчувственное тѣло
Плащъ печальный покрывалъ!...

1830 г. 8 іюля. Ночь.

Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?—Мы были большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетушки, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою была она или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ

въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ. И такъ рано!... Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины; желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату; я не хотѣлъ говорить объ ней и убѣгалъ, слыша ея названье [теперь я забылъ его], какъ бы страшась, чтобъ біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснилъ другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда? и понынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ: можетъ быть, спросятъ и меня, какъ я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой разсказъ, подумаютъ, что я брежу, не повѣрятъ ея существованью—это было бы мнѣ больно!... Бѣлокурые волосы, голубые глаза быстрые, непринужденность—нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда такъ не любилъ, какъ въ тотъ разъ.—Горы кавказскія для меня священны... И такъ рано! въ 10 лѣтъ. О, эта загадка, этотъ потерянный рай—до могилы будутъ терзать мой умъ! Иногда мнѣ странно—и я готовъ смѣяться надъ этой страстію, но чаще—плакать.—Говорятъ [Байронъ], что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить изящныя искусства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки.

Отечественныя Записки 1859 г. №7.

1830. мая 16 число.

Боюсь не смерти я. О, нѣтъ!
Боюсь исчезнуть совершенно;
Хочу, чтобъ трудъ мой вдохновенный
Когда нибудь увидѣлъ свѣтъ,
Хочу—и снова затрудненье!...
Зачѣмъ... что пользы будетъ мнѣ?
Мое свершится разрушенье
Въ чужой, невѣдомой странѣ.
Я не хочу бродить межъ *вами*
По разрушеніи! Творецъ,
На то ли я звучалъ струнами,
На то ли созданъ былъ пѣвецъ?
На то ли вдохновенье, страсти,
Меня къ могилѣ привели?
И нѣтъ въ душѣ довольно власти—
Люблю мученія земли.
И этотъ образъ, онъ за мною
Въ могилу силится бѣжать,
Туда, гдѣ обѣщалъ мнѣ дать
Ты мѣсто къ вѣчному покою.
Но чувствую: покоя нѣтъ:
И тамъ, и тамъ его не будетъ;
Тѣхъ длинныхъ, тѣхъ жестокихъ лѣтъ
Страдалецъ вѣчно не забудетъ!...

[Въ изданіи 1887 г. напечатано только 6 первыхъ строкъ и озаглавлено: «Предчувствіе».—У Лермонтова стоитъ нами оставленное заглавіе.]

Къ ***

ПРОЧИТАВЪ ЖИЗНЬ БАЙРОНА, НАПИСАННУЮ МУРОМЪ.

1830.

Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья,
Хотя слова мои печальны—нѣтъ!
Нѣтъ! всѣ мои жестокія мученья—
Одно предчувствіе гораздо большихъ бѣдъ.

Я молодъ; но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки.
О, если бъ одинаковъ былъ удѣлъ!...

Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ ужъ я душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.

Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной.

Отечественныя Записки 1859 г. №11.

Эпитафія.

УТОНУВШЕМУ ИГРОКУ.

Кто яму для другихъ копать трудился,
Тотъ самъ въ нее упалъ—гласитъ писанье такъ.
Ты это оправдалъ, бостонный мой чудакъ:
Топилъ людей—и утопился.

[Послѣ этого стихотворенія въ черновой тетради находились слѣдующія замѣтки:]

1830. Когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ: ея не могу теперь вспомнить, но увѣренъ,

что если бъ услыхалъ ее, она бы произвела прежнее дѣйствіе. Ее пѣвала мнѣ покойная мать.—

«1830. Я помню одинъ сонъ, когда я былъ еще 8-ми лѣтъ. Онъ сильно подѣйствовалъ на мою душу. Въ тѣ же лѣта я одинъ разъ ѣхалъ въ грозу куда-то, и помню облако, которое—небольшое, какъ бы оторванный клочекъ чернаго плаща—быстро неслось по небу: это такъ живо передо мною, какъ будто вижу. Когда я еще малъ былъ, я любилъ смотрѣть на луну, на разновидныя облака, которыя ввидѣ рыцарей съ шлемами тѣснились будто вокругъ нея; будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства».

1830. [Мнѣ 15 лѣтъ.] Я однажды [3 года назадъ] укралъ у одной дѣвушки, которой было 17 лѣтъ, и потому безнадежно любимой мною, бисерный синій снурокъ. Онъ и теперь у меня хранится.—Кто хочетъ узнать имя дѣвушки, пускай спроситъ у двоюродной сестры моей. Какъ я былъ глупъ!...

1830. Наша литература такъ бѣдна, что я изъ нея ничего не могу заимствовать; въ 15 же лѣтъ умъ не такъ быстро принимаетъ впечатлѣнія, какъ въ дѣтствѣ; но тогда я почти ничего не читалъ. Однако же, если захочу вдаться въ поэзію народную, то вѣрно нигдѣ больше не буду ея искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ.—Какъ жалко, что у меня была мамушкой нѣмка, а не русская—я не слыхалъ сказокъ народныхъ: въ нихъ вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности».

Дереву 1830.

Давно ли съ зеленью радушной
Передо мной стояло ты,
И я корѣ твоей послушной
Ввѣрялъ любимыя мечты;
Лишь годъ назадъ, два талисмана
Свѣтилися въ тѣни. твоей,
И лжи и замысла обмана,
Не скрылося въ душѣ дѣтей!...

Дѣтей! о да! я былъ ребенокъ!
Промчался легкой страсти сонъ;
Дремоты флеръ былъ слишкомъ тонокъ—
Въ единый мигъ прорвался онъ.
И деревцо съ моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвѣсть;
Я жизнь его купилъ бы кровью,
Но какъ перемѣнить, что *есть*?

Ужели также вдохновенье
Умретъ, невозвратимо съ нимъ?
Иль шуму свѣтскаго волненья
Бороться съ сердцемъ молодымъ?
Нѣтъ, нѣтъ,—мой духъ безсмертенъ силой,
Мой геній вѣки пролетитъ,
И эти вѣтви, надъ могилой
Пѣвца—страдальца, освятитъ.

Мое завѣщаніе.

про дерево, гдѣ я сидѣлъ съ А. С.

Схороните меня подъ этимъ сухимъ деревомъ, чтобы два образа смерти предстояли глазамъ вашимъ. Я любилъ подъ нимъ и слышалъ волшебное слово: люблю, которое потрясло судрожнымъ движеніемъ каждую жилу моего сердца: въ то время это дерево, еще цвѣтущее, при свѣжемъ вѣтрѣ покачало головою и

шопотомъ молвило: безумецъ, что ты дѣлаешь?... [Оно засохло]. Время постигло мрачнаго свидѣтеля радостей человѣческихъ прежде меня. Я не плакалъ, ибо слезы есть принадлежность тѣхъ, у которыхъ есть надежды,—но тогда же взялъ бумагу и сдѣлалъ слѣдующее завѣщаніе: «похороните мои кости подъ этой сухою яблоней, положите камень—и пускай на немъ ничего не будетъ написано, если одного имени моего не довольно будетъ доставить ему безсмертіе!...»

Русская Мысль 1882 г. №2

Предсказаніе.

ЭТО МЕЧТА.

Настанетъ годъ, Россіи черный годъ,
Когда . . . . упадетъ;
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И пища многихъ будетъ смерть и кровь;
Когда дѣтей, когда невинныхъ женъ
Низвергнутый не защититъ законъ;
Когда чума отъ смрадныхъ, мертвыхъ тѣлъ
Начнетъ бродить среди печальныхъ селъ,
Чтобы платкомъ изъ хижинъ вызывать
И станетъ гладъ сей бѣдный край терзать;
И зарево окраситъ волны рѣкъ:
Въ тотъ день явится мощный человѣкъ
И ты его узнаешь и поймешь,
Зачѣмъ въ рукѣ его булатный ножъ:
И горе для тебя! твой плачъ, твой стонъ
Ему тогда покажется смѣшенъ;
И будетъ все ужасно, мрачно въ немъ,
Какъ видъ его съ возвышеннымъ челомъ.

Русская Мысль 1883 г. №4.

Эпитафія плодовитаго писаки.

Здѣсь покоится человѣкъ, который никогда не видалъ передъ собою бѣлой бумаги.

1830. Еще сходство въ жизни моей съ Лордомъ Байрономъ. Его матери въ Шотландіи предсказала старуха, что онъ будетъ *великій человѣкъ* и будетъ два раза *женатъ*; про меня на Кавказѣ предсказала тоже самое старуха моей бабушкѣ. Дай Богъ, чтобъ и надо мной сбылось, хотя бъ я былъ также несчастливъ, какъ Байронъ.

Все тихо—полная луна
Блеститъ межъ ветелъ надъ прудомъ
И возлѣ берега волна
Съ холоднымъ рѣзвится лучомъ.

Никто, никто не усладилъ
Въ изгнаньи семъ тоски мятежной!
Любить?—три раза я любилъ,
Любилъ три раза безнадежно.

Русская Мысль 1882 г. №2.

1830 года іюля 15-го.

Зачѣмъ семьи родной безвѣстный кругъ
Я покидалъ? Все сердце грѣло тамъ,
Все было мнѣ наставникъ или другъ,
Все вѣрило младенческимъ мечтамъ.
Какъ ужасы плѣняли юный духъ!
Какъ я рвался на волю къ облакамъ!
Готовъ лобзать уста друзей былъ я,
Не посмотрѣвъ, не скрыта ль въ нихъ змѣя

Но въ общество иное я вступилъ,
Узналъ людей и дружескій обманъ
Сталъ подозрителенъ и погубилъ
Безпечности душевной талисманъ,
Чтобы никто теперь не говорилъ:
Онъ будетъ другъ мнѣ! Боль старинныхъ ранъ
Изъ груди извлечетъ не рѣчь, но стонъ;
И не привѣтъ, упрекъ услышитъ онъ.

Ахъ! я любилъ, когда я былъ счастливъ,
Когда лишь отъ любви могъ слезы лить..
Но, эту грудь страданьемъ напоивъ,
Скажите мнѣ, возможно ли любить?
Страшусь, въ объятья дѣву заключивъ,
Живую душу ядомъ отравить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенникъ, сгорѣвшій отъ огня.

Но лучше я, чѣмъ для людей кажусь:
Они въ лицѣ не могутъ чувствъ прочесть;
И что молва кричитъ о мнѣ... боюсь!
Когда бъ я зналъ, не могъ бы перенесть.
Противу нихъ во мнѣ горитъ, клянусь,
Не злоба, не презрѣніе, не месть.
Но... для чего старалися они
Такъ отравить ребяческіе дни?

Согбенный лукъ, порвавши тетиву,
Гремитъ, но вновь не будетъ прямъ, какъ былъ.
Чтобъ цѣпь ихъ сбросить, я, поднявъ главу,
Послѣднее усиліе свершилъ:
Что жъ? Нынѣ жалкій, грустный я живу
Безъ дружбы, безъ надеждъ, безъ думъ, безъ силъ,
Блѣднѣй, чѣмъ лучъ безчувственной луны,
Когда въ окно скользитъ онъ вдоль стѣны.

Москва.

Отечественныя Записки 1859 г. №11.

[Далѣе поэтъ замѣчаетъ:]

«Въ слѣдующей сатирѣ всѣхъ разругать и одну грустную строфу. Подъ конецъ сказать, что я напрасно писалъ, и что если бъ это перо въ палку обратилось, а какое нибудь божество новыхъ временъ пріударило въ нихъ—оно лучше».

Бульваръ.

отрывокъ.

Съ минуту лишь съ бульвара прибѣжавъ,
Я взялъ перо—и право очень радъ,
Что плодъ надъ нимъ моихъ привычныхъ правъ
Узнаетъ вновь бульварной маскарадъ.
Сатировъ я, для помощи призвавъ,
Подговорю,—и все пойдетъ на ладъ:
Ругай людей, но лишь ругай остро;
Не то... Ко всѣмъ чертямъ твое перо!...

Приди же изъ подземнаго огня,
Чертенокъ мой, взъерошенной острякъ,
И попугаемъ сядь вблизи меня.
Дуракъ, скажу—и ты кричи: дуракъ.
Не устоитъ бульварная семья—
Хоть морщи лобъ, хотя сожми кулакъ,
Невинная красотка въ сорокъ лѣтъ—
Пятнадцати тебѣ все нѣтъ, какъ нѣтъ!

И ты, мой старецъ съ рыжимъ парикомъ,
Ты, депутатъ столѣтій и могилъ,
Дрожащій весь и схожій съ жеребцомъ,
Какъ кровь ему изъ всѣхъ пускаютъ жилъ,
Ты здѣсь бредешь и смотришь сентябремъ,
Хоть тамъ княжна лепечетъ: «какъ онъ милъ»!
А для того и силится хвалить,
Чтобъ свой порокъ въ Ч.... извинить!...

Но далѣе, на креслахъ тамъ другой
Едва сидитъ согбенный сынъ земли;
Онъ, какъ знатокъ, глядитъ въ лорнетъ двойной;
Власы его въ серебряной пыли.

Онъ одаренъ восточною душой,
Коль душу въ немъ въ сто лѣтъ найти могли.
Но я клянусь [пусть кончивъ—буду прахъ],—
Она тонка, когда въ его ногахъ.

И чтожъ? Онъ правъ, онъ правъ, друзья мои.
Глупецъ, кто жилъ, чтобъ на діэтѣ быть;
Уменъ, кто отдалъ дни свои любви.
И этотъ мужъ копилъ, чтобы любить.
Замѣнъ души онъ находилъ въ крови.
Но тотъ блаженъ, кто можетъ говорить,
Что онъ вкушалъ до капли медъ земной,
Что онъ любилъ и тѣломъ и душой!...

И я любилъ! опять къ своимъ страстямъ!
Брось, брось свои безумныя мечты!
Пора склонить вниманіе на дамъ,
На этихъ кандидатокъ красоты,
На ихъ нарядъ—какъ описать все вамъ?
Въ нарядѣ ихъ нѣтъ милой простоты:
Все такъ высоко, такъ взгроможденo,
Какъ бурею на нихъ нанесено.

Примѣтна спѣсь въ ихъ пошлой болтавнѣ,
Уста всегда сказать готовы: *нѣтъ*.
И холодны онѣ, какъ при лунѣ
Намъ кажется прабабушки портретъ;
Когда гляжу, то право жалко мнѣ,
Что вкусъ такой имѣетъ модный свѣтъ.
Вѣдь думаютъ тенётомъ лентъ, кисей,
Какъ зайчиковъ, поймать моихъ друзей.

Сидѣлъ я разъ, случайно, подъ окномъ
И вдругъ головка вышла изъ окна,
Не завита, и въ чепчикѣ простомъ—
Но какъ божественна была она,
Уста и взоръ—стыжусь!.. Въ умѣ моемъ
Головка та ничѣмъ не изгнана,
Какъ нѣкій сонъ младенческихъ ночей
Или какъ пѣсня матери моей.

И сколько лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ!..
О! вѣрьте мнѣ, красавицы Москвы,
Блистательный вашъ головной уборъ
Вскружить не въ силахъ нашей головы.
Всѣ платья, шляпы, букли ваши—вздоръ,
Такой же вздоръ, какой твердите вы,
Когда идете здѣсь толпой кометъ,
А маменьки бѣгутъ за вами вслѣдъ.

Но для чего кометами я васъ
Назвалъ, глупецъ тупѣйшій то пойметъ,
И самъ Башуцкой объяснитъ тотчасъ:
Комета за собою хвостъ влечетъ;
И это всѣми признано у насъ
Хотя—что̀ въ немъ, никто не разберетъ;
За вами-жъ хвостъ оставленныхъ мужьевъ,
Вздыхателей и бѣдныхъ жениховъ!

О женихи! о бѣдный Масаловъ;
Какъ не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, изъ рода пѣтушковъ,
Средь юныхъ дѣвъ, какъ будто бы въ саду;
Хотя и держишься размѣру словъ,
Но ты согласенъ на свою бѣду,
Что лучше все не думавъ говорить,
Чѣмъ глупо думать и глупѣй судить.

Онъ чванится, что точно русскій онъ;
Но еслибы таковъ былъ весь народъ,
То я бы изъ Руси пустился вонъ.
И то сказать, чудесный патріотъ
Лишь своему языку обученъ;
Онъ этимъ край родной не выдаетъ:
А то-бъ узнали всей земли концы,
Что есть у насъ подобные глупцы.

Продолженіе впредь.

Пѣснь Барда.

Я долго былъ въ чужой странѣ,
Дружинъ Днѣпра сѣдой пѣвецъ,
И вдругъ пришло на мысли мнѣ
Къ нимъ возвратиться наконецъ.
Пришелъ—съ гуслями за спиной—
Былую пѣсню заигралъ...
Напрасно!—Князь земли родной
Приказу ханскому внималъ...

Въ пустыни, гдѣ являлся врагъ,
Понесъ я старую главу
И попиралъ мой каждый шагъ
Окровавленную траву.
Сходились къ брошеннымъ костямъ
Толпы звѣрей и птицъ лѣсныхъ
Затѣмъ, что больше было тамъ
Число убитыхъ, чѣмъ живыхъ.

Кто могъ бы спѣть хоть пѣснь одну?
Отчаяннымъ движеньемъ рукъ
Задѣвъ дрожащую струну,
Случалось, исторгалъ я звукъ;
Но умиралъ такъ скоро онъ!
И еслибъ слышалъ сынъ цѣпей,
То гибнущей свободы стонъ
Не тронулъ бы его ушей.

Вдругъ кто то у меня спросилъ:
«Зачѣмъ я часто слезы лью?
Гдѣ человѣкъ такъ вольно жилъ? *).
О комъ бренчу, о комъ пою?»
Пронзила эта рѣчь меня—
Надеждъ пропалъ послѣдній рой;
На землю гусли бросилъ я
И, молча, раздавилъ ногой.

---

*) Варіантъ. «Гдѣ Святославъ могучій жилъ?»

10-е іюля 1830.

Опять вы, гордые, возстали
За независимость страны,
И снова передъ вами пали
Тиранства низкіе сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилося—побѣды мрачной знакъ;
Оно любимо прежде было славой;
Суворовъ былъ его сильнѣйшій врагъ...

[Конецъ затерянъ. Изд. 1880 г. II, стр. 98 и Русская Мысль 1883 г. №7.]

Черноокой.

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.

КЪ СУ[ШКОВОЙ, ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ].

При выѣздѣ изъ Средникова къ Miss Blackeys; шутка—предположенная отъ M. Kord.

Вблизи тебя до этихъ поръ
Я не слыхалъ въ груди огня.
Встрѣчалъ ли твой прелестный взоръ,
Не билось сердце у меня.
Въ лѣсахъ, по узенькимъ тропамъ
Нерѣдко я бродилъ съ тобой;
Ихъ шумомъ любовался тамъ,
Меня не трогалъ голосъ твой.

И что-жъ? разлуки первый звукъ
Меня заставилъ трепетать
Нѣтъ, нѣтъ! онъ не предвѣстникъ мукъ;
Я не люблю—за чѣмъ скрывать!
Однако же хоть день, хоть часъ
Еще желалъ бы здѣсь пробыть,

Чтобъ блескомъ этихъ чудныхъ глазъ
Души тревоги усмирить.

Средниково. 12 августа.

[См. Русская Мысль 1882 г. №2. По разсказу Арк. Дм. Столыпина, молодежь, предводимая М. Kord'омъ, гувернеромъ его, отправляясь на богомолье, разбудила Екатерину Алексѣевну, которую называли «Черноокою» пѣніемъ.—Въ Библ. для чтенія 1844 г. №5, въ Рус. Вѣст. 1857 г. №18 стихотвореніе было напечатано въ слѣдующемъ видѣ:]

Вблизи тебя до этихъ поръ
Я не слыхалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ ли твой волшебный взоръ,
Не билось сердце у меня:

И пламень звѣздочныхъ очей,
Который вѣчно, можетъ быть,
Останется въ груди моей,
Не могъ меня воспламенить.

Къ чему жъ разлуки первый звукъ
Меня заставилъ трепетать?
Онъ не предвѣстникъ долгихъ мукъ,
Я не люблю! зачѣмъ страдать?

Однако же, хоть день, хоть часъ.
Желалъ бы дольше здѣсь пробыть,
Чтобъ блескомъ вашихъ чудныхъ глазъ
Тревогу мыслей усмирить.

Благодарю.

Благодарю!... вчера мое признанье
И стихъ мой ты безъ смѣха приняла:
Хоть ты страстей моихъ не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

Въ другомъ краю ты нѣкогда плѣняла;
Твой чудный взоръ и острота рѣчей
Останутся навѣкъ въ душѣ моей,
Но не хочу, чтобы ты мнѣ сказала:
Благодарю'

Я бъ не желалъ умножить, въ цвѣтѣ жизни,
Печальную толпу твоихъ рабовъ
И отъ тебя услышать вмѣсто словъ
Язвительной, жестокой, укоризны:
Благодарю!

О, пусть холодность мнѣ твой взоръ покажетъ,
Пускай убьетъ надежды и мечты
И все, что въ сердцѣ возродила ты;
Душа моя тебѣ тогда лишь скажетъ:
Благодарю!

Середниково. 12 августа 1830.

Библіотека для чтенія 1845 г.

Нищій.

У вратъ обители святой
Стоялъ—просящій подаянья,
Безсильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлѣба онъ просилъ
И взоръ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!

Такъ я молилъ твоей любви,
Съ слезами горькими, съ тоскою;
Такъ чувства лучшія мои
Навѣкъ обмануты тобою.

17 Августа.

Библіотека для чтенія 1845 г.

Весна.

[ЕК. АЛ. СУШКОВОЙ.]

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей, мѣстами,
Чернѣетъ голая земля,
И мгла ложится облаками
На полуюныя поля:
Мечтанье злое грусть лелѣетъ
Въ душѣ неопытной моей;
Гляжу, природа молодѣетъ,
Не молодѣть лишь только *ей:*
Ланитъ спокойныхъ пламень алый
Съ собою время уведетъ,
И *тотъ*, кто такъ страдалъ бывало,
Любви къ *ней* въ сердцѣ не найдетъ.

Отечественныя Записки 1843 г. №12, и записки Хвостовой С.-Петербургъ 1870, стран. 62.

Моя мольба.

Послѣ разговора съ одной извѣстной очень мнѣ старухой, которая восхищалась, и читала, и плакала надъ Грандисономъ.

Да охранюся я отъ мошекъ,
Отъ дѣвъ незнающихъ любви,
Отъ дружбы слишкомъ нѣжной, и—
Отъ романтическихъ старушекъ.

Отечественныя Записки 1843 г. №12.

Экспромптъ.

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ;
Родились вы... все три, а не четыре!

Русскій Вѣстникъ 1857 г. №18.

Стансы.

Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ,
Хотя звѣзда судьбы моей
Померкнула съ давнишнихъ поръ,
И съ нею думы свѣтлыхъ дней!
Слеза, которая не разъ
Рвалась блеснуть передъ тобой,
Ужъ не придетъ, какъ этотъ часъ,
На смѣхъ подосланный судьбой.

Смѣялась надо мною ты,
И я презрѣньемъ отвѣчалъ;
Съ тѣхъ поръ сердечной пустоты
Я ужъ ничѣмъ не замѣнялъ!
Ничто не сблизитъ больше насъ,
Ничто мнѣ не отдастъ покой,
Хоть въ сердцѣ шепчетъ чудный гласъ:
«Я не могу любить другой!»

Я жертвовалъ другимъ страстямъ;
Но если первыя мечты
Служить не могутъ снова намъ,
То чѣмъ же ихъ замѣнишь ты?
Чѣмъ успокоишь жизнь мою,
Когда ужъ обратила въ прахъ
Мои надежды въ семъ краю,
А можетъ быть и въ небесахъ?

26 Августа 1830.

Библіотека для чтенія 1841 г. №5.

---

*
* *

Когда къ тебѣ молвы разсказъ
Мое названье принесетъ
И моего рожденья часъ
Передъ полміромъ проклянетъ,
Когда мнѣ пищей станетъ кровь
И буду жить среди людей,
Ни чью не радуя любовь
И злобы не боясь ни чьей:
Тогда раскаянья кинжалъ
Пронзитъ тебя, и вспомнишь ты,
Чтò при прощаньи я сказалъ.
Увы! то были не мечты,
И если только наконецъ
Моя лишь грудь поражена,
То, вѣрно, прежде зналъ Творецъ,
Что ты страдать не рождена.

---

*
* *

Передо мной лежитъ листокъ,
Совсѣмъ ничтожный для другихъ,
Но въ немъ сковалъ случайно рокъ
Толпу надеждъ и думъ моихъ.
Исписанъ онъ твоей рукой,
И я вчера его укралъ,
И для добычи дорогой
Готовъ страдать, какъ ужъ страдалъ.

---

*
* *

Свершилось! полно ожидать
Послѣдней встрѣчи и прощанья!
Разлуки часъ и часъ страданья
Придутъ—зачѣмъ ихъ отклонять!

Ахъ! я не зналъ, когда глядѣлъ
На чудные глаза прекрасной,
Что часъ прощанья, часъ ужасный,
Ко мнѣ внезапно подлетѣлъ.
Свершилось! голосомъ безцѣннымъ
Мнѣ больше сердца не питать;
Запрусь въ углу уединенномъ
И буду плакать... вспоминать!

1 Октября 1830.

[Это и два предшествующія стихотворенія напечатаны въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 г. №18.]

Ночь IV.

1830 года, ночью. Августа 28.

Одинъ я въ тишинѣ ночной,
Свѣча сгорѣвшая трещитъ.
Перо въ тетрадкѣ записной
Головку женскую чертитъ.
Воспоминанье о быломъ,
Какъ тѣнь, въ кровавой пеленѣ,
Спѣшитъ указывать перстомъ
На то, что было мило мнѣ.

Слова, которыя могли
Меня тревожить въ тѣ года,
Пылаютъ предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда
И тамъ скелеты прошлыхъ лѣтъ
Стоятъ унылою толпой:
Межъ ними есть одинъ скелетъ—
Онъ обладалъ моей душой.

Какъ могъ я не любить тотъ взоръ?
Презрѣнья женскаго кинжалъ
Меня пронзилъ... но нѣтъ—съ тѣхъ поръ
Я все любилъ—я все страдалъ.

Сей взоръ невыносимый, онъ
Бѣжитъ за мною какъ призракъ;
И я до гроба осужденъ
Другова не любить никакъ.

О! я завидую другимъ:
Въ кругу семейственномъ, въ тиши,
Смѣяться просто можно имъ
И веселиться отъ души.
Мой смѣхъ тяжелъ мнѣ, какъ свинецъ:
Онъ плодъ сердечной пустоты.
О Боже! вотъ что, наконецъ
Я вижу, мнѣ готовилъ ты.

Возможно ль первую любовь
Такою горечью облить?
Притворствомъ взволновавъ мнѣ кровь,
Хотѣть насмѣшкой остудить?
Желалъ я на другой предметъ
Излить огонь страстей своихъ,
Но память, слезы первыхъ лѣтъ!
Кто устоитъ противу нихъ?

Глупой красавицѣ.

I.

Амуръ спросилъ меня однажды,
Хочу ль испить его вина?
Я не имѣлъ въ то время жажды,
Но выпилъ кубокъ весь до дна.

II.

Теперь, желалъ бы я напрасно
Смочить горящія уста,
Затѣмъ что чаша влаги страстной,
Какъ голова твоя—пуста.

1830 года—4 октября.

Могила бойца.

ДУМА.

Онъ спитъ послѣднимъ сномъ давно,
Онъ спитъ послѣднимъ сномъ;
Надъ нимъ бугоръ насыпанъ былъ,
Зеленой дернъ кругомъ.

Сѣдые кудри старика
Смѣшалися съ землей:
Они взвѣвались по плечамъ
За чашей пировой.

Они бѣлы, какъ пѣна волнъ,
Біющихся у скалъ;
Уста, любимицы бесѣдъ,
Впервые хладъ сковалъ

И блѣдны щеки мертвеца,
Какъ ликъ его враговъ
Блѣднѣлъ, когда являлся онъ
Одинъ средь ихъ рядовъ.

Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело;
И червь, движенья не боясь,
Ползетъ черезъ чело.

На то ль онъ жилъ и мечъ носилъ,
Чтобъ въ часъ вечерней мглы
Слеталися на холмъ его
Пустынные орлы?

Хотя пѣвецъ родной страны
Не разъ ужъ пѣлъ объ немъ,
Но пѣснь—все пѣснь, а жизнь—все жизнь!...
Онъ спитъ послѣднимъ сномъ.

1830 года 5 октября
во время холеры—morbus.

Берлинское Изданіе 1862 г.

Новгородъ.

13 октября 1830.

Сыны снѣговъ, сыны славянъ,
Зачѣмъ вы мужествомъ упали?
Зачѣмъ? Погибнетъ вашъ тиранъ,
Какъ всѣ тираны погибали!..
До нашихъ дней при имени свободы
Трепещетъ ваше сердце и кипитъ!..
Есть бѣдный градъ, тамъ видѣли народы
Все то, къ чему теперь вашъ духъ летитъ.

[Тиранъ— Аракчеевъ. Юноша поэтъ смѣшивалъ населеніе пахотныхъ крестьянъ (Военныя поселенія) съ древними новгородцами. Впрочемъ стихотвореніе это имъ зачеркнуто. Напечатано въ первый разъ въ Русской Мысли 1883 г. №4.]

Къ ...

Не говори: я трусъ, глупецъ!...
О! если такъ меня терзало
Сей жизни мрачное начало,
Какой же долженъ быть конецъ!...

Чума въ Саратовѣ.

Cholera-morbus. 1830 года августа 15 дня.

I.

Чума явилась въ нашъ предѣлъ;
Хоть страхомъ сердце стѣснено,
Изъ милліона мертвыхъ тѣлъ
Мнѣ будетъ дорого одно.
Его землѣ не отдадутъ,
И крестъ его не осѣнитъ,
И пламень, гдѣ его сожгутъ,
Навѣкъ мнѣ сердце охладитъ.

II.

Никто не прикоснется къ ней,
Чтобъ облегчить послѣдній мигъ.
Уста волшебницы очей
Не приманятъ къ себѣ другихъ;
Лобзая ихъ, я бъ былъ счастливъ,
Когда бъ въ себя ядъ смерти впилъ,
Затѣмъ что сладость ихъ испивъ...
Я дѣву нѣкогда забылъ.

[Русская Мысль 1883 г. №4. Еще отрывокъ стихотворенія, касающагося холеры, мы помѣщаемъ въ приложеніи.]

---

30 іюля [Парижъ] 1830 года.

Ты могъ быть лучшимъ королемъ.
Ты не хотѣлъ. Ты полагалъ
Народъ унизить подъ ярмомъ,
Но ты французовъ не узналъ!
Есть судъ земной и для царей—
Провозгласилъ онъ твой конецъ;
Съ дрожащей головы твоей
Ты въ бѣгствѣ уронилъ вѣнецъ.

И загорѣлся страшный бой,
И знамя вольности, какъ духъ,
Идетъ предъ гордою толпой—
И звукъ одинъ наполнилъ слухъ;
И брызнула въ Парижѣ кровь.
О! чѣмъ заплатишь ты, тиранъ,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь гражданъ?

Когда послѣдняя труба
Разрѣжетъ звукомъ синій сводъ;
Когда откроются гроба,
И прахъ свой прежній видъ возьметъ;

Когда появятся вѣсы,
И ихъ подыметъ Судія...
Не встанутъ у тебя власы?
Не задрожитъ рука твоя?...

Глупецъ! что будешь ты въ тотъ день,
Коль нынѣ стыдъ ужъ надъ тобой?
Предметъ насмѣшекъ ада, тѣнь,
Призракъ, обманутый судьбой!
Безсмертной раною убитъ,
Ты обернешь молящій взглядъ,
И строй кровавый закричитъ:
Онъ виноватъ! онъ виноватъ!

Русская Мысль 1883 г. №4.

Нерѣдко люди и бранили
И мучили меня за то,
Что часто имъ прощалъ я то,
Чего бъ они мнѣ не простили.

И началъ рокъ меня томить:
Каралъ безвинно и за дѣло—
Отъ сердца чувство отлетѣло,
И я не могъ ему простить.

Я снова межъ людей явился
Съ холоднымъ, сумрачнымъ челомъ;
Но взглядъ, куда бъ ни обратился,
Встрѣчался съ радостнымъ лицомъ!

Романсъ.

Въ тѣ дни, когда ужъ нѣтъ надеждъ,
А есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо нашихъ вѣждь
И легче на груди страданье.

Баллада.

ИЗЪ БАЙРОНА.

Берегись! берегись! Надъ Бургосскимъ путемъ
Сидитъ одинъ черный монахъ:
Онъ бормочетъ молитву во мракѣ ночномъ,
Панихиду о прошлыхъ годахъ.
Когда мавръ пришелъ въ нашъ родимый домъ,
Оскверняючи церкви порогъ,
Онъ безъ дальнихъ словъ выгналъ всѣхъ чернецовъ;
Одного только выгнать не могъ.

Для добра или зла? [Я слыхалъ не одинъ,
И не мнѣ бы о томъ говорить]
Когда возвратился тѣхъ мѣстъ господинъ,
Онъ никакъ не хотѣлъ уходить.
Хоть никто не видалъ, какъ по замку блуждалъ
Монахъ, но зачѣмъ возражать?
Ибо слышалъ не разъ я старинный разсказъ,
Который страшусь повторять.

Рождался ли сынъ, онъ рыдалъ въ тишинѣ;
Когда жъ прекратился сей родъ,
Онъ по звучнымъ поламъ при блѣдной лунѣ
Бродилъ и взадъ и впередъ.

Продолженіе впредь.

Берлинское изданіе 1862 г.

---

*
* *

Итакъ, прощай! впервые этотъ звукъ
Тревожитъ такъ жестоко грудь мою.
Прощай!—шесть буквъ приносятъ столько мукъ,
Уносятъ все, чтó я теперь люблю!
Я встрѣчу взоръ ея прекрасныхъ глазъ
И можетъ быть... какъ знать... въ послѣдній разъ.

Библіотека для чтенія 1844 г. № 6

Смерть.

Закатъ горитъ огнистой полосою;
Любуюсь имъ безмолвно подъ окномъ.
Быть можетъ, завтра онъ заблещетъ надо мною,
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ.
Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ,
Тò мысль объ ней... О! далеко она,
И надъ моимъ недвижнымъ, блѣднымъ тѣломъ
Не упадетъ слеза ея одна!
Ни другъ, ни братъ прощальными устами
Не поцѣлуютъ здѣсь моихъ ланитъ,
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утонетъ въ безднѣ безконечной...
Но ты... О! пожалѣй о мнѣ, краса моя!
Никто не могъ тебя любить, какъ я,
Такъ пламенно и такъ чистосердечно.

1830 Октября 9.

Отечественныя Записки 1844 г. №12.

---

*
* *

Въ верху одна
Горитъ звѣзда;
Мой взоръ она
Манитъ всегда;
Мои мечты
Она влечетъ,
И съ высоты
Мнѣ радость льетъ.
Таковъ же былъ
Тотъ нѣжный взоръ,
Что я любилъ
Судьбѣ въ укоръ.
Мукъ никогда
Онъ зрѣть не могъ;

Какъ та звѣзда,
Онъ былъ далекъ
Усталыхъ вѣждъ
Я не смыкалъ,
И безъ надеждъ
Къ нему взиралъ!

[Библіотека для чтенія 1844 г. №6. Исправлено по альбому Верещагиной.]

Раскаяніе.

Къ чему мятежное роптанье,
Укоръ владѣющей судьбѣ?...
Она была добра къ тебѣ—
Ты создалъ самъ свое страданье.
Безсмысленный! ты обладалъ
Душою чистой, откровенной,
Всеобщимъ зломъ незараженной—
И этотъ кладъ ты потерялъ!

Огонь любви первоначальной
Ты въ ней рѣшился зародить
И долѣе не могъ любить.
Достигнувъ цѣли сей печальной,
Ты презрѣлъ все; между людей
Стоишь, какъ дубъ въ странѣ пустынной,
И тихій плачъ любви невинной
Не могъ потрясть души твоей.

Не дважды Богъ даетъ намъ радость,
Взаимной страстью веселя;
Безъ утѣшенія, томя,
Пройдетъ и жизнь твоя, какъ младость.
Ея лобзанья встрѣтишь ты
Въ устахъ обманщицы прекрасной,
И будутъ предъ тобой всечасно
Предмета перваго черты.

О! вымоли ея прощенье,
Пади, пади къ ея ногамъ!
Не то—ты приготовишь самъ
Свой адъ, отвергнувъ примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежнимъ чувствамъ нѣтъ возврату:
Ты вѣчно первую утрату
Не будешь въ силахъ замѣнить.

Библіотека для чтенія 1845 г. №6.

Quand je te vois sourire,
Mon coeur s'épanouit,
Et je voudrais te dire
Ce que mon coeur me dit!

Alors toute ma vie
A mes yeux apparâit,
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret.

Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé parâit vide,
Comme le ciel sans Dieu.

Et puis, caprice étrange,
Je me surprends bénir
Le beau jour, oh! mon ange,
Où tu m'as fait souffrir!

Библіографическія Записки 1859 г. стр. 23.

Венеція.

отрывокъ.

Поверхностью морей отражена,
Богатая Венеція почила;
Сырой туманъ дымился, и луна
Высокія твердыни осребрила.
Чуть виденъ бѣгъ далекаго вѣтрила;
Студеная вечерняя волна
Едва шумитъ подъ веслами гондолы;
И повторяетъ звуки баркаролы.

Мнѣ чудится, что это ночи стонъ,
Какъ мы, своимъ покоемъ недовольной,
Но снова пѣснь! и вновь гитары звонъ!
О! бойтеся, мужья, сей пѣсни вольной;
Совѣтую, хотя мнѣ это больно,
Не выпускать красавицъ вашихъ женъ,
Но, если вы въ сей мигъ невѣрны сами,
Тогда, друзья, да будетъ миръ межъ вами!

И миръ съ тобой, прекрасный чичизбей,
И миръ съ тобой, лукавая Мелина.
Неситеся по прихоти морей:
Любовь нерѣдко бережетъ пучина.
Хоть и надъ моремъ царствуетъ судьбина—
Гонитель вѣчный счастливыхъ людей—
Но талисманъ пустыннаго лобзанья
Уводитъ сердца темныя мечтанья.

Рука съ рукой, свободу давъ очамъ,
Сидятъ въ ладьѣ и шепчутъ межъ собою.
Она ввѣряетъ мѣсячнымъ лучамъ
Младую грудь съ плѣнительной рукою,
Укрытыя доселѣ подъ эпанчою,
Чтобъ юношу сильнѣй прижать къ устамъ.
Межъ тѣмъ вдали, то грустный, то веселый
Раздался звукъ обычной баркаролы:

Какъ въ дальнемъ морѣ вѣтерокъ
Свободенъ вѣчно мой челнокъ;
Какъ рѣчки быстрое русло,
Не устаетъ мое весло.

Гондола по водѣ скользитъ,
А время по любви летитъ;
Опять сравняется вода,
Страсть не воскреснетъ никогда.

---

*
* *

Я видѣлъ разъ ее въ веселомъ вихрѣ бала...
Казалось, мнѣ она понравиться желала;
Очей привѣтливость, движеній быстрота,
Природный блескъ ланитъ и груди полнота—
Все, все наполнило бъ мнѣ умъ очарованьемъ,
Когда бъ совсѣмъ инымъ, безсмысленнымъ желаньемъ,
Я не былъ угнетенъ, когда бы предо мной
Не пролетала тѣнь съ насмѣшкою пустой,
Когда бъ я только могъ забыть черты другія,
Лицо безцвѣтное и взоры ледяные!...

Саратовскій Листокъ 1875 г. №256.

Подражаніе Байрону.

Не смѣйся, другъ, надъ жертвою страстей,
Вѣнецъ терновый я сужденъ влачить.
Не быть ей вѣчно у груди моей!...
И чтожъ? я не могу другой любить!
Какъ цѣпь гремитъ за узникомъ, за мной
Такъ мысль о будущемъ—и нѣтъ иной.

Я вижу длинный рядъ тяжелыхъ лѣтъ,
А тамъ людьми презрѣнный гробъ—онъ ждетъ,
И до него надежды нѣтъ—и нѣтъ
За нимъ того, что ожидаетъ тотъ,
Кто жилъ одной любовью, погубилъ
Все въ жизни для нея—а все любилъ.

И вынесть могъ сей взоръ ледяный я,
И могъ тогда ей тѣмъ же отвѣчать.
Увижу на рукахъ ея дитя
И стану я при ней его ласкать,
И въ каждой ласкѣ мать узнаетъ вновь,
Что время не могло унесть любовь.

Къ Дурнову.

Довольно любилъ я, чтобъ вѣчно грустить,
Для счастья же мало любилъ;
Но полно, что пользы мнѣ душу открыть?
Зачѣмъ я не то, что я былъ!

Въ вечернее время, въ часъ перваго сна,
Какъ блещетъ туманъ средь долинъ,
На мѣстѣ, гдѣ прежде бывала она,
Брожу безпокоенъ одинъ.

Тогда ты глаза и лицо примѣчай,
Движенья спѣши понимать,
И если тебѣ удалось... то ступай!
Я больше не могъ бы сказать.—

Арфа.

I.

Когда зеленый дёрнъ мой скроетъ прахъ,
Когда, простясь съ недолгимъ бытіемъ,
Я буду только звукъ въ твоихъ устахъ,
Лишь тѣнь въ воображеніи твоемъ,
Когда друзья младые на пирахъ
Меня не станутъ поминать виномъ—
Тогда возьми простую арфу ты:
Она была мой другъ и другъ мечты.

II.

Повѣсь ее въ дому противъ окна,
Чтобъ вѣтеръ осени игралъ надъ ней,
И чтобъ ему отвѣтила она
Хоть отголоскомъ пѣсень прошлыхъ дней.
Но не проснется звонкая струна
Подъ бѣлоснѣжною рукой твоей,
Затѣмъ что тотъ, кто пѣлъ твою любовь,
Ужъ будетъ спать, чтобъ не проснуться вновь

На темной скалѣ, надъ шумящимъ Днѣпромъ
Растетъ деревцо молодое.
Деревцо мое вѣтеръ ни ночью, ни днемъ
Не можетъ оставить въ покоѣ;
И, листъ обрывая, ломаетъ и гнетъ,
Но съ берега въ волны никакъ не сорветъ.

Таковъ несчастливецъ гонимый судьбой,
Хоть взяты желанья могилой,
Онъ долженъ влачить, одинокъ подъ луной,
Обломки сей жизни остылой;
Онъ долженъ надежды свои пережить—
Съ любовію въ сердцѣ, бояться любить!

Пѣсня.

I.

Не знаю, обманутъ ли былъ я,
Осмѣянъ тобой или нѣтъ,
Но клянуся, что самъ полюбилъ я
И остался отъ этого слѣдъ.
Заклинаю тебя всѣмъ небеснымъ
И всѣмъ, что не сбудется вновь,
И счастіемъ мнѣ неизвѣстнымъ
О, прости мнѣ мою ты любовь!

II.

Ты не вѣришь словамъ безъ искусства,
Но современемъ эти листы
Тебѣ объяснятъ мои чувства
И то, что отвергнула ты.
И глубоко вздохнешь, можетъ статься,
Со слезою на ясныхъ очахъ,
Ты о томъ, кто не будетъ нуждаться
Ни въ печали чужой, ни въ слезахъ.

III.

И міръ не увидитъ холодной
Ни желанье, ни грусть, ни мечты
Души молодой и свободной
Съ тѣхъ поръ, какъ не видишь ихъ ты.
Но еслибы я возвратился
Ко днямъ позабытыхъ тревогъ,
Вновь также страдать я бъ рѣшился
И любить бы иначе не могъ.

Баллада.

Въ избушкѣ позднею порою
Славянка юная сидитъ.
Вдали багровой полосою
На небѣ зарево горитъ...
И, люльку дѣтскую качая,
Поетъ Славянка молодая:

«Не плачь, не плачь! Иль сердцемъ чуешь,
Дитя, ты близкую бѣду?...
О, полно! рано ты тоскуешь:
Я отъ тебя не отойду;
Скорѣе мужа я утрачу.
Дитя, не плачь—и я заплачу!

Отецъ твой сталъ за честь и Бога
Въ ряду бойцовъ противъ татаръ;
Кровавый слѣдъ—ему дорога,
Его булатъ блеститъ какъ жаръ.
Взгляни, тамъ зарево краснѣетъ:
То битва смерти сѣмя сѣетъ.

Какъ рада я, что ты не въ силахъ
Понять опасности своей!
Не плачутъ дѣти на могилахъ,—
Имъ чуждъ и стыдъ и страхъ цѣпей;
Ихъ жребій зависти достоинъ...»
Вдругъ шумъ— и въ двери входитъ воинъ.

Брада въ крови, избиты латы.
«Свершилось!»—восклицаетъ онъ,—
«Свершилось!... Торжествуй, проклятый!
Нашъ милый край порабощенъ.
Татаръ мечи не удержали,—
Орда взяла, и наши пали.»

И онъ упалъ—и умираетъ
Кровавой смертію бойца.
Жена ребенка поднимаетъ
Надъ блѣдной головой отца:
«Смотри, какъ умираютъ люди,
И мстить учись у женской груди!»

[Русская Мысль 1881 г. №2. Это стихотвореніе имѣетъ связь съ набросками и сюжетомъ «Мстиславъ Черный».]

Пиръ Асмодея.

САТИРА.

У бѣса праздникъ. Скачетъ представляться
Чертей и душъ усопшихъ мелкій сбродъ,
Кухмейстеры за кушаньемъ трудятся,
Прозябнувши, придворный въ залѣ ждетъ.....
И вотъ за столъ всѣ по чинамъ садятся,
И вотъ лакей картофель подаетъ—
Затѣмъ, что самодержецъ Мефистофель
Былъ родомъ нѣмецъ и любилъ картофель.

По правую сидѣлъ пріѣзжій *** *),
По лѣвую начальникъ докторовъ,
Великой Фаустъ, мужъ отличныхъ правилъ—
[Распространять сужденья дураковъ
Онъ средство намъ превѣчное доставилъ].—
Сидятъ.—Вдругъ настежъ дверь и звукъ шаговъ:
Три демона, войдя съ большимъ поклономъ,
Кладутъ свои подарки передъ трономъ.

1-й демонъ *(говоритъ:)*

«Вотъ сердце женщины: она искала
Отъ неба даже скрыть свои дѣла,
И многимъ это сердце обѣщала,
И никому его не отдала.

---

*) Звѣздочки въ рукописи.

Она себѣ бѣды лишь не желала,
Лишь злобѣ до конца вѣрна была.
Не откажись отъ скромнаго даянья,
Хоть эта вещь не стоила названья».

«C'est trop commun!» воскликнулъ бѣсъ державный,
Съ презрительной улыбкою своей.
«Подарокъ твой подарокъ былъ бы славный,
Но новизна царица нашихъ дней.
И мало ли случалося недавно,
И какъ не быть пріятныхъ мнѣ вѣстей;
Я думаю, слыхали даже стѣны
Про эти безконечныя измѣны».

2-ой демонъ.

«На столъ твой я принесъ вино свободы:
Никто не могъ имъ жажды утолить;
Его земные опились народы
И начали въ куски короны бить;
Но какъ помочь? кто противъ общей моды?
И намъ ли разрушенье усыпить?
Прими-жъ напитокъ сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель.»

Тутъ всѣ цари невольно взбѣленились:
Съ тарелками вскочили съ мѣстъ своихъ;
Боясь, чтобы черти не напились,
Чтобъ и отсюда не прогнали ихъ.
Придворные въ молчаніи косились,
Смекнувъ, что лучше прочь въ подобной мигъ;
Но главный бѣсъ съ геройскою ухваткой
На зéмлю выплеснулъ напитокъ сладкой.

3-й демонъ.

«Въ Москву болѣзнь холеру притащили,
Врачи вступились за нее тотчасъ.—
Они морили, и они лѣчили,
И больше уморили во сто разъ.

Одинъ изъ нихъ, которому служили
Мы нѣкогда, во время вспомнилъ насъ,
И онъ кого то хлору пить заставилъ
И къ прадѣдамъ здороваго отправилъ.»

Сказалъ и подаетъ стаканъ фатальный
Властителю поспѣшною рукой.
«Такъ вотъ сосудъ любезный и печальный,
Драгой залогъ науки докторской!
Благодарю! Хотя съ полночи дальной,
Но мнѣ милѣе всѣхъ подарокъ твой.»
Такъ молвилъ Асмодей и все смѣялся,
Покуда пиръ вечерній продолжался.....

[Повидимому неоконченное стихотвореніе.]

Сонъ.

Я видѣлъ сонъ: прохладный гаснулъ день,
Отъ дома длинная ложилась тѣнь,
Луна, взойдя на небѣ голубомъ,
Играла въ стеклахъ радужнымъ огнемъ.
Все было тихо, какъ луна и ночь,
И вѣтръ не могъ дремоты превозмочь;
И на большомъ крыльцѣ, межъ двухъ колоннъ,
Я видѣлъ дѣву, какъ послѣдній сонъ
Души на небо призванной.—Она
Сидѣла тутъ плѣнительна, грустна.
Хоть, можетъ быть, притворная печаль
Блестѣла въ этомъ взорѣ, но едваль
Ея рука такъ трепетна была
И грудь ея младая такъ тепла.
У ногъ ея ребенокъ, можетъ быть,
Сидѣлъ... Ахъ!.. рано началъ онъ любить!
Во цвѣтѣ лѣтъ съ привязчивой душой,
Зачѣмъ ты здѣсь, страдалецъ молодой?

И онъ сидѣлъ и съ страхомъ руку жалъ,
И глазъ ея движенья провожалъ,
И не прочелъ онъ въ нихъ судьбы завѣтъ:
Мученіе, заботы многихъ лѣтъ,
Болѣзнь души, потоки горькихъ слезъ,
Все, что оставилъ, все, что перенесъ.
И дорожилъ онъ взглядомъ тѣхъ очей,
Причиною погибели своей.....

На картину Рембрандта.

Ты понималъ, о, мрачный геній!
Тотъ грустный, безотчетный сонъ,
Порывъ страстей и вдохновеній,
Все то, чѣмъ удивилъ Байронъ.
Я вижу, ликъ полуоткрытый
Означенъ рѣзкою чертой...
То не бѣглецъ ли знаменитый
Въ одеждѣ инока святой?
Быть можетъ, тайнымъ преступленьемъ
Высокій умъ его убитъ;
Все темно вкругъ; тоской, сомнѣньемъ
Надменный взглядъ его горитъ.
Быть можетъ, ты писалъ съ природы
И этотъ ликъ не идеалъ;
Или въ страдальческіе годы
Ты самъ себя изображалъ?—
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнетъ взоръ,
И этотъ трудъ необычайный
Бездушнымъ будетъ злой укоръ.

Библіотека для чтенія. 1845 г. №1.

Къ ***

О! полно извинять развратъ!
Ужель злодѣямъ щитъ порфира?
Пусть ихъ глупцы боготворятъ,
Пусть имъ звучитъ другая лира;
Но ты остановись, пѣвецъ,
Златой вѣнецъ не твой вѣнецъ.

Изгнаньемъ изъ страны родной
Хвались повсюду, какъ свободой.
Высокой мыслью и душой
Ты рано одаренъ природой,
Ты видѣлъ зло и передъ зломъ
Ты гордымъ не поникъ челомъ.

Ты пѣлъ о вольности, когда
Тиранъ гремѣлъ, грозили казни.
Боясь лишь вѣчнаго Суда,
И чуждый на землѣ боязни,
Ты пѣлъ и въ этомъ есть краю
Одинъ, кто понялъ пѣснь твою.

Прощанье.

Прости, прости!
О, сколько мукъ
Произвести
Сей можетъ звукъ.
Въ далекій край
Уносишь ты—
Мой адъ, мой рай—
Мои мечты.
Твоя рука
Отъ устъ моихъ
Такъ далека;
О! лишь на мигъ,

Прошу, приди
И оживи
Въ моей груди
Огонь любви.
Я здѣсь больной
Одинъ, одинъ
Съ моей тоской,
Какъ властелинъ....
Разлуку я
Переживу ль,
И ждать тебя
Назадъ могу ль?!
Пусть я прижму
Уста къ тебѣ
И такъ умру
На зло судьбѣ.
Что за нужда?
Прощанья часъ
Пускай тогда
Застанетъ насъ!

Къ пріятелю.

Мой другъ, не плачь передъ разлукой,
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь:
Ты самъ же послѣ осмѣешь
Тоску любови легковѣрной,
Которая закралась въ грудь.
Что разъ потеряно, то, вѣрно,
Вернется къ намъ когда нибудь.
Но невиновенъ рокъ бываетъ,
Что чувство въ насъ неглубоко;
Что наше сердце измѣняетъ
Надеждамъ прежнимъ такъ легко,

Что, получивъ опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаемъ мы ихъ примѣты,
Не прельщены ихъ красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не вѣримъ слабою душой,
И даже то относимъ къ счастью,
Что намъ казалося бѣдой.

Библіотека для чтенія 1845 г. №1.

Смерть.

Оборвана цѣпь жизни молодой.
Оконченъ путь, билъ часъ—пора домой!
Пора туда, гдѣ будущаго нѣтъ,
Ни прошлаго, ни вѣчности, ни лѣтъ.
Гдѣ нѣтъ ни ожиданій, ни страстей,
Ни горькихъ слезъ, ни славы, ни честей,
Гдѣ вспоминанье спитъ глубокимъ сномъ
И сердце въ тѣсномъ домѣ гробовомъ
Не чувствуетъ, что червь его грызетъ.
Пора, усталъ я отъ земныхъ заботъ.
Ужель бездушныхъ удовольствій шумъ,
Ужели пытки безполезныхъ думъ,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая отъ мудрости глупа,
Ужели дѣвъ коварная любовь
Прельстятъ меня передъ кончиной вновь?
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой по прежнему страдать
И столько же любить? Всесильный Богъ,
Ты зналъ, я долѣе терпѣть не могъ!
Пускай меня обхватитъ цѣлый адъ,
Пусть буду мучиться, я радъ, я радъ
Хотя бы вдвое противъ прошлыхъ дней,
Но только дальше, дальше отъ людей!

Волны и люди.

Волны катятся одна за другою
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ;
Люди проходятъ ничтожной толпою
Также одинъ за другимъ.

Волнамъ ихъ неволя и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей;
Люди хотятъ имѣть души... и что же?
Души въ нихъ—волнъ холоднѣй!

Библіотека для чтенія 1845 г. №1.

Звуки.

Что за звуки! Недвижимо внемлю
Сладкимъ звукамъ я.
Забываю вѣчность, небо, землю,
Самого себя...
Всемогущій, что за звуки! Жадно
Сердце ловитъ ихъ,
Какъ въ пустынѣ путникъ безотрадный
Каплю водъ живыхъ...
И въ душѣ опять они рождаютъ
Сны веселыхъ лѣтъ
И въ одежду жизни одѣваютъ
Все, чего ужъ нѣтъ.
Принимаютъ образъ эти звуки,
Образъ милой мнѣ;
Мнится, слышу тихій плачъ разлуки,
И душа въ огнѣ...
И опять безумно упиваюсь
Ядомъ прежнихъ дней
И опять я въ мысляхъ полагаюсь
На слова людей.

Саратовскій Листокъ 1875 г. №256.

Одиннадцатаго іюля.

Между лиловыхъ облаковъ
Однажды вечера свѣтило,
За снѣжной цѣпію холмовъ
Краснѣя ярко, заходило,
И возлѣ дѣвы молодой,
Послѣднимъ блескомъ озаренной,
Стоялъ я, блѣдный, чуть живой,
И съ головы ея безцѣнной
Моихъ очей я не сводилъ...
Какъ долго это я мгновенье
Въ туманной памяти хранилъ!
Ужель все было сновидѣнье?
И ложе дѣвы, и окно,
И трепетъ милыхъ устъ, и взгляды,
Въ которыхъ мнѣ запрещено
Судьбой искать себѣ отрады?
Нѣтъ! только счастье ослѣпить
Умѣетъ мысли и желанья
И сномъ никакъ не можетъ быть
Все, въ чемъ хоть искра есть страданья!

Библіотека для чтенія 1845 г. №1.

Первая любовь.

Въ ребячествѣ моемъ тоску любови знойной
Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной;
На мягкомъ ложѣ сна, не разъ, во тьмѣ ночной
При свѣтѣ трепетномъ лампады образной,
Воображеніемъ, предчувствіемъ томимый,
Я предавалъ свой умъ мечтѣ непобѣдимой:
Я видѣлъ женскій ликъ—онъ хладенъ былъ какъ ледъ,
И очи... этотъ взоръ въ груди моей живетъ;
Какъ совѣсть, душу онъ хранитъ отъ преступленій;
Онъ слѣдъ единственный младенческихъ видѣній...

И дѣву чудную любилъ я, какъ любить
Не могъ еще съ тѣхъ поръ, не стану—можетъ.быть!
Когда же улеталъ мой призракъ драгоцѣнный,
Я въ одиночествѣ кидалъ свой взглядъ смущенный
На стѣны желтыя и, мнилось, тѣни съ нихъ
Сходили медленно до самыхъ ногъ моихъ...
И мрачно, какъ онѣ, воспоминанье было
О томъ, что̀ лишь мечта, и между тѣмъ такъ мило!

Саратовскій листокъ 1875 г. №256.

Поле Бородина.

1.

Всю ночь у пушекъ пролежали
Мы безъ палатокъ, безъ огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумѣла буря до разсвѣта,
Я, голову поднявъ съ лафета,
Товарищу сказалъ:
«Братъ, слушай пѣсню непогоды,
Она дика, какъ пѣснь свободы!»
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищъ не слыхалъ.

2.

Пробили зорю барабаны,
Востокъ туманный побѣлѣлъ
И отъ враговъ ударъ нежданный
На батарею прилетѣлъ.
И вождь сказалъ передъ полками:
«Ребята, не Москва-ль за нами!
Умрите-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И мы погибнуть обѣщали
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

3.

Что Чесма, Рымникъ и Полтава!
Я, вспомня, леденѣю весь.
Тамъ души волновала слава,
Отчаяніе было здѣсь.
Безмолвно мы ряды сомкнули;
Громъ грянулъ, завизжали пули;
Перекрестился я.
Мой палъ товарищъ, кровь лилася,
Душа отъ мщенія тряслася
И пуля смерти понеслася
Изъ моего ружья,

4.

Маршъ-маршъ пошли впередъ, и болѣ
Ужъ я не помню ничего.
Шесть разъ мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена какъ тѣни,
Я спорилъ о могильной сѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ.
На пушки конница летала,
Рука бойцовъ колоть устала
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

5

Живые съ мертвыми сравнялись
И ночь холодная пришла
И тѣхъ, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали
И барабаны застучали—
Противникъ отступилъ.
Но день достался намъ дороже!
Въ душѣ сказавъ: «Помилуй Боже!»
На трупъ застывшій, какъ на ложе,
Я голову склонилъ.

6.

И крѣпко, крѣпко наши спали
Отчизны въ роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали,
Но этимъ не могли помочь.
Однако же въ преданьяхъ славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!
Скорѣй обманетъ гласъ пророчій,
Скорѣй небесъ погаснутъ очи,
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно.

[Въ изданіи 1860 г. подъ названіемъ «Бородино».]

Мой домъ.

Мой домъ вездѣ, гдѣ есть небесный сводъ,
Гдѣ только слышны звуки пѣсенъ,
Все, въ чемъ есть искра жизни, въ немъ живетъ
И для поэта онъ не тѣсенъ.

До самыхъ звѣздъ онъ кровлей досягаетъ
И отъ одной стѣны къ другой
Далекій путь, который измѣряетъ
Жилецъ не взоромъ, но душой.

Есть чувство правды въ сердцѣ человѣка,
Святое вѣчности зерно:
Пространство безъ границъ, теченье вѣка
Объемлетъ въ краткій мигъ оно.

И Всемогущимъ мой прекрасный домъ
Для чувства этаго построенъ,
И осужденъ страдать я долго въ немъ,
И въ немъ лишь буду я спокоенъ.

Стансы.

Мнѣ любить до могилы Творцомъ суждено,
Но по волѣ того же Творца,
Все, что любитъ меня, то погибнуть должно
Иль, какъ я же, страдать до конца.
Моя воля надеждамъ противна моимъ:
Я люблю и страшусь быть взаимно любимъ.

На пустынной скалѣ незабудка весной
Одна безъ подругъ разцвѣла,
И ударила буря и дождь проливной,
И какъ прежде недвижна скала;
Но красивый цвѣтокъ ужъ на ней не блеститъ:
Онъ вѣтромъ надломленъ и градомъ убитъ.

Такъ точно и я подъ ударомъ судьбы,
Какъ утесъ, неподвиженъ стою,
Но не мысли никто перенесть сей борьбы,
Если руку пожметъ онъ мою.
Я не чувствъ, но поступковъ своихъ властелинъ:
Я несчастливъ, пусть буду несчастливъ одинъ.

1831.

1 января 1831 г.

Рѣдѣютъ блѣдные туманы
Надъ бездной смерти роковой,
И вновь стоятъ передо мной
Вѣковъ протекшихъ великаны.
Они зовутъ, они манятъ,
Поютъ и я пою за ними
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядѣть назадъ.

Чтобъ бытія земнаго звуки
Не замѣшались въ пѣснь мою,
Чтобъ лучшей жизни на краю
Не вспомнилъ я людей и муки,
Чтобъ я не вспомнилъ этотъ свѣтъ,
Гдѣ носитъ все печать проклятья,
Гдѣ полны ядомъ всѣ объятья,
Гдѣ счастья безъ обмана нѣтъ.

———— ————

Гость.

БЫЛЬ, ПОСВЯЩАЕТСЯ А. ВЕРЕЩАГИНОЙ.

Кларису юноша любилъ
Давно тому назадъ;
Онъ сердце дѣвы получилъ...
А сердце—лучшій кладъ.
Ужъ громкой колоколъ гудетъ
И въ церкви попъ съ вѣнцами ждетъ.

И вдругъ раздался крикъ войны,
Подъяты знамена:
Спѣшатъ отечества сыны—
И ноги въ стремена!
Идетъ Калмаръ, томимъ тоской,
Проститься съ дѣвой молодой.

«Клянись, что вѣчно», молвилъ онъ,
«Мнѣ не измѣнишь ты!
Пускай холодной смерти сонъ,
О дѣва красоты,
Насъ осѣняетъ подъ землей,
Коль не вѣнцы любви святой!»

Клариса клятву говоритъ,
Дрожитъ слеза въ очахъ,
Разлуки поцѣлуй горитъ
На розовыхъ устахъ:
«Вотъ поцѣлуй послѣдній мой:
Съ тобою въ храмъ и въ гробъ съ тобой!»

«И такъ прости! жалѣй меня:
Печаленъ мой удѣлъ!»
Калмаръ садится на коня,
И вихремъ полетѣлъ...
Дни мчатся... снѣгъ въ поляхъ лежитъ...
Все дѣва плачетъ да грустить..

Вотъ и весна явилась вновь
И въ солнцѣ прежній жаръ.
Проходитъ женская любовь.
Забытъ, забытъ Калмаръ!
И долженъ получить другой
Ея красу съ ея рукой.

Съ невѣстой подъ руку женихъ,
Пируетъ за столомъ.
Гостей обходитъ и родныхъ
Стаканъ, шипя виномъ.
Пиръ брачный весело шумитъ;
Лишь молча гость одинъ сидитъ.

На немъ шеломъ избитъ въ бояхъ,
Подъ хладной сталью ликъ,
И плащъ изорванъ на плечахъ,
И ржавый мечъ великъ.
Сидитъ онъ прямъ и недвижимъ
И рѣчь начать боятся съ нимъ.

«Что гость любезный нашъ не пьетъ?»
Клариса вдругъ къ нему,
«И что онъ нить не перерветъ
Молчанью своему?
Кто онъ? Откуда въ нашу дверь?
Могу ли я узнать теперь?»

Не стонъ, не вздохъ онъ испустилъ:
Какой то странный звукъ
Невольнымъ страхомъ поразилъ
Мою невѣсту вдругъ.
Всѣ гости: «ахъ!»—открылъ пришлецъ
Лице свое:—то былъ мертвецъ.

Трепещутъ всѣ, спасенья нѣтъ,
Женихъ забылъ свой мечъ.

«Ты помнишь ли», сказалъ скелетъ,
«Свою прощальну рѣчь:
Калмаръ забытъ не будетъ мной;
Съ тобою въ храмъ и въ гробъ съ тобой!

Калмаръ твой палъ на битвѣ—тамъ
Въ отчаянной борьбѣ.
Вѣнецъ дѣвица въ гробѣ намъ:
Я вѣренъ былъ тебѣ!...»
Онъ обхватилъ ее рукой
И оба скрылись подъ землей.

Въ томъ домѣ каждый круглый годъ
Двѣ тѣни, говорятъ,
Когда межъ звѣздъ луна бредетъ,
И всѣ живые спятъ,
Являются, какъ легкій дымъ,
Бродя по комнатамъ пустымъ...

[Напечатано въ первый разъ въ Русской Старинѣ 1882 г. №8.—Хотя и посвящено А. М. Верещагиной, но являетъ намекъ на любовь, которую поэтъ питалъ къ Варварѣ Б—ой. Вся пьеса навѣяна балладою Бюргера «Леонора»].

Атаманъ.

[стенька разинъ.]

1.

Горе тебѣ, городъ Казань!
Ѣдетъ толпа удальцовъ
Сбирать невольную дань
Съ твоихъ беззаботныхъ купцовъ
Вдоль по Волгѣ широкой
На лодкѣ плывутъ,
И вёслами дружными плещутъ,
И пѣсни поютъ.

2.

Горе тебѣ, русская земля!
Атаманъ между ними сидитъ;
Хоть его лихая семья
Какъ волны шумна—онъ молчитъ;
И краса молодая,
Какъ саванъ блѣдна,
Передъ нимъ стоитъ на колѣняхъ
И молвитъ она:

3.

«Горе мнѣ, бѣдной дѣвицѣ!
Чѣмъ виновна я предъ тобой,
Ты повѣрилъ злой клеветницѣ;
Любимъ мною не былъ другой.
Мнѣ жребій неволи
Судьбинушкой данъ;
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаманъ!»

4.

«Горе дѣвицѣ лукавой!»
Атаманъ ей, нахмурясь, въ отвѣтъ:
«У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нѣтъ;
Отъ глазъ моихъ трудно
Проступокъ укрыть—
Все знаю!... и вновь не могу я,
Дѣвица, любить...

5.

Но лѣкарство чудесное есть
У меня для сердечныхъ ранъ...
Прости же!... лѣкарство то—месть!
На что же я здѣсь атаманъ?
И заплачу ль, какъ плачетъ
Любовникъ другой?...
И смягчишь ли ты, дѣвица,
Своею слезой?»

6.

Горе тебѣ, гроза-атаманъ,
Ты свой произнесъ приговоръ!
Средь пожаровъ ограбленныхъ странъ
Ты забудешь ли пламенный взоръ?...
Остался ль ты хладенъ
И твердъ, какъ въ бою,
Когда бросили въ пѣнныя волны
Красотку твою?

7.

Горе тебѣ, удалой!
Какъ совѣсть совсѣмъ удалить?
Отнынѣ онъ чистой водой
Боится ужъ руки умыть.
Умывать онъ ихъ любитъ,
Съ дружиной своей,
Слезами вдовицъ беззащитныхъ
И кровью дѣтей!

[Отеч. Зап. 1859 г. №11. Подъ стихотвореніемъ рукою Лермонтова намѣчено:]

«Написать шутливую поэму—приключеніе богатыря.— Memor. Перевесть въ прозѣ The Dream of lord Byron—pour miss Alexandrine» [Верещагина].

7-го Августа.

ВЪ ДЕРЕВНѢ, НА ХОЛМѢ, У ЗАБОРА.

Блистая, пробѣгаютъ облака
По голубому небу. Холмъ крутой
Осеннимъ солнцемъ озаренъ. Рѣка
Бѣжитъ внизу по камнямъ съ быстротой
И на холмѣ пришелецъ молодой,
Завернутъ въ плащъ, недвижимо сидитъ
Подъ старою березой. Онъ молчитъ;
Но грудь его подъемлется порой,
Но блѣдный ликъ мѣняетъ часто цвѣтъ;
Чего онъ ищетъ здѣсь? Спокойствія? О, нѣтъ!

Онъ смотритъ вдаль: тутъ лѣсъ пестрѣетъ, тамъ
Поля и степи, тамъ встрѣчаетъ взглядъ
Опять дубраву, или по кустамъ
Разсѣянныя сосны. Міръ, какъ садъ,
Цвѣтетъ, надѣвъ могильный свой нарядъ:
Поблекнувшіе листья... Жалокъ міръ!
Въ немъ каждый средь толпы забытъ и сиръ,
И люди всѣ къ ничтожеству спѣшатъ.
Но хоть природа презираетъ ихъ,
Любимцы есть у ней, какъ у царей другихъ.

И тотъ, на комъ лежитъ ея печать,
Пускай не ропщетъ на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смѣлъ сказать,
Что у груди своей она змѣю
Согрѣла. «О, когда бъ одно «люблю»
Изъ устъ прекрасной могъ подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
Въ однообразномъ сѣверномъ краю,
Все-бъ въ новый блескъ одѣлось!» такъ мечталъ
Безпечный... но просить онъ небо не желалъ!

Отечественныя Записки 1859 г. №11.

Романсъ.

Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки веселья,
Они не отъ сердца бѣгутъ;
Но въ сердцѣ разбитомъ есть тайная келья,
Гдѣ черныя мысли живутъ.
Слеза по щекѣ огневая катится,
Она не изъ сердца идетъ:
Что въ сердцѣ, обманутомъ жизнью, хранится,
То въ немъ навсегда и умретъ.
Не смѣйте искать въ сей груди сожалѣнья,
Питомцы надеждъ золотыхъ!

Когда я свои презираю мученья,
Что мнѣ до страданій чужихъ?
Умершей дѣвицы очей охладѣвшихъ
Не долженъ мой взоръ увидать;
Я бъ много припомнилъ минутъ пролетѣвшихъ,
А я не люблю вспоминать!
Намъ память являетъ ужасныя тѣни,,
Кровавый былаго призра̀къ;
Онъ вновь призываетъ къ оставленной сѣни,
Какъ въ бурю надъ моремъ маякъ,
Когда ураганъ по волнамъ веселится,
Смѣется надъ бѣднымъ челномъ,
И съ крикомъ пловецъ—безъ надеждъ воротиться
Жалѣетъ о краѣ родномъ.

Библіотека для чтенія 1844 г. №6.

1831 года, іюля 11.

1.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ;
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями... Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ.

2.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!

3.

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье думъ. Нѣтъ звуковъ у людей
Довольно сильныхъ, чтобъ изобразить
Желаніе блаженства. Пылъ страстей
Возвышенныхъ я чувствую; но словъ
Не нахожу, и въ этотъ мигъ готовъ
Пожертвовать собой, чтобъ какъ нибудь,
Хоть тѣнь ихъ, перелить въ другую грудь.

4.

Извѣстность, слава, что они?—А есть
У нихъ и надо мною власть: они
Велятъ себѣ на жертву все принесть,
И я влачу мучительные дни
Безъ цѣли, оклеветанъ, одинокъ;
Но вѣрю имъ! Невѣдомый пророкъ
Мнѣ обѣщалъ безсмертье, и живой—
Я смерти отдалъ все, что даръ земной.

5.

Но для небеснаго могилы нѣтъ.
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ; и ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь;
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое: на что имъ мертвыхъ разлучать?

6.

Къ погибшимъ люди справедливы; сынъ
Боготворитъ, что проклиналъ отецъ.
Чтобъ въ этомъ убѣдиться, до сѣдинъ
Дожить не нужно: есть всему конецъ;
Немного долголѣтнѣй человѣкъ
Цвѣтка; въ сравненьи съ вѣчностью ихъ вѣкъ
Равно ничтоженъ. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна,

7.

Такъ и ея созданье. Иногда
На берегу рѣки, одинъ, забытъ,
Я наблюдалъ, какъ быстрая вода,
Синѣя, гнется въ волны, какъ шипитъ
Надъ ними пѣна бѣлой полосой:
И я глядѣлъ и мыслію иной
Я не былъ занятъ, и пустынный шумъ
Разсѣивалъ толпу глубокихъ думъ.

8.

Тутъ былъ я счастливъ... О, когда-бъ я могъ
Забыть что незабвенно... Женскій взоръ!
Причину столькихъ слезъ, безумствъ, тревогъ!
Другой владѣетъ ею съ давнихъ поръ,
И я другую съ нѣжностью люблю,
Хочу любить—и небеса молю
О новыхъ мукахъ: но въ груди моей
Все живъ печальный призракъ прежнихъ дней

9.

Никто не дорожитъ мной на землѣ
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ;
Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
Я холоденъ и гордъ, и даже злымъ
Толпѣ кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко въ сердце мнѣ должна?
Зачѣмъ ей знать, что въ немъ заключено?
Огонь иль сумракъ тамъ—ей все равно!

10.

Темна проходитъ туча въ небесахъ,
И въ ней таится пламень роковой:
Онъ, вырываясь, обращаетъ въ прахъ
Все, что ни встрѣтитъ. Съ дивной быстротой
Блеснетъ—и снова въ облакѣ укрытъ;
И кто его источникъ объяснитъ,
И кто заглянетъ въ нѣдра облаковъ?
Зачѣмъ? Они исчезнутъ безъ слѣдовъ.

11.

Грядущее тревожитъ грудь мою:
Какъ жизнь я кончу, гдѣ душа моя
Блуждать осуждена, въ какомъ краю
Любезные предметы встрѣчу я?...
Но кто меня любилъ, кто голосъ мой
Услышитъ—и узнаетъ... И съ тоской
Я вижу, что любить какъ я—порокъ,
И вижу... я слабѣй любить не могъ.

12.

Не вѣрятъ въ мірѣ многіе любви,
И тѣмъ счастливы; для иныхъ она
Желанье, порожденное въ крови,
Разстройство мозга иль видѣнье сна.
Я не могу любовь опредѣлить,
Но это страсть сильнѣйшая!—Любить
Необходимость мнѣ, и я любилъ
Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ.

13.

И отучить не могъ меня обманъ.
Пустое сердце ныло безъ страстей,
И въ глубинѣ моихъ сердечныхъ ранъ
Жила любовь, богиня юныхъ дней;
Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза выростаетъ—молода
И зелена, и взоры веселитъ,
И украшаетъ сумрачный гранитъ.

14.

И о судьбѣ ея чужой пришлецъ
Жалѣетъ. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконецъ
Увянетъ преждевременно она;
Но съ корнемъ не исторгнетъ никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Такъ лишь въ разбитомъ сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.

15.

Подъ ношей бытія не устаетъ
И не хладѣетъ гордая душа;
Судьба ее такъ скоро не убьетъ,
А лишь взбунтуетъ; мщеніемъ дыша
Противъ непобѣдимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
Съ такой душой ты Богъ, или злодѣй...

16.

Какъ нравились всегда пустыни мнѣ!
Люблю я вѣтеръ межъ нагихъ холмовъ,
И коршуна въ небесной вышинѣ,
И на равнинѣ тѣни облаковъ.
Ярма не знаетъ рѣзвый здѣсь табунъ,
И кровожадный тѣшится летунъ
Подъ синевой, и облако степей
Свободнѣй какъ-то мчится и свѣтлѣй.

17.

И мысль о вѣчности, какъ великанъ,
Умъ человѣка поражаетъ вдругъ,
Когда степей безбрежный океанъ
Синѣетъ предъ глазами; каждый звукъ
Гармоніи вселенной, каждый часъ
Страданья или радости—для насъ
Становится понятенъ, и себѣ
Отчетъ мы можемъ дать въ своей судьбѣ.

18.

Кто посѣщалъ вершины дикихъ горъ
Въ тотъ свѣжій часъ, когда садится день;
На западѣ свѣтило видитъ взоръ
И на востокѣ близкой ночи тѣнь,
Внизу туманъ, уступы и кусты,
Кругомъ все горы чудной высоты,
Какъ послѣ бури облака, стоятъ,
И странные верхи въ лучахъ горятъ.

19.

И сердце полно, полно прежнихъ лѣтъ,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводитъ въ жизнь минувшаго скелетъ,
И въ немъ почти все та же красота.
Такъ любимъ мы глядѣть на свой портретъ,
Хоть съ нами въ немъ ужъ сходства больше нѣтъ,
Хоть на холстѣ хранится блескъ очей,
Погаснувшихъ отъ время и страстей.

20.

Что на землѣ прекраснѣй пирамидъ
Природы, этихъ гордыхъ снѣжныхъ горъ?
Не перемѣнитъ ихъ надменный видъ
Ничто: ни слава царствъ, ни ихъ позоръ;
О ребра ихъ дробятся темныхъ тучъ
Толпы, и молній обвиваетъ лучъ
Вершины скалъ: ничто не вредно имъ.
Кто близъ небесъ, тотъ не сраженъ земнымъ.

21.

Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучій аквилонъ
И предъ собой свободно гонитъ пыль,
И гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,
Встрѣчаетъ взглядъ березы двѣ иль три,
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой.

22.

Такъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ.
Въ минувшее проникнувъ, различить
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ; въ цвѣтѣ лѣтъ
Она души не будетъ веселить.
Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значитъ отдыхать.

23.

Всегда кипитъ и зрѣетъ что нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что жъ? Мнѣ жизнь какъ-то коротка
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то. Жажда бытія
Во мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ,
Хотя я презираю жизнь другихъ.

24.

Есть время—леденѣетъ быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна—
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.

25.

Я къ состоянью этому привыкъ,
Но ясно выразить его бъ не могъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ:
Они такихъ не вѣдаютъ тревогъ;
Въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ. Всѣ его
Мученья происходятъ оттого.

26.

Никто не получалъ, чего хотѣлъ
И что любилъ; и если даже тотъ,
Кому счастливый небомъ данъ удѣлъ,
Въ умѣ своемъ минувшее пройдетъ—
Увидитъ онъ, что могъ счастливѣй быть,
Когда бы не умѣла отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко брегу возвратиться не сильна,

27.

Когда гонима бурей роковой
Шипитъ и мчится съ пѣною своей...
Она все помнитъ тотъ заливъ родной,
Гдѣ нѣжилась въ пріютахъ камышей,
И, можетъ быть, она опять придетъ
Въ другой заливъ, но тамъ ужъ не найдетъ
Себѣ покоя: кто въ моряхъ блуждалъ,
Тотъ не заснетъ въ тѣни прибрежныхъ скалъ.

28.

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ;
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забытъ умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.

29.

Всѣ!... нѣтъ, не всѣ!... Созданье есть одно,
Способное любить— хоть не меня;
До этихъ поръ не вѣритъ мнѣ оно,
Однако сердце полное огня
Не увлечется мнѣньемъ, и мое
Пророчество припомнитъ умъ ея,
И взоръ, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30.

Кровая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста,
На дикомъ берегу ревущихъ водъ,
И подъ туманнымъ небомъ; пустота
Кругомъ. Лишь чужестранецъ молодой,
Невольнымъ сожалѣньемъ и молвой
И любопытствомъ приведенъ сюда,
Сидѣть на камнѣ станетъ иногда.

31.

И скажетъ: отчего не понялъ свѣтъ
Великаго, и какъ онъ не нашелъ
Себѣ друзей, и какъ любви привѣтъ
Къ нему надежду снова не привелъ?
Онъ былъ ея достоинъ.—И печаль
Его встревожитъ, онъ посмотритъ вдаль:
Увидитъ облака съ лазурью волнъ,
И бѣлый парусъ, и бѣгущій челнъ,

32.

И мой курганъ.—Любимыя мечты
Мои подобны этимъ; сладость есть
Во всемъ, что не сбылось; есть красоты
Въ такихъ картинахъ—только перенесть
Ихъ на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размѣромъ словъ не стѣснена,
Когда свободна какъ игра дѣтей,
Какъ арфы звукъ въ молчаніи ночей.

[Напечатано въ первый разъ въ изданіи 1860 г.—Мотивы изъ этого стихотворенія перешли въ драму «Странный человѣкъ», писанную немного позднѣе въ томъ же году.]

Видѣніе.

Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ
На сѣрой, борзой лошади—и мчался
Вдоль берега крутаго Клязьмы. Вечеръ
Погасъ ужъ на багряномъ небосклонѣ,
И мѣсяцъ въ облакахъ блисталъ и въ волнахъ,
Но юный всадникъ не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной... Жарко
Пылали смуглыя его ланиты,
И черный взоръ искалъ чего-то все
Въ туманномъ отдаленьи. Темно, смутно
Являлося минувшее ему—
Призракъ остерегающій—который
Пугаетъ сердце страшнымъ предсказаньемъ.

Но вѣрилъ онъ одной своей любви,
Объ ней лишь мыслилъ онъ въ разлукѣ.
Онъ мчится. Звучный топотъ по полянамъ
Разноситъ вѣтеръ. Вотъ идетъ прохожій;
Онъ путника остановилъ, и этотъ
Ему дорогу молча указалъ
И скрылся, удаляяся, въ дубравѣ.
И всадникъ примѣчаетъ огонекъ,
Трепещущій на берегу противномъ,
И различилъ окно и домъ... но мостъ
Изломанъ, и несется быстро Клязьма.
Какъ воротиться, не прижавъ къ устамъ
Плѣнительную руку, не слыхавъ
Волшебный голосъ тотъ, хотя бъ укоръ
Произнесли ея уста. О нѣтъ!...
Онъ вздрогнулъ, натянулъ бразды, толкнулъ
Коня—и шумныя плеснули воды
И съ пѣною раздвинулись онѣ.
Плыветъ могучій конь—и ближе, ближе..
И вотъ ужъ онъ на берегу другомъ
И на гору летитъ... И на крыльцо
Соскакиваетъ юноша и входитъ
Въ старинные покои... нѣтъ ея!
Онъ проникаетъ въ длинный корридоръ,
Трепещетъ... нѣтъ нигдѣ... *ея сестра*
Идетъ къ нему на встрѣчу. О, когда бъ
Я могъ изобразить его страданье!...
Какъ мраморъ, блѣдный и безгласный онъ
Стоялъ. Вѣка ужасныхъ мукъ равны
Такой минутѣ. Долго онъ стоялъ...
Вдругъ стонъ тяжелый вырвался изъ груди,
Какъ будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Онъ вышелъ мрачно, твердо;
Прыгнулъ въ сѣдло и поскакалъ стремглавъ,
Какъ будто бы гналося вслѣдъ за нимъ
Раскаянье... и долго онъ скакалъ,
До самаго разсвѣта, безъ дороги,

Безъ всякихъ опасеній—наконецъ
Онъ былъ терпѣть не въ силахъ... и заплакалъ.
Есть вредная роса, которой капли
На листьяхъ оставляютъ пятна—такъ
Отчаянья свинцовая слеза,
Изъ сердца вырвавшись насильно, можетъ
Скатиться... но очей не освѣжитъ...
 Къ чему мнѣ приписать видѣнье это?
Ужели сонъ такъ близокъ можетъ быть
Къ существенности хладной? Нѣтъ!
Не можетъ сонъ оставить слѣдъ въ душѣ,
И какъ ни силится воображенье,
Его орудья пытки, все—ничто
Противъ того, что есть и что имѣетъ
Вліяніе на сердце и судьбу!...
 Мой сонъ перемѣнился невзначай.
Я видѣлъ комнату: въ окно свѣтилъ
Весенній, теплый день; и у окна
Сидѣла дѣва нѣжная лицомъ,
Съ очами полными душой и жизнью,
И рядомъ съ ней сидѣлъ, въ молчаньи, мнѣ
Знакомый юноша, и оба, оба
Старалися довольными казаться,
Однако же на ихъ устахъ улыбка,
Едва родившись, томно умирала.
И юноша спокойнѣй, мнилось, былъ,
Затѣмъ, что лучше онъ умѣлъ таить
И побѣждать страданье. Взоры дѣвы
Блуждали по листамъ открытой книги,
Но буквы всѣ сливалися подъ ними...
И сердце сильно билось—безъ причины...
И юноша смотрѣлъ не на нее—
Хотя объ ней лишь мыслилъ онъ въ разлукѣ,
Хотя лишь ею дорожилъ онъ больше
Своей непобѣдимой гордой чести;
На голубое небо онъ смотрѣлъ,
Слѣдилъ сребристыхъ облаковъ отрывки,

И съ сжатою душой не смѣлъ вздохнуть;
Не смѣлъ пошевелиться, чтобы этимъ
Не прекратить молчанья: такъ боялся
Онъ услыхать отвѣтъ холодный, или
Не получить отвѣта на моленья…
   Безумный! ты не зналъ, что былъ любимъ,
И ты о томъ провѣдалъ лишь тогда,
Какъ потерялъ ея любовь навѣки,
И удалось привлечь другому лестью
Всѣ, всѣ желанья дѣвы легковѣрной!…

[Это стихотвореніе есть подражаніе Байрону «the Dream»; оно съ измѣненіями вошло въ драму Странный человѣкъ, какъ и предъидущее стихотвореніе. Въ тетради находилась замѣтка Лермонтова:]

«Memor. Прибавить къ Странному человѣку еще сцену, въ которой читаютъ исторію его дѣтства, которая нечаянно попалась Бѣлинскому».

Пѣсня.

Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверхъ дномъ,
Пейте!
На пиру этой жизни, какъ здѣсь на моемъ,
Не робѣйте!
Какъ чаши, не бойтесь все ставить вверхъ дномъ.
Что стоитъ ужъ вверхъ дномъ, то не можетъ мѣшать
Плутамъ!
Я совѣтую дѣтямъ своимъ повторять
(Даже съ прутомъ)
Что стоитъ ужъ вверхъ дномъ, то не можетъ мѣшать.
Я люблю очень дно доставать на пирахъ
Въ чашѣ,
И даже въ другихъ . . . . мѣстахъ…
. . . .
На днѣ лишь есть жемчугъ въ морскихъ глубинахъ.

Въ альбомъ Н. И. Поливанову.

Послушай, вспомни обо мнѣ,
Когда, закономъ осужденный,
Въ чужой я буду сторонѣ—
Изгнанникъ мрачный и презрѣнный.
И будешь ты когда нибудь
Одинъ, въ безсонный часъ полночи,
Сидѣть съ свѣчей... И тайно грудь
Вздохнетъ, и вдругъ заплачутъ очи,
И молвишь ты: когда-то онъ
Здѣсь, въ это самое мгновенье,
Сидѣлъ тоскою удрученъ
И ждалъ судьбы своей рѣшенья.

23 марта 1831.

[Русская Старина 1875 г. №4. Поливановъ—товарищъ Лермонтова по Московскому университету и по школѣ гвардейскихъ юнкеровъ, гдѣ товарищи называли его «Лафой».

Къ ***

Всевышній произнесъ свой приговоръ—
Его ничто не перемѣнитъ;
Межъ нами руку мести онъ простеръ
И безпристрастно все оцѣнитъ.
Онъ знаетъ, и ему лишь можно знать,
Какъ нѣжно пламенно любилъ я,
Какъ безотвѣтно все, что только могъ отдать,
Тебѣ на жертву приносилъ я.
Во зло употребила ты права,
Пріобрѣтенныя надъ мною,
И мнѣ, польстивъ любовію сперва,
Ты измѣнила—Богъ съ тобою!
О! нѣтъ, я бъ не рѣшился проклянуть!..
Все для меня въ тебѣ святое:
Волшебные глаза, и эта грудь,
Гдѣ бьется сердце молодое.
Я помню, сорвалъ я обманомъ разъ
Цвѣтокъ, хранившій ядъ страданья:

Съ невинныхъ устъ твоихъ въ прощальный часъ
Непринужденное лобзанье;
Я зналъ: то не любовь—и перенесъ;
Но отгадать не могъ я тоже,
Что всѣхъ моихъ надеждъ и мукъ и слезъ
Веселый мигъ тебѣ дороже!
Будь счастлива несчастіемъ моимъ
И, услыхавъ, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньемъ пустымъ.
Прости!—вотъ все, что я желаю...
Чѣмъ заслужилъ я, чтобъ твоихъ очей
Затмился свѣжій блескъ слезами?
Ко смѣху пріучать себя нужнѣй:
Вѣдь жизнь смѣется же надъ нами!

Отечественныя Записки 1859 г. №11.

Желаніе.

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?

На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
Ихъ забвенный покоится прахъ.

На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечемъ и щитомъ—
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.

И арфы шотландской струну бы задѣлъ—
И по сводамъ бы звукъ полетѣлъ;
Внимаемъ однимъ, и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ бы онъ.

Но тщетны мечты, безполезны мольбы
 Противъ строгихъ законовъ судьбы.
Межъ мной и холмами отчизны моей
 Разстилаются волны морей.

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
 Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но нездѣшній душой...
 О, зачѣмъ я не воронъ степной!...

Средниково. Вечеръ на бельведерѣ.
29 іюля.

Отечественныя Записки 1859 г. №11.

Къ Дѣвѣ небесной.

Когда бы встрѣтилъ я въ раю,
 На третьемъ небѣ, образъ твой;
Онъ душу бы плѣнилъ мою
 Своей небесной красотой;
И я бъ въ тотъ мигъ [не утаю]
 Забылъ о радости земной.

Спокоенъ твой лазурный взоръ,
 Какъ вспоминаніе объ немъ;
Какъ дальній отзывъ дальнихъ горъ,
 Твой голосъ нравится во всемъ.
И твой привѣтъ и твой укоръ—
 Все полно, дышетъ божествомъ.

Не для земли ты создана,—
 И я могу ль тебя любить?
Другая женщина должна
 Надежды юноши манить;
Ты превосходнѣй, чѣмъ она,
 Но такъ мила не можешь быть!

Св. Елена.

Почтимъ привѣтомъ островъ одинокой,
Гдѣ часто въ думу погруженъ,
На берегу, о Франціи далекой
Воспоминалъ Наполеонъ.
Сынъ моря, средь морей твоя могила!
Вотъ мщеніе за муки столькихъ дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великій жизнь окончилъ въ ней.

Изгнанникъ мрачный, жертва вѣроломства
И рока прихоти слѣпой,
Погибъ, какъ жилъ—безъ предковъ и потомства,
Хоть побѣжденный—но герой!
Родился онъ игрой судьбы случайной,
И пролетѣлъ, какъ буря мимо насъ;
Онъ міру чуждъ былъ. Все въ немъ было тайной:
День возвышенья—и паденья часъ.

[Въ той же тетради немного раньше находимъ мы слѣдующій, очевидно первый, набросокъ этого стихотворенія.]

Изгнанникъ мрачный, жертва вѣроломства
И рока прихоти слѣпой,
Погибъ какъ жилъ, безъ предковъ и потомства,
Далеко отъ земли родной.
Какъ метеоръ, игрой судьбы случайной
Онъ пролетѣлъ грозою между насъ;
Онъ міру чуждъ былъ: въ немъ все было тайной:
День возвышенья и паденья часъ!

Къ другу В. Ш.

«До лучшихъ дней!» передъ прощаньемъ,
Пожавъ мнѣ руку, ты сказалъ;
И долго эти дни я ждалъ,
Но былъ обманутъ ожиданьемъ!

Мой милый! не придутъ они!
Въ грядущемъ счастія такъ мало!...
Я помню радостные дни,
Но все, что помню, то пропало.

Былое безполезно намъ—
Таковъ маякъ порой ночною
Надъ бурной бездною морскою,
Манящій къ вѣрнымъ берегамъ,

Когда на лодкѣ одинокой
Несется трепетный пловецъ,
И видитъ берегъ недалекой
И ближе видитъ свой конецъ.

Нѣтъ! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено:
Едва нисходитъ сонъ прекрасный,
Ужъ просыпается оно!

Отечественныя Записки 1859 г. №11.

Завѣщаніе.

ИЗЪ ГЕТЕ.

Средниково; Ночью, у окна!

1.

Есть мѣсто: близъ тропы глухой
Въ лѣсу пустынномъ, средь поляны,
Гдѣ вьются вечеромъ туманы
Осеребренные луной....
Мой другъ! ты знаешь ту поляну;
Тамъ трупъ мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!

2.

Могилѣ той не откажи
Ни въ чемъ, послѣдуя закону:
Поставь надъ нею крестъ изъ клену,
И дикій камень положи;
Когда гроза тотъ лѣсъ встревожитъ,
Мой крестъ пришельца привлечетъ;
И добрый человѣкъ, быть можетъ,
На дикомъ камнѣ отдохнетъ.

Саратовскій Листокъ 1876 г. №43.

Средниково. въ мыльнѣ; ночью, когда мы ходили попа пугать.

Сижу я въ комнатѣ старинной
Одинъ съ товарищемъ моимъ.
Фонарь горитъ и тѣнью длинной
Полъ омраченъ. Какъ легкій дымъ
Туманъ окрестность одѣваетъ
И хладный вѣтеръ по листамъ
Высокихъ липъ перебѣгаетъ.
Я у окна. Опасно намъ
Заснуть. А какъ узнать? быть можетъ
Приходъ нежданный насъ встревожитъ!
Готовъ мой вѣрный пистолетъ,
Въ стволѣ свинецъ, на полкѣ порохъ.
—У двери слушаю... чу!—шорохъ
Въ развалинахъ... и крикъ! Но нѣтъ!
То мышь летучая промчалась,
То птица ночи испугалась!
На темной синевѣ небесъ
Луна межъ тучками ныряетъ.
Спокоенъ я. Душа пылаетъ
Отвагой. Ни мертвецъ, ни бѣсъ,
Ничто меня не испугаетъ,

Ничто... волшебный талисманъ
Я на груди ношу съ тоскою;
Хоть не твоей любовью данъ,
Онъ освященъ *твоей* рукою!

Русская Мысль 1882 г. №2.

[Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ разсказываетъ о томъ, какъ въ умѣ М. Ю. Лермонтова, учившагося въ то время въ университетскомъ пенсіонѣ, рядомъ съ серьезнымъ настроеніемъ ума уживалась дѣтская игривость и шаловливость... Поэтъ вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Аркадіемъ Столыпинымъ, бывшимъ моложе его и съ нѣкіимъ Лаптевымъ, сыномъ семьи, жившей въ сосѣднемъ имѣніи, ходили вооруженными въ глухія мѣста, о коихъ говорили, что тамъ «нечисто» — появляются привидѣнія и проч. Особенно привлекали ихъ развалина старой бани, кладбище и такъ называемый «Чортовъ мостъ». Такое хожденіе описываетъ стихотвореніе, а вотъ и замѣтка его руки, находящаяся тутъ же, въ той же черновой тетради и рисующая серьезность интерсссовъ Михаила Юрьевича:]

Я читаю Новую Элоизу. Признаюсь, я ожидалъ больше генія, больше познанія природы и истины. Ума слишкомъ много, идеалы—что въ нихъ? Они прекрасны, чудесны; но несчастные софизмы, одѣтые блестящими выраженіями, не мѣшаютъ видѣть, что они все идеалы, Вертеръ лучше. Тамъ человѣкъ—болѣе человѣкъ. У Жанъ-Жака даже пороки не таковы, какіе они есть. У него герои насильно хотятъ увѣрить читателя въ своемъ великодушіи. Но краснорѣчіе удивительное. И послѣ всего, я скажу, что хорошо, что у Руссо, а не у другаго родилась мысль написать Новую Элоизу.

Dir folgen meine Thränen,
Dir, die du von mir fliehst,
Und mein unendlich Sehnen
Ganz ohne Thränen siehst.

Jetzt ist der Tag verloren,
Auf den ich mich gefreut,
Doch was ich dir geschworen,
Hat mich noch nie gereut.

Und könntest du ihn messen
Den Schmerz, den ich nicht maß,
Du würdest nie vergessen,
Den, der dich nie vergaß.

Der Anblick dieser Wunden
Würd' dir dann schmerzhaft sein,
Mir würden diese Stunden
Mein erstes Glück erneun.

Mein Herz, das du verkennest,
O, Freundin! bleibt doch dein;
Das Herz, für das du brennest,
Wird nicht so standhaft sein.

[Самимъ поэтомъ это, кажется ему же принадлежащее, нѣмецкое стихотвореніе, переведено въ прозѣ:]

Я проводилъ тебя со слезами, но ты удалилась чужда сожалѣнья и слезъ. Гдѣ долго ожиданный день, столько радости мнѣ обѣщавшій?—погибъ онъ!—но я не раскаялся въ томъ, въ чемъ тебѣ поклялся. И еслибъ могла ты понять и измѣрить страданья мои, то вѣрно бы ты не забыла того, кто тебя никогда не забывалъ. Тогда бы заплакала ты, и тотъ мигъ воскресилъ бы опять охладѣвшее мое счастье. Мое сердце, отвергнутое тобою, мой ангелъ! всетаки тебѣ принадлежитъ; но сердце, тобою любимое, не будетъ такъ постоянно.

Исповѣдь.

Я вѣрю, обѣщаю вѣрить,
Хоть самъ того не испыталъ,
Что могъ монахъ не лицемѣрить
И жить, какъ клятвой обѣщалъ
Что поцѣлуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближнихъ малыя ошибки
Они прощаютъ иногда;
Что время лечитъ отъ страданья;
Что міръ для счастья сотворенъ,
Что добродѣтель не названье,
И жизнь поболѣе, чѣмъ сонъ!...

Но вѣрѣ теплой опытъ хладный
Противорѣчитъ каждый мигъ,
И умъ, какъ прежде, безотрадный
Желанной цѣли не достигъ;

И сердце, полно сожалѣній,
Хранитъ въ себѣ глубокій слѣдъ
Умершихъ, но святыхъ, видѣній
И тѣни чувствъ, какихъ ужъ нѣтъ;
Его ничто не испугаетъ,
И то, что было бъ ядъ другимъ,
Его живитъ, его питаетъ
Огнемъ язвительнымъ своимъ.

Отечественныя Записки 1859 г. №11.

Надежда.

Есть птичка рая у меня:
На кипарисѣ молодомъ
Она сидитъ во время дня,
Но пѣть никакъ не станетъ днемъ.
Лазурь небесъ—ея спина,
Головка—пурпуръ, на крылахъ
Пыль золотистая видна,
Какъ отблескъ утра въ облакахъ.
И только что земля уснетъ,
Одѣта мглой въ ночной тиши,
Она на вѣткѣ ужъ поетъ
Такъ сладко, сладко для души,
Что поневолѣ тягость мукъ
Забудешь, внемля пѣснѣ той,
И сердцу каждый тихій звукъ,
Какъ гость пріятенъ дорогой;
И часто въ бурю я слыхалъ
Тотъ звукъ, который такъ люблю;
И я всегда надеждой звалъ
Пѣвицу мирную мою!

Чаша жизни.

Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омочивъ края
Своими же слезами.

Когда же, передъ смертью, съ глазъ
Завязка упадаетъ,
И все, что обольщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ,

Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ—мечта,
И что она не наша!

Отечественныя Записки 1859 г. №11.

Къ Л[опухиной.]

ПОДРАЖАНІЕ БАЙРОНУ.

1.

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей;
Любя другихъ, я лишь страдалъ
Любовью прежнихъ дней.
Такъ память, демонъ-властелинъ,*
Все будитъ старину,
И я твержу одинъ, одинъ:
Люблю, люблю одну!

2.

Принадлежишь другому ты,
Забытъ пѣвецъ тобой;
Съ тѣхъ поръ влекутъ меня мечты
Прочь отъ земли родной;

Корабль умчитъ меня отъ ней
Въ безвѣстную страну,
И повторитъ волна морей:
Люблю, люблю одну!

3.

И не узнаетъ шумный свѣтъ,
Кто нѣжно такъ любимъ,
Какъ я страдалъ и сколько лѣтъ?
Я памятью томимъ:**
И гдѣ бы я ни сталъ искать
Былую тишину,
Все сердце будетъ мнѣ шептать:
Люблю, люблю одну!

Русскій Вѣстникъ 1857 г. №18.

[Варіанты изъ альбома Верещагиной:]

* . . . . Такъ грусть, сей мрачный властелинъ

** . . . . Минувшимъ я гонимъ
И гдѣ бъ ни вздумалъ я искать
Подъ небомъ тишину,

[Кромѣ того въ альбомѣ выкинута 2-я строфа и стихотвореніе состоитъ только изъ 1-й и 3-й строфъ.]

Къ Н. И. . . .

Я не достоинъ, можетъ быть,
Твоей любви: не мнѣ судить;
Но ты обманомъ наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна какъ змѣя,
Лишь часто новымъ впечатлѣньямъ
Душа ввѣряется твоя.
Она увлечена мгновеньемъ:
Ей милы многіе, вполнѣ
Еще никто; но это мнѣ

Служить не можетъ утѣшеньемъ.
Въ тѣ дни, когда, любимъ тобой,
Я могъ доволенъ быть судьбой,
Прощальный поцѣлуй однажды
Я сорвалъ съ нѣжныхъ устъ твоихъ;
Но въ зной, среди степей сухихъ
Не утоляетъ капля жажды.
Дай Богъ, чтобъ ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не можетъ
Того, кто такъ любилъ, какъ я;
И въ часъ блаженнѣйшій тебя
Воспоминаніе встревожитъ!
Тебя раскаянье кольнетъ,
Когда съ насмѣшкой проклянетъ
Ничтожный міръ мое названье,
И побоишься защитить,
Чтобы въ преступномъ состраданьѣ
Вновь обвиняемой не быть!

Воля.

Моя мать—злая кручина,
Отцомъ же была мнѣ судьбина,
Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ моей груди
Прижаться;
Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться.
Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена—
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная.

Съ ней нашлись другіе у меня—
Мать, отецъ и семья,
А моя мать—степь широкая,
А мой отецъ—небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья въ лѣсахъ—
Березы да сосны...
Несусь ли я на конѣ,
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу ли поздней порой—
Небо свѣтитъ мнѣ луной;
Мои братья въ лѣтній день,
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами;
И вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ—необъятное!

[Отечественныя Записки 1859 г. №11.—Вошло въ юношескую повѣсть «Вадимъ» въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.]

Сентября 28.

[ВАРВ. АЛ. ЛОПУХИНОЙ.]

Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милой!
Я говорилъ съ тобой!
И мнѣ былое, взятое могилой,
Напомнилъ голосъ твой.

Къ чему?... Другой лобзаетъ эти очи
И руку жметъ твою;
Другому голосъ твой во мракѣ ночи
Твердитъ: люблю, люблю!

Откройся мнѣ: ужели непритворны
Лобзанія твои?

Они правамъ супружества покорны,
Но не правамъ любви.

Онъ для тебя не созданъ; ты родилась
Для пламенныхъ страстей;
Отдавъ ему себя, ты не спросилась
У совѣсти своей!

Онъ чувствовалъ ли трепетъ потаенный
Въ присутствіи твоемъ?
Умѣлъ ли презирать онъ міръ презрѣнный,
Чтобъ мыслить объ одномъ?

Встрѣчалъ ли онъ съ молчаньемъ и слезами
Привѣтъ холодный твой?
И лучшими ль онъ жертвовалъ годами—
Мгновеніямъ съ тобой?

Нѣтъ! я увѣренъ: твоего блаженства
Не можетъ сдѣлать тотъ,
Кто красоты наружной совершенства
Однѣ въ тебѣ найдетъ.

Такъ!... ты его не любишь!... Тайной властью
Прикована ты вновь
Къ душѣ печальной, незнакомой счастью,
Но нѣжной, какъ любовь.

Библіографическія Записки 1861 г. №16.

Къ [В. Лопухиной].

Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Неправдой истину зови,
Зови надежду сновидѣньемъ,
Но вѣрь, о вѣрь моей любви!

Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего;
Ты неспособна лицемѣрить;
Ты слишкомъ ангелъ для того.

[Библіотека для чтенія 1844 г. №6. Было напечатано такъ:]

Зови надежду сновидѣньемъ,
Неправду—истиной зови,
Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Лишь вѣрь одной моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
Мой взоръ не скроетъ ничего;
Съ тобою грѣхъ мнѣ лицемѣрить:
Ты слишкомъ ангелъ для того.

Прекрасны вы, поля земли моей родной,
Еще прекраснѣй ваши непогоды;
Зима сходна здѣсь съ первою зимой,
Какъ съ первыми людьми страны моей народы!..
Взгляните, какъ туманъ здѣсь одѣваетъ своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И такъ она свѣжа, и такъ родня съ душой,
Какъ будто создана лишь для свободы

Но эта степь любви моей чужда;
Но этотъ снѣгъ, летучій, серебристый
И для страны порочной слишкомъ чистый
Не веселитъ мнѣ сердца никогда;
Онъ холоденъ, какъ мѣсяцъ свѣтлорогой,
Сокрыта имъ могильная гряда
И въ той могилѣ много, очень много
И позабытый прахъ, но мнѣ безцѣнный......

. . . .

[Стихотвореніе не окончено и съ многими помарками. Оно сохраняетъ однако въ себѣ много мотивовъ, характеризующихъ тогдашнее настроеніе поэта, напримѣръ «Желаніе», и кажется въ концѣ намекаетъ на могилу отца. См. стихотворенія: «Ужасная судьба отца и сына», «Стансы»[3], стр. 201. «Я сынъ страданья» и проч.]

Метель шумитъ и снѣгъ валитъ,
Но сквозь шумъ вѣтра дальній звонъ,
Порой, прорвавшися, гудитъ—
То отголосокъ похоронъ,

То звукъ могилы подъ землей,
Умершимъ—вѣсть, живымъ—укоръ,
Цвѣтокъ поблекшій, гробовой,
Который не плѣняетъ взоръ.

Пугаетъ сердце этотъ звукъ
И возвѣщаетъ онъ для насъ
Конецъ земныхъ недолгихъ мукъ,
Но чаще—новыхъ первый часъ!...

Отечественныя Записки 1859 г. №11.

Небо и звѣзды.

Чисто вечернее небо,
Ясны далекія звѣзды,
Ясны, какъ счастье ребенка;
О, для чего мнѣ нельзя и подумать:
Звѣзды, вы ясны, какъ счастье мое!

Чѣмъ ты несчастливъ?
Скажутъ мнѣ люди.
Тѣмъ я несчастливъ,
Добрые люди, что звѣзды и небо—
Звѣзды и небо!—а я человѣкъ!...

Люди другъ къ другу
Зависть питаютъ;
Я же напротивъ
Только завидую звѣздамъ прекраснымъ,
Только ихъ мѣсто занять бы хотѣлъ.

Библіотека для чтенія 1845 г. №1.

1.

Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ;
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться;
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда бъ намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать?

2.

Но чувство есть у насъ святое—
Надежда, богъ грядущихъ дней;
Она въ душѣ, гдѣ все земное,
Живетъ наперекоръ страстей;
Она залогъ, что есть понынѣ
На небѣ, иль въ другой пустынѣ,
Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ нѣжный,
И гдѣ тоски ея мятежной
Душа узнать не можетъ вновь.

Отечественныя Записки 1859 г. №11.

Къ кн. Л. Г—ой.

Когда ты холодно внимаешь
Разсказамъ горести чужой,
И недовѣрчиво качаешь
Своей головкой молодой;
Когда блестящіе наряды
Безумно радуютъ тебя,
Иль отъ ребяческой досады
Душа волнуется твоя;
Когда я вижу, вижу ясно,

Что для тебя въ семнадцать лѣтъ
Все привлекательно, прекрасно,
Все—даже люди, жизнь и свѣтъ;
Тогда, измученъ вспоминаньемъ,
Я говорю душѣ своей:
Счастливъ, кто могъ земнымъ желаньямъ
Отдать себя во цвѣтѣ дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этимъ—какъ она,
Своихъ надеждъ ты не забудешь,
Но для *другихъ*—не рождена.
Такъ! мысль великая хранилась
Въ тебѣ донынѣ, какъ зерно;
Съ тобою въ міръ она родилась;
Погибнуть ей не суждено!

Библіографическія Записки 1859 г. №12

Кто видѣлъ Кремль въ часъ утра золотой,
Когда лежитъ надъ городомъ туманъ,
Когда межъ храмовъ съ гордой простотой,
Какъ царь, бѣлѣетъ башня великанъ?

Я видѣлъ тѣнь блаженства; но вполнѣ,
Свободно отъ людей и отъ земли,
Не суждено имъ насладиться мнѣ.
Быть можетъ, манитъ только издали
Оно надежду; получивъ—какъ знать?—
Быть можетъ, я бъ его сталъ презирать;
И увидалъ бы, что ни слезъ, ни мукъ
Не стоитъ счастье, ложное какъ звукъ.

Кто скажетъ мнѣ, что звукъ ея рѣчей
Не отголосокъ рая? что душа

Не смотритъ изъ живыхъ очей,
Когда на нихъ смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Какъ ангелъ казни, Богомъ создана?
Нѣтъ! чистый ангелъ не виновенъ въ томъ,
Что есть пятно тоски въ умѣ моемъ.

И съ каждымъ годомъ шире то пятно;
И скоро все поглотитъ и тогда
Узнаю я спокойствіе; оно,
Навѣрно, много причинитъ вреда
Моимъ мечтамъ и пламень чувствъ убьетъ,
За то безъ бурь напрасныхъ приведетъ
Къ уничтоженью; но до этихъ дней
Я воленъ, даже—если рабъ страстей!

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной, и все, что чуждо ей,
То чуждо мнѣ; я родину люблю
И больше многихъ; средь ея полей
Есть мѣсто, гдѣ я горесть началъ знать,
Есть мѣсто, гдѣ я буду отдыхать,
Когда мой прахъ, смѣшавшися съ землей,
Навѣки прежній видъ оставитъ свой.

О, мой отецъ! гдѣ ты? гдѣ мнѣ найти
Твой гордый духъ, бродящій въ небесахъ?
Въ твой міръ ведутъ столь разные пути,
Что избирать мѣшаетъ тайный страхъ.
Есть рай небесный—звѣзды, говорятъ;
Но гдѣ же? вотъ вопросъ—и въ немъ-то ядъ;
Онъ сдѣлалъ то, что въ женскомъ сердцѣ я
Хотѣлъ сыскать отраду бытія.

Отечественныя Записки 1859 г. № 11.

———————

L'ame de mon ame.

Sie ist zu schön, um tugendhaft zu sein;
Um treu zu lieben, ist zu lieblich sie;
Wohl tausend Herzen könnte sie erfreun
Doch selbst, selbst glücklich wird sie nie.

[Нѣмецкое это стихотвореніе съ слѣдующимъ переводомъ на русскій языкъ, здѣланнымъ самимъ поэтомъ,напечатаны въ Русской Мысли 1881г. №12.]

Ты слишкомъ для невинности мила,
И слишкомъ ты любезна, чтобъ любить!
Полміру дать ты счастіе бъ могла,
Но счастливой самой тебѣ не быть.
Блаженство намъ не посылаетъ рокъ
Вдвойнѣ.—Видала ль быстрый ты потокъ?
Брега его цвѣтутъ, тогда какъ дно
Всегда глубоко, хладно, и темно.

Къ ***

О не скрывай! ты плакала объ нёмъ—
И я его люблю; онъ заслужилъ
Твою слезу, и еслибъ былъ врагомъ
Моимъ, то я бъ съ тѣхъ поръ его любилъ.

И я бы могъ быть счастливъ; но зачѣмъ
Искать условій счастія въ быломъ!
Нѣтъ! я доволенъ долженъ быть и тѣмъ,
Что зрѣлъ, какъ ты жалѣла о другомъ!

Кто въ утро зимнее, когда валитъ
Пушистый снѣгъ, и красная заря
На степь сѣдую съ трепетомъ глядитъ,
Внималъ колоколамъ монастыря;
Въ борьбѣ съ порывнымъ вѣтромъ, этотъ звонъ
Далеко имъ по небу унесенъ,—
И путникамъ онъ нравился не разъ,
Какъ вѣсть кончины иль безсмертья гласъ.

И этотъ звонъ люблю я! Онъ цвѣтокъ
Могильнаго кургана, мавзолей
Который не измѣнится; ни рокъ
Ни мелкія несчастія людей
Его не заглушатъ; всегда одинъ,
Высокой башни мрачный властелинъ,
Онъ возвѣщаетъ міру все, но самъ—
Самъ чуждъ всему, землѣ и небесамъ.

Русь 1861 г. №10.

Ангелъ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И звѣзды, и мѣсяцъ, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ—и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

[Одесскій Альманахъ 1840 г. Первоначально послѣ 3-й строфы была написана еще одна, а затѣмъ послѣдняя въ иномъ видѣ:]

Душа поселилась въ твореньи земномъ,
Но чуждъ былъ ей міръ. Объ одномъ
Она все мечтала: о звукахъ святыхъ,
Не помня значенія ихъ.

И долго желаньемъ напраснымъ полна,
Страдала, томилась она,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей чудныя пѣсни земли.

Стансы къ Д***

1.

Я не могу ни произнесть,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
Въ его знакомыхъ звукахъ есть;
Суди жъ, какъ тяжко это слово
Мнѣ услыхать въ устахъ другаго!

2.

Какое право имъ дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смѣю,
Ужели имъ позволено?
Какъ я, ужель они искали
Свой рай въ тебѣ одной?—едва ли!

3.

Ни передъ кѣмъ я не склонялъ
Еще послушнаго колѣна:
То гордости была бъ измѣна;
А ей лишь робкій измѣнялъ.
И не поникну я главою,
Хотя бъ то было предъ судьбою!

Но если ты передъ людьми
Прикажешь мнѣ унизить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Всѣ клятвы, кромѣ клятвъ любви;
Пускай имъ скажутъ, дорогая,
Что это сдѣлалъ для тебя я!

5.

Улыбку я твою видалъ;
Она мнѣ сердце восхищала,
И ей—такъ думалъ я сначала—
Подобной нѣтъ: но я не зналъ,
Что очи, полныя слезами,
Равны красою съ небесами.

6.

Я видѣлъ ихъ и былъ вполнѣ
Счастливъ, пока слеза катилась:
Въ ней искра божества хранилась,
Она принадлежала мнѣ.
Такъ! все прекрасное, святое
Въ тебѣ—мнѣ больше, чѣмъ родное.

7.

Когда бъ міры у нашихъ ногъ
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастіемъ не могъ:
Ему страшны молвы сужденья,
Оно—цвѣтокъ уединенья.

8.

Ты помнишь вечеръ и луну,
Когда въ бесѣдкѣ одинокой
Сидѣлъ я съ думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Какъ мнѣ мила тѣхъ дней безпечность!
За вечеръ тотъ я бъ не взялъ вѣчность

9.

Такъ за ничтожный талисманъ,
Отъ гроба Магомета взятой,
Факиру дайте жемчугъ, злато
И всѣ богатства чуждыхъ странъ:
Закону строгому послушной,
Онъ ихъ отвергнетъ равнодушно.

Отечественныя Записки 1859 г. №11.

Ужасная судьба отца и сына—
Жить розно и въ разлукѣ умереть,
И жребій чуждаго изгнанника имѣть
На родинѣ съ названьемъ гражданина.
Но ты свершилъ свой подвигъ, мой отецъ;
Постигнутъ ты желанною кончиной!
Дай Богъ, чтобы, какъ твой, спокоенъ былъ конецъ
Того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиной!
Но ты простишь мнѣ? Я ль виновенъ въ томъ,
Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней, оправданный творцомъ?
Однако жъ тщетны были ихъ желанья:
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мнѣ судить, виновенъ ты иль нѣтъ?
Ты свѣтомъ осужденъ... Но что такое свѣтъ?
Толпа людей, то злыхъ, то благосклонныхъ,
Собраніе похвалъ незаслуженныхъ
И столькихъ же насмѣшливыхъ клеветъ.
Далеко отъ него, духъ ада или рая,
Ты о землѣ забылъ, какъ былъ забытъ землей;
Ты счастливѣй меня: предъ тобой,
Какъ море жизни, вѣчность роковая
Неизмѣримою открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалѣешь нынѣ

О дняхъ потерянныхъ въ тревогѣ и слезахъ,
О сумрачныхъ, но вмѣстѣ милыхъ дняхъ,
Когда въ душѣ искалъ ты, какъ въ пустынѣ,
Остатки прежнихъ чувствъ и прежнія мечты?
Ужель теперь совсѣмъ меня не любишь ты?...
О, если такъ, то небо не сравняю
Я съ этою землей, гдѣ жизнь влачу мою:
Пускай на ней блаженства я не знаю,
Покрайней мѣрѣ я—люблю!

[Русскій Архивъ 1872 г. №9. Относится къ самому поэту и его отцу.]

Стансы.

1.

Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ,
Сквозь лучъ надеждъ, которымъ нѣтъ
Опредѣленья, и они
Мнѣ обѣщаютъ годы, дни,
Подобные минувшимъ днямъ:
Ни мукъ, ни радостей, а тамъ
Конецъ—ожиданный конецъ...
Какая будущность, Творецъ!

2.

Пусть я кого нибудь люблю:
Любовь не краситъ жизнь мою:
Она, какъ чумное пятно
На сердцѣ, жжетъ—хотя темно...
Враждебной силою гонимъ,
Я тѣмъ живу, что смерть другимъ,
Живу, какъ неба властелинъ:
Въ прекрасномъ мірѣ, но одинъ!

3.

Я сынъ страданья. Мой отецъ
Не зналъ покоя по конецъ;
Въ слезахъ угасла мать моя;
Отъ нихъ остался только я,

Ненужный членъ въ пиру людскомъ,
Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ:
Въ ней соку нѣтъ, хоть зелена;
Дочь смерти—смерть ей суждена.

[Изданіе 1880 г.—Послѣ этихъ стансовъ рукою Лермонтова сдѣлана замѣтка:]

2-го [4-го] Декабря св. Варвары. Вечеромъ, возвратясь. Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья! Кто бы подумалъ, взглянувъ на нее, что она можетъ быть причиной страданья?

Къ другу.

Забудь опять
Свои надежды;
Объ нихъ вздыхать—
Судьба невѣжды.
Она дитя!
Не вѣрь на слово:
Она шутя
Полюбитъ снова.
Все, что блеститъ,
Ее плѣняетъ;
Все, что груститъ,
Ее пугаетъ,
Такъ облачко
По небу мчится
Свѣтло, легко.
Оно глядится
Въ волнахъ морскихъ
Поочередно;
Но чуждъ для нихъ
Пришлецъ свободный;
Онъ образъ свой
Во всѣхъ встрѣчаетъ,
Хоть ихъ порой
Не замѣчаетъ.

Русская Мысль 1884 г. №4.

Пора уснуть послѣднимъ сномъ,
Довольно въ мірѣ пожилъ я;
Обманутъ жизнью былъ во всемъ
И ненавидя и любя.

Русская Мысль 1882 г. №12.

Изъ Паткуля.

Напрасна враговъ ядовитая злоба—
Разсудятъ насъ Богъ и преданья людей:
Хоть розны судьбою—мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.

Пускай я погибну близъ сумраковъ гроба.
Не вѣдая страха, не зная цѣпей,
Мой духъ возлетаетъ все выше и выше
И вьется какъ дымъ надъ желѣзною крышей!..

[Первыя 4 строчки напечатаны въ первый разъ въ «Юношескихъ Драмахъ Лермонтова,» СПБ. 1880 г. стр. 321. Паткуль, Лифляндскій патріотъ и сторонникъ Петра В., звѣрски казненный Карломъ XII въ 1707 г.]

Солнце осени.

Люблю я солнце осени, когда,
Межъ тучекъ и тумановъ пробираясь,
Оно кидаетъ блѣдный мертвый лучъ
На дерево, колеблемое вѣтромъ,
И на сырую степь. Люблю я солнце!
Есть что то схожее въ прощальномъ взглядѣ
Великаго свѣтила съ тайной грустью
Обманутой любви; не холоднѣй
Оно само собою, но природа
И все, что можетъ чувствовать и видѣть,
Не могутъ быть согрѣты имъ—такъ точно
И сердце: въ немъ все живъ огонь, но люди
Его понять однажды не умѣли,

И онъ въ глазахъ блеснуть не долженъ вновь,
И до ланитъ онъ вѣчно не коснется.
Зачѣмъ вторично сердцу подвергать
Себя насмѣшкамъ и словамъ сомнѣнья?

Потокъ.

Источникъ страсти есть во мнѣ
Великій и чудесный:
Песокъ серебряный на днѣ,
Поверхность—ликъ небесный.
Но безпрестанно быстрый токъ
Воротитъ и крутитъ песокъ,
И небо надъ водами
Одѣто облаками.

Родится съ жизнью этотъ ключъ
И съ жизнью исчезаетъ.
Въ иномъ онъ слабъ, въ другомъ могучъ,
Но всѣхъ онъ увлекаетъ.
И первый счастливъ; но такой
Я праздный отдалъ бы покой
За нѣсколько мгновеній
Блаженства иль мученій.

Пускай же мчится мой потокъ
Неистовый и бурный,
Пускай отъ берега цвѣтокъ
Отмоетъ онъ лазурный
И увлечетъ съ собою въ путь,
И съ нимъ погибнетъ гдѣ нибудь
Вдвоемъ—забытъ вселенной
Въ пустынѣ отдаленной.

Къ ***

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мнѣ измѣнила;
Она тебѣ прелести женщинъ дала,
Но женское сердце вложила.

Какъ въ морѣ широкомъ слѣды челнока,
Мгновенны его впечатлѣнья:
Любовь для него, какъ веселье, легка,
А горе не стоитъ мгновенья.

Но въ часъ свой урочный узнаетъ оно
Цѣпей неизбѣжное бремя;
Прости, намъ разстаться теперь суждено,
Разстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь предъ тобой,
И рѣчь моя умъ твой встревожитъ;
И пусть я услышу отвѣтъ роковой,
Тогда ничего не поможетъ.

Нѣтъ, нѣтъ, милый голосъ и пламенный взоръ
Тогда своей власти лишатся.
Во слѣдъ за тобой побѣжитъ мой укоръ
И въ душу онъ будетъ впиваться.

И мщенье, напомнивъ, что я перенесъ,
Уста мои къ смѣху принудитъ,
Хоть эта улыбка всѣхъ, всѣхъ твоихъ слезъ
Гораздо мучительнѣй будетъ.

—— ——

Ночь V.

Въ чугунъ печальный сторожъ бьетъ.
Одинъ я внемлю—глухо лаютъ
Вдали собаки, мраченъ сводъ
Небесъ, и тучи пробѣгаютъ
Одна безмолвно за другой,
Сливаясь подъ ночною мглой;
Колеблетъ вѣтеръ влажный, душной,
Верхи деревъ и съ воемъ онъ
Стучитъ въ оконницы... мнѣ скучно,
Мнѣ тяжко бдѣнье—страшенъ сонъ!
Я не хочу, чтобъ сновидѣнье
Являло мнѣ ея черты.
Нѣтъ, я не рабъ моей мечты;
Я въ силахъ перенесть мученье
Глубокихъ думъ, сердечныхъ ранъ,
Все—только не ея обманъ.
Я не скажу прости надеждѣ...
Молвѣ не вѣрю! Если прежде
Она могла меня любить,
То ей ли можно измѣнить?
Но отчего же? развѣ нѣту
Примѣровъ? Первый ли урокъ
Во мнѣ теперь дается свѣту?
Какъ я забытъ, какъ одинокъ!
Шуми же вѣтеръ мрачной ночи!
Играй свободно въ небесахъ,
И освѣжи мнѣ грудь и очи...
Въ груди огонь, слеза въ очахъ,
Давно безъ пищи этотъ пламень...
И слезы падаютъ на камень.

Къ себѣ.

Какъ я хотѣлъ себя увѣрить,
Что не люблю ее—хотѣлъ
Неизмѣримое измѣрить,
Любви безбрежной дать предѣлъ.

Мгновенное пренебреженье,
Ея могущество—опять
Мнѣ доказало, что влеченье
Души нельзя намъ побѣждать.

Что цѣпь моя не сокрушима,
Что мой теперешній покой
Лишь гласъ залетный херувима
Надъ сонной демоновъ толпой.

Душа моя должна прожить въ земной неволѣ
Недолго; можетъ быть, я не увижу болѣ
Твой взоръ, твой милый взоръ, столь нѣжный для другихъ—
Звѣзду привѣтную соперниковъ моихъ.
Желаю счастья имъ! Тебя винить безбожно
За то, что мнѣ нельзя все, все, что имъ возможно.
Но если ты ко мнѣ любовь хотѣла скрыть,
Казаться хладною и въ тишинѣ любить,
Но если ты при мнѣ смѣялась надо мною,
Тогда какъ внутренно полна была тоскою,
То мрачный мой тебѣ пускай покажетъ взглядъ,
Кто болѣе страдалъ, кто болѣ виноватъ.

Пѣсня.

Колоколъ стонетъ,
Дѣвушка плачетъ,
И слезы по четкамъ бѣгутъ.
Насильно,
Насильно
Отъ міра въ обители скрыта она,
Гдѣ жизнь безъ надежды и ночи безъ сна

Такъ мое сердце
Грудь безпокоитъ
И бьется. Бьется, бьется!
Велѣла,
Велѣла
Судьба мнѣ любовь отъ нея оторвать;
И дѣву забыть, хоть тому не бывать!

Смерть и безсмертье,
Жизнь и погибель
И дѣвѣ и сердцу ничто!
У сердца,
У дѣвы
Одно лишь страданье, одинъ лишь предметъ:
Ему счастья надо—ей надобенъ свѣтъ.

Пускай поэта обвиняетъ
Насмѣшливый, безумный свѣтъ....
Никто ему не помѣшаетъ,
Онъ не услышитъ мой отвѣтъ.
Я самъ собою жилъ донынѣ:
Свободно мчится пѣснь моя,
Какъ птица дикая въ пустынѣ,
Какъ вдаль по озеру ладья.
И что за дѣло мнѣ до свѣта,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрѣта
Твоей волшебною рукой.

Когда съ тобой, о дѣва рая,
Я провожу небесный часъ,
Не безпокоясь, не страдая,
Не отворачивая глазъ.

Саратовскій Листокъ 1876 г. №43.

Слава.

Къ чему ищу такъ славы я?
Извѣстно, въ славѣ нѣтъ блаженства;
Но хочетъ все душа моя
Во всемъ дойти до совершенства.
Пронзая будущаго мракъ,
Она, безсильная, страдаетъ
И въ настоящемъ все не такъ,
Какъ бы хотѣлось ей, встрѣчаетъ.
Я не страшился бы суда,
Когда бъ увѣренъ былъ вѣками,
Что вдохновеннаго труда
Міръ не обидитъ клеветами.
Что станутъ вѣрить и внимать
Повѣствованью горькой муки
И не осмѣлятся равнять
Съ земнымъ небесъ живые звуки.
Но не достигну я ни въ чемъ
Того, что такъ меня тревожитъ.
Все кратко на шару земномъ,
И вѣчно слава жить не можетъ.
Пускай поэта грустный прахъ
Хвалою освятитъ потомство;
Гдѣ жъ слава—въ краткихъ похвалахъ?
Людей извѣстно вѣроломство.
Другой заставитъ позабыть
Своею пѣснію высокой
Пѣвца, который кончилъ жить,
Который жилъ такъ одиноко.

Вечеръ.

Когда садится алый день
За синій край земли,
Когда туманъ встаетъ, и тѣнь
Скрываетъ все вдали;
Тогда я мыслю въ тишинѣ
Про вѣчность и любовь,
И чей то голосъ шепчетъ мнѣ:
Не будешь счастливъ вновь!
И я гляжу на небеса
Съ покорною душой:
Они свершали чудеса,
Но не для насъ съ тобой,
А для ничтожнаго глупца,
Которому твой взглядъ
Дороже будетъ до конца
Небесныхъ всѣхъ наградъ.

Унылый колокола звонъ
Въ вечерній часъ мой слухъ невольно потрясаетъ,
Обманутой душѣ моей напоминаетъ
И вѣчность и надежду онъ.
И если вѣтеръ, путникъ одинокій,
Вдругъ по травѣ кладбища пробѣжитъ,
Онъ сердца моего не холодитъ,
Что въ немъ живетъ, то въ немъ глубоко.
Я чувствую, судьба не умертвитъ
Во мнѣ возросшій дѣятельный геній,
Но что его на свѣтѣ сохранитъ
Отъ хитрой клеветы, отъ скучныхъ наслажденій,
Отъ истощительныхъ страстей,
Отъ языка ласкателей развратныхъ
И отъ желаній, непонятныхъ
Умамъ посредственныхъ людей...

Безъ пищи долженъ яркій пламень
Погаснуть на скалѣ сырой.
Холодный слушатель есть камень:
Попробуй разъ, попробуй и открой
Ему источники сердечнаго блаженства—
Онъ станетъ толковать, что должно ощутить.
Въ простомъ не видя совершенства,
Онъ не привыкъ прекрасное цѣнить,
Какъ тотъ, кто въ грудь втѣснить желалъ бы всю природу,
Кто силится купить страданіемъ своимъ,
И гордою побѣдой надъ земнымъ,
Божественной души безбрежную свободу.

Хоть давно измѣнила мнѣ радость,
Какъ любовь, какъ улыбка людей,
И померкнуло, прежде чѣмъ младость,
Свѣтило надежды моей,
И судьбу я и міръ презираю;
Но нельзя имъ унизить меня,
И я хладно приходъ ожидаю
Кончины иль лучшаго дня.
Словамъ моимъ вѣрить не станутъ,
Но клянуся въ нелживости ихъ!
Кто самъ былъ такъ часто обманутъ,
Обмануть не захочетъ другихъ.
Пусть жизнь моя въ буряхъ несется,
Я безпеченъ, я знаю давно:
Пока сердце въ груди моей бьется,
Не увидитъ блаженство оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоитъ того, можетъ быть,
Чья душа слишкомъ пылко любила,
Чтобы могъ его міръ полюбить.

Русская пѣсня.

1.

Клоками бѣлый снѣгъ валится...
Что жъ дѣва красная боится
Съ крыльца сойти,
Воды снести?
Какъ попъ, когда онъ гробъ несётъ,
Такъ пѣснь мятелица поетъ,
Играетъ
И у тесовыхъ у воротъ
Дворовый песъ все цѣпь грызетъ
И лаетъ.

2.

Но не собаки лай печальный,
Не вой мятели погребальный,
Рождаютъ страхъ
Въ ея глазахъ.....
Недавно милый схороненъ:
Блѣднѣй снѣговъ предстанетъ онъ
И скажетъ:
Ты измѣнила, ей въ лицо,
И ей завѣтное кольцо
Покажетъ.

Звуки и взоръ.

О, полно ударять рукой
По струнамъ арфы золотой!
Смотри, какъ сердце воли проситъ:
Слеза катится изъ очей,
Мнѣ каждый звукъ опять приноситъ
Печали пролетѣвшихъ дней.
Нѣтъ, лучше съ трепетомъ любви
Свой взоръ на мнѣ останови,

Чтобъ роковое вспоминанье
Я въ настоящемъ утопилъ,
И все свое существованье
Въ единый мигъ переселилъ.

Земля и небо.

Какъ землю намъ больше небесъ не любить?
Намъ небесное счастье темно.
Хоть счастье земное и меньше въ сто разъ,
Но мы знаемъ, какое оно.

О надеждахъ и мукахъ былыхъ вспоминать
Въ насъ тайная склонность кипитъ,
Насъ тревожитъ невѣрность надежды земной,
А краткость печали смѣшитъ.

Страшна въ настоящемъ бываетъ душѣ
Грядущаго темная даль.....
Мы блаженство желали-бъ вкусить въ небесахъ,
Но съ міромъ разстаться намъ жаль.

Что во власти у насъ, то пріятнѣе намъ:
Хоть мы ищемъ другаго порой,
Но въ часъ разставанья мы видимъ яснѣй,
Какъ оно породнилось съ душой.

Къ * * *

Дай руку мнѣ, склонись къ груди поэта,
Свою судьбу соедини съ моей,
Какъ ты, мой другъ, я не рожденъ для свѣта
И не умѣю жить среди людей.
Я не имѣлъ ни время, ни охоты
Дѣлить ихъ шумъ, ихъ мелкія заботы:
Любовь мое все сердце заняла,
И чтожъ! взгляни на блѣдный цвѣтъ чела:

На немъ ты видишь слѣдъ страстей уснувшихъ,
Такъ рано обуявшихъ жизнь мою.
Не льститъ мнѣ вспоминанье дней минувшихъ,
Я одинокъ надъ пропастью стою,
Гдѣ все мое подавлено судьбою,
Такъ кустъ растетъ надъ бездною морскою,
И листъ, грозой оборванный, плыветъ
По произволу странствующихъ водъ.

Изъ Андрея Шенье.

За дѣло общее, быть можетъ, я паду
Иль жизнь въ изгнаніи безплодно проведу.
Быть можетъ, клеветой лукавой пораженный,
Предъ міромъ и тобой врагами униженный,
Я не снесу стыдомъ сплетаемый вѣнецъ
И самъ себѣ сыщу безвременный конецъ.
Но ты не обвиняй страдальца молодаго,
Молю, не говори насмѣшливаго слова:
Ужасный жребій мой твоихъ достоинъ слезъ.
Я много сдѣлалъ зла, но больше перенесъ!
Пускай виновенъ я предъ гордыми врагами,
Пускай отмстятъ. Въ душѣ, клянуся небесами,
Я не злодѣй, о нѣтъ! судьба губитель мой:
Я грудью шелъ впередъ, я жертвовалъ собой.
Наскучивъ суетой обманчиваго свѣта,
Торжественно не могъ я не сдержать обѣта:
Хоть много причинилъ я обществу вреда,
Но вѣренъ былъ тебѣ всегда, мой другъ, всегда!
Въ уединеніи, среди толпы мятежной
Я все тебя любилъ и все любилъ такъ нѣжно..

Къ ***

Не медли въ дальней сторонѣ,
Молю, мой другъ, спѣши сюда:
Ты взглядъ мгновенный кинешь мнѣ,
А тамъ простимся навсегда.

И я, поймавши этотъ взоръ
И рѣчь послѣднюю твою,
Хотя бъ она была укоръ,
Ихъ вмѣстѣ въ сердцѣ схороню

И, въ день печали роковой,
Твой взоръ, умѣющій язвить,
Воображу передъ собой
И стану рѣчь твою твердить.

И вновь мечтанье сблизитъ насъ,
И вспомню, вспомню я тогда,
Какъ встрѣтились мы въ первый разъ
И какъ разстались навсегда.

Сосѣдъ.

Погаснулъ день. На вышинахъ небесныхъ
Звѣзда вечерняя ліётъ свой тихій свѣтъ.
Чѣмъ занятъ бѣдный мой сосѣдъ?
Чрезъ садикъ небольшой, между вѣтвей древесныхъ,
Могу замѣтить я, въ его окнѣ
Блеститъ огонь. Его простая келья
Чужда заботъ и свѣтскаго веселья.
И этимъ нравится онъ мнѣ.
Прохожіе объ немъ различно судятъ
И всѣ его готовы порицать,
Но ихъ слова сосѣда не принудятъ
Лампаду ранѣе иль позже зажигать.

И только я увижу свѣтъ лампады,
Сажусь тотчасъ у своего окна,
И въ этотъ мигъ таинственной отрады
Душа моя мятежная полна...
И мнится мнѣ, что мы другъ друга понимаемъ,
Что я и бѣдный мой сосѣдъ,
Подъ бременемъ однимъ страдая, увядаемъ,
Что мы знакомы съ давнихъ лѣтъ.

Стансы.

Не могу на родинѣ томиться,
Прочь, скорѣй туда въ кровавый бой!
Тамъ, быть можетъ, перестанетъ биться
Это сердце полное тобой.

Нѣтъ, я не прошу твоей любови,
Нѣтъ, не знай губительныхъ страстей,
Видѣть смерть мнѣ надо, надо крови,
Чтобъ залить огонь въ груди моей.

Пусть паду, какъ ратникъ въ бранномъ полѣ,
Неоплаканъ свѣтомъ буду я,
Никому не будетъ въ тягость болѣ
Буря чувствъ моихъ и жизнь моя.

Юныхъ лѣтъ святыя обѣщанья
Прекратитъ судьба на мѣстѣ томъ,
Гдѣ безъ думъ, безъ вопля, безъ роптанья
Я усну давно желаннымъ сномъ.

Такъ—но если я не позабуду
Въ этомъ снѣ любви печальной сонъ?
Если образъ твой всегда повсюду
Я носить съ собою осужденъ?

Если тамъ въ предѣлахъ отдаленныхъ,
Гдѣ душа должна блаженство пить,
Тяжкихъ язвъ, на ней напечатлѣнныхъ,
Не возможно будетъ излечить?

О, взгляни привѣтно въ часъ разлуки
На того, кто съ гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умретъ за честь страны родной.

Кто бывало въ тайномъ упоеньѣ,
На тебя вперивъ свой влажный взглядъ,
Возбуждалъ людское сожалѣнье
И твоей улыбкѣ былъ такъ радъ.

Мой Демонъ.

1.

Собранье золъ—его стихія;
Носясь межъ темныхъ облаковъ,
Онъ любитъ бури роковыя
И пѣну рѣкъ и шумъ дубровъ.
Онъ любитъ пасмурныя ночи,
Туманы, блѣдную луну,
Улыбки горькія и очи
Безвѣстныя слезамъ и сну.

2.

Къ ничтожнымъ, хладнымъ, толкамъ свѣта
Привыкъ прислушиваться онъ,
Ему смѣшны слова привѣта
И всякій вѣрящій смѣшенъ.
Онъ чуждъ любви и сожалѣнья,
Живетъ онъ пищею земной,
Глотаетъ жадно дымъ сраженья
И паръ отъ крови пролитой.

3.

Родится ли страдалецъ новый,
Онъ безпокоитъ духъ отца,
Онъ тутъ съ насмѣшкою суровой
И съ дикой важностью лица.
Когда же кто нибудь нисходитъ
Въ могилу съ трепетной душой,
Онъ часъ послѣдній съ нимъ проводитъ,
Но неутѣшенъ имъ больной.

4.

И гордый демонъ не отстанетъ,
Пока живу я, отъ меня
И умъ мой озарять онъ станетъ
Лучемъ чудеснаго огня.
Покажетъ образъ совершенства
И вдругъ отниметъ навсегда
И, давъ предчувствіе блаженства,
Не дастъ мнѣ счастья никогда.

[Только четыре первые стиха совпадаютъ съ стихотвореніемъ того же имени, написаннымъ поэтомъ въ 1829 году.]

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый, избранникъ—
Какъ онъ, гонимый міромъ, странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Или поэтъ—или никто....

[Библіотека для чтенія 1825 г. №1. Варіанты послѣдней строки:]
а) Я—или Богъ—или никто!
б) Иль геній мой—или никто!

Романсъ.

1.

Ты идешь на поле битвы,
Но услышь мои молитвы,
Вспомни обо мнѣ.
Если другъ тебя обманетъ,
Если сердце жить устанетъ
И душа твоя увянетъ
Въ дальней сторонѣ,
Вспомни обо мнѣ.

2.

Если кто тебѣ укажетъ
На могилу и разскажетъ
При ночномъ огнѣ
О дѣвицѣ обольщенной,
Позабытой и презрѣнной,
О, тогда, мой другъ безцѣнной,
Ты въ чужой странѣ
Вспомни обо мнѣ.

3

Время прежнее, быть можетъ,
Посѣтитъ тебя, встревожитъ
Въ мрачномъ тяжкомъ снѣ:
Ты услышишь плачъ разлуки,
Пѣснь любви и вопли муки
Иль подобные имъ звуки....
О, хотя во снѣ
Вспомни обо мнѣ.

Саратовскій Листокъ 1876 г. №43.

Сонетъ.

Я памятью живу съ увядшими мечтами.
Видѣнья прежнихъ лѣтъ толпятся предо мной,
И образъ твой межъ нихъ,какъ мѣсяцъ въ часъ ночной
Между бродящими блистаетъ облаками.
Мнѣ тягостно твое владычество порой:
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощенъ мой духъ и скованъ какъ цѣпями;
Что жъ пользы для меня? я не любимъ тобой,
Я знаю, ты любовь мою не презираешь,
Но холодно ея моленіямъ внимаешь.
Такъ мраморный кумиръ на берегу морскомъ
Стоитъ,—у ногъ его волна кипитъ, клокочетъ,
А онъ, безчувственнымъ исполненъ божествомъ,
Не внемлетъ, хоть ее отталкивать не хочетъ.

Болѣзнь въ груди моей и нѣтъ мнѣ исцѣленья,
Я увядаю въ полномъ цвѣтѣ!
Пускай! я не былъ рабъ земнаго наслажденья,
Не для людей я жилъ на свѣтѣ.
Одно лишь существо душой моей владѣло,
Но въ разный путь пошли мы оба
И мы разстались, и небо захотѣло,
Чтобъ мы сошлись опять у гроба.
Гляжу въ безмолвіи на западъ: догораетъ,
Краснѣя, гордое свѣтило,
Мнѣ хочется за нимъ, оно, быть можетъ, знаетъ,
Какъ воскрешать все то, что мило.
Быть можетъ, ослѣпленъ огнемъ его сіянья,
Я, хоть на время, позабуду
Волшебные глаза и поцѣлуй прощанья,
За мной бѣгущіе повсюду.

Къ *.

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли одинъ въ другомъ,
И душа сдружилася съ душою:
Хоть пути не кончить имъ вдвоемъ;
Такъ потокъ весенній отражаетъ
Сводъ небесъ далекій голубой,
И въ волнѣ спокойной онъ сіяетъ
И трепещетъ съ бурною волной.

Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищъ грозныхъ бурь моихъ;
Пусть тогда гремятъ они межъ нами—
Я рожденъ, чтобы не жить безъ нихъ.
Я рожденъ, чтобъ цѣлый міръ былъ зритель
Торжества иль гибели моей.
Но съ тобой, мой лучъ путеводитель,
Что хвала иль гордый смѣхъ людей?

Души ихъ пѣвца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторговъ раздѣлить.

Поцѣлуями прежде считалъ
Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я отъ счастья усталъ,
Но теперь никого не люблю.

И слезами когда то считалъ
Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любилъ и желалъ,
А теперь никого не люблю!

И я счетъ своихъ лѣтъ потерялъ,
И крылья забвенья ловлю;
Какъ я сердце унесть бы имъ далъ!
Какъ бы вѣчность имъ бросилъ мою!

Послушай: быть можетъ, когда мы покинемъ
На вѣкъ этотъ міръ, гдѣ душою такъ стынемъ;
Быть можетъ, въ странѣ, гдѣ не знаютъ обмана,
Ты ангеломъ будешь, я демономъ стану;—
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежняго друга все счастіе рая!
Пусть мрачный изгнанникъ, судьбой осужденный,
Тебѣ будетъ раемъ, а ты мнѣ вселенной!

Къ*.

Оставь напрасныя заботы,
Не обнажай минувшихъ дней:
Въ нихъ не откроешь ничего ты,
За чтобъ меня любить сильнѣй.
Ты любишь вѣрно, и довольно,
Кого? ты вѣдать не должна.
Тебѣ открыть мнѣ было бъ больно,
Какъ жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что не достоинъ я участья,
Что самъ ничѣмъ не дорожу;
Что все, чѣмъ сердце дорожило,
Теперь для сердца стало ядъ,
Что для него страданье мило,
Какъ спутникъ, собственность иль братъ
Промолвивъ ласковое слово,
Въ награду требуй жизнь мою,
Но, другъ мой, не проси былаго:
Я мукъ своихъ не продаю.

Саратовскій Листокъ 1876 г. №43.

1832.

Морякъ.

Въ семьѣ безвѣстной я родился
Подъ небомъ сѣверной страны
И рано, рано пріучился
Смирять усилія волны.
О дѣтствѣ говорить не стану:
Я подаренъ былъ океану,
Какъ лишній въ мірѣ, въ тѣ года
Безпечной смѣлости, когда
Намъ все равно: земля иль море,
Родимый или чуждый домъ;
Когда безъ радости поемъ
И, какъ змѣю, мы топчемъ горе;
Когда мы рады все отдать,
Чтобъ вольнымъ воздухомъ дышать.
Я воленъ былъ въ моей темницѣ,
Въ полуживой тюрьмѣ моей;
Я все имѣлъ, что надо птицѣ:
Гнѣздо на мачтѣ межъ снастей.
Я съ кораблемъ не разставался,
Я, какъ сѣтей, земли боялся;
Не вѣдалъ счету я друзьямъ;
Они всегда тѣснились къ намъ;
Я ихъ угадывалъ движенья,

Я понималъ ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья.
Въ немъ были ласки и укоръ—
И былъ звучнѣй тотъ звукъ чудесный,
Чѣмъ вѣтра вой и шумъ древесный,
И въ морѣ каждая волна
Была душой одарена!...
Безумны были эти лѣта!
Но что жъ? ужели былъ смѣшнѣй
Я тѣхъ неопытныхъ людей,
Которые, въ пустынѣ свѣта
Блуждая, думаютъ найти
Любовь и душу на пути?...
Всѣ чувства тайной мукой полны—
И всякій плакалъ, кто любилъ:
Любилъ ли онъ морскія волны,
Иль сердце женщинамъ дарилъ!
Покрывшись пѣною, рядами,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена;
Такъ точно дѣва молодая
Идетъ, гордясь, между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая!
Но вянутъ дѣвы въ тишинѣ;
А волны, волны все однѣ!...
Я, обожатель ихъ свободы,
Какъ я въ душѣ любилъ всегда
Ихъ безконечные походы—
Богъ вѣсть откуда и куда!
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы,
И бездны безконечный шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ родины и безъ могилы,

Безъ наслажденья и безъ мукъ;
Однообразный этотъ звукъ,
Причудливыя эти силы,
Ихъ буйный ревъ и тишину
И эту вѣчную войну
Съ другой стихіей, съ облаками,
Съ дождемъ и вихремъ! Сколько разъ
На кораблѣ, въ опасный часъ,
Когда летала смерть надъ нами,
Я въ ужасѣ Творца молилъ,
Чтобъ океанъ мой побѣдилъ!...

Sic transit gloria mundi.

Раутъ 1851 г. кн. I.

Мазепа.

Ахъ, нынѣ я не тотъ совсѣмъ:
Меня друзья бы не узнали,
И на челѣ тогда моемъ
Власы сѣдые не блистали.
Я былъ еще совсѣмъ не старъ,
А изсушилъ мнѣ сердце жаръ
Страстей; явилися морщины
И ненавистныя сѣдины;
Но и теперь преклонныхъ лѣтъ
Я презираю тяготѣнье.
Я зналъ еще души волненье—
Любви минувшей грозный слѣдъ.
Но говорю: краса Терезы...
Теперь, среди полночной грезы
Мнѣ кажется: идетъ она
Между каштановъ и черешенъ...
Катится по небу луна...
Какъ я доволенъ и утѣшенъ!
Я вижу кудри... взоръ живой
Горячей влагою одѣлся...
Какъ жемчугъ перси бѣлизной...

Такъ живо образъ дорогой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!
Станъ невысокій помню я
И азіатскія движенья,
Уста пурпурныя ея,
Стыда румянецъ и смятенье...
Но полно, полно! я любилъ,
Я чувствъ своихъ не измѣнилъ...
. . . .
Любовь, сокрывшись въ сердцѣ дикомъ,
Въ однѣхъ лишь крайностяхъ горитъ
И вѣчно [тщетно рокъ свирѣпой
Возсталъ] меня не охладитъ,
И тѣнь минувшаго бѣжитъ
Понынѣ всюду за Мазепой...

[Библіогр. Зап. 1861 г. №16. Какъ справедливо замѣчаетъ редакція, скорѣе подражаніе, чѣмъ переводъ V пѣсни Мазепы Байрона.]

Бой.

Сыны небесъ однажды надо мною
Слетѣлися: воздушныхъ два бойца,
Одинъ—серебряной обвѣшанъ бахромою,
Другой—въ одеждѣ черннеца.
И видя злость противника втораго,
Я пожалѣлъ о воинѣ младомъ.
Вдругъ поднялъ онъ концы сребристаго покрова,
И я подъ нимъ замѣтилъ—громъ.
И кони ихъ ударились крылами,
И ярко брызнулъ изъ ноздрей огонь;
Но вихорь отступилъ передъ громами,
И палъ на землю черный конь.

Тростникъ.

Сидѣлъ рыбакъ веселый
На берегу рѣки
И передъ нимъ по вѣтру
Качались тростники.
Сухой тростникъ онъ срѣзалъ,
И скважины проткнулъ,
Одинъ конецъ зажалъ онъ,
Въ другой конецъ подулъ.
И будто оживленный,
Тростникъ заговорилъ—
То голосъ человѣка
И голосъ вѣтра былъ.
И пѣлъ тростникъ печально:
«Оставь, оставь меня!
Рыбакъ, рыбакъ прекрасный,
Терзаешь ты меня!
И я была дѣвицей,
Красавица была,
У мачихи въ темницѣ
Я нѣкогда цвѣла,
И много слезъ горючихъ
Невинно я лила,
И раннюю могилу
Безбожно я звала.
И былъ сынокъ любимецъ
У мачихи моей:
Обманывалъ красавицъ,
Пугалъ честныхъ людей.
И разъ пошли подъ вечеръ
Мы на берегъ крутой—
Смотрѣть на сини волны,
На западъ золотой.
Моей любви просилъ онъ—
Любить я не могла,

И деньги мнѣ дарилъ онъ—
Я денегъ не брала;
Несчастную сгубилъ онъ
Ударомъ въ грудь ножемъ,
И здѣсь мой трупъ зарылъ онъ
На берегу крутомъ.
И надъ моей могилой
Взошелъ тростникъ большой,
И въ немъ живутъ печали
Души моей младой.
Рыбакъ, рыбакъ прекрасный,
Оставь же свой тростникъ.
Ты мнѣ помочь не въ-силахъ,
А плакать не привыкъ!»

Толпѣ.

Безумецъ я! вы правы, правы:
Смѣшно безсмертье на земли!
Какъ смѣлъ желать я громкой славы,
Когда вы счастливы въ пыли?
Какъ могъ я цѣпь предубѣжденій
Умомъ свободнымъ потрясать,
И пламень тайныхъ угрызеній
За жаръ поэзіи принять!
Нѣтъ, не похожъ я на *поэта*!
Я обманулся, вижу самъ;
Пускай, какъ онъ, я чуждъ для свѣта,
Но чуждъ за то и небесамъ!
Мои слова печальны, знаю,
Но смысла ихъ вамъ не понять.
Я ихъ отъ сердца отрываю,
Чтобъ муки съ ними оторвать!
Нѣтъ... мнѣ ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя?

Пускай возвышусь я надъ вами,
Но удалюсь ли отъ себя,
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Все то, чему я вѣрилъ страстно
Чему не смѣю вѣрить вновь?...

[Это и предъидущее стихотвореніе напечатано въ Саратовскомъ Листкѣ 1875 г. №246.]

Къ*

Мой другъ, напрасное старанье!
Скрывалъ ли я свои мечты?
Обыкновенный звукъ, названье—
Вотъ все, чего не знаешь ты.
Пусть въ этомъ имени хранится,
Быть можетъ, цѣлый міръ любви...
Но мнѣ ль надеждами дѣлиться?
Надежды... О! онѣ мои,
Мои—онѣ святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страхъ, ни ласки, ни коварство,
Ни горькій смѣхъ, ни плачъ людей—
Дай мнѣ сокровища вселенной—
Ужъ никогда не долетятъ
Въ тотъ уголъ сердца отдаленной,
Куда запряталъ я мой кладъ.
Какъ помню, счастье прежде жило,
И слезы крылись въ мѣстѣ томъ:
Но счастье скоро измѣнило,
А слезы вытекли потомъ.
Беречь сокровища святыя
Теперь я выученъ судьбой:
Не встрѣтятъ ихъ глаза чужіе,
Они умрутъ во мнѣ, со мной!...

Къ *

Печаль въ моихъ пѣсняхъ, но что за нужда?
Тебѣ не внимать имъ, мой другъ, никогда.
Онѣ не прогонятъ улыбку святую
Съ тѣхъ устъ, для которыхъ живу и тоскую.

Къ тебѣ не домчится ни слово ни звукъ—
Отзывъ безпокойный невѣдомыхъ мукъ.
Пѣвца твоя ласка утѣшить не можетъ:
Зачѣмъ же онъ сердце твое потревожитъ?

О нѣтъ! одна мысль, что слеза омрачитъ
Тотъ взоръ несравненный, гдѣ счастье горитъ,
Безумные бъ звуки въ груди подавила,
Хоть прежде за нихъ лишь пѣвца ты любила.

Къ *

1.

Прости! Мы не встрѣтимся болѣ
Другъ другу руки не пожмемъ;
Прости! твое сердце на волѣ...
Но счастья не съищетъ въ другомъ.
Я знаю: съ порывомъ страданья
Опять затрепещетъ оно,
Когда ты услышишь названье
Того, кто погибъ такъ давно!

2.

Есть звуки—значенье ничтожно,
И презрѣно гордой толпой.
Но ихъ позабыть не возможно:
Какъ жизнь, они слиты съ душой;
Какъ въ гробѣ, зарыто былое
На днѣ этихъ звуковъ святыхъ:
И въ мірѣ поймутъ ихъ лишь двое,
И двое лишь вздрогнутъ отъ нихъ!

3.

Мгновеніе вмѣстѣ мы были,
Но вѣчность ничто передъ нимъ;
Всѣ чувства мы вдругъ истощили,
Сожгли поцѣлуемъ однимъ;
Прости! не жалѣй безразсудно,
О краткой любви не жалѣй;
Разстаться казалось намъ трудно,
Но встрѣтиться было бъ труднѣй!

Слова разлуки повторяя,
Полна надеждъ душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая,
И смѣло вѣришь ей... но я?...

Оставь страдальца! Будь покойна;
Гдѣ бъ ни былъ этотъ міръ святой,
Двухъ жизней сердцемъ ты достойна,
А мнѣ довольно и одной.

Тому-ль пускаться въ безконечность
Кого измучилъ краткій путь?
Меня раздавитъ эта вѣчность,
И страшно здѣсь мнѣ отдохнуть!

Я схоронилъ на вѣкъ былое,
И нѣтъ о будущемъ заботъ;
Земля взяла свое земное:
Она назадъ не отдаетъ!...

Она не гордой красотою
Прельщаетъ юношей живыхъ;
Она не водитъ за собою
Толпу вздыхателей нѣмыхъ;
И станъ ея не станъ богини,
И грудь волною не встаетъ,
И въ ней никто своей святыни,
Припавъ къ землѣ, не признаетъ;
Однако всѣ ея движенья,
Улыбки, рѣчи и черты
Такъ полны жизни, вдохновенья,
Такъ полны чудной простоты,
И голосъ душу проникаетъ,
Какъ вспоминанье лучшихъ дней.
И сердце любитъ и страдаетъ,
Почти стыдясь любви своей.

Смѣло вѣрь тому, что вѣчно,
Безначально, безконечно;
Что прошло и что настанетъ,
Обмануло иль обманетъ.

Если сердце молодое
Встрѣтитъ пылкое другое,
При разлукѣ, при свиданьѣ
Закажи ему молчанье.

Все на свѣтѣ рѣдко стало:
Есть надежды—счастья мало;
Незабвеніе, разлука,
То блаженство—это мука.

Если счастьемъ дорожилъ ты,
То зачѣмъ его дѣлилъ ты?
Для чего не жилъ въ пустынѣ
Иль объ этомъ вспомнилъ нынѣ.

Баллада.

Куда такъ проворно, жидовка младая?
    Часъ утра, ты знаешь, далекъ...
Потише! Распалась цѣпочка златая,
    И скоро спадетъ башмачекъ.

Вотъ мостъ, вотъ чугунныя влѣво перилы
    Блестятъ отъ огня фонарей;
Держись за нихъ крѣпче, устала? нѣтъ силы?...
    Вотъ домъ—и звонокъ у дверей...

Безмолвно жидовка у двери стояла,
    Какъ мраморный идолъ, блѣдна;
Потомъ, за снурокъ потянувъ, постучала,
    И кто-то взглянулъ изъ окна...

И страхомъ и тайной надеждой пылая,
    Еврейка глаза подняла:
Конечно, ужаснѣй минута такая
    Столѣтій печали была.

Она говорила: «мой ангелъ прекрасный,
    Взгляни еще разъ на меня,
Избавь свою Сару отъ пытки напрасной,
    Избавь отъ ножа и огня.

Отецъ мой сказалъ, что законъ Моисея
    Любить запрещаетъ тебя.
Мой другъ, я внимала отцу не блѣднѣя
    Затѣмъ, что внимала любя...

И мнѣ обѣщалъ онъ страданья, мученья
    И ножъ наточилъ роковой
И вышелъ... Мой другъ, берегись его мщенья,
    Онъ будетъ, какъ тѣнь за тобой..

Отцовскаго мщенья ужасны удары,
    Бѣги же отсюда скорѣй!
Тебѣ не измѣнятъ уста твоей Сары
    Подъ хладной рукой палачей.

Бѣги!...» Но на ликъ изъ окна наклоненный
Блеснулъ неожиданный свѣтъ...
И что то сверкало въ рукѣ обнаженной
И мраченъ глухой былъ отвѣтъ;

И тяжкое что-то на камни упало,
И стонъ раздался подъ стѣной;
Въ немъ все улетающей жизнью дышало
И больше, чѣмъ жизнью одной!...

По утру, толпяся, народъ изумленный
Кричалъ и шепталъ объ одномъ:
Тамъ въ домѣ былъ русскій, кинжаломъ пронзенный,
И женщины трупъ подъ окномъ.

Гусаръ.

Гусаръ, ты веселъ и безпеченъ,
Надѣвъ свой красный доломанъ:
Но знай—покой души не вѣченъ,
И счастье на землѣ—туманъ.

Крутя лѣниво усъ задорный,
Ты вспоминаешь стукъ пировъ:
Но берегися думы черной,—
Она чернѣй твоихъ усовъ.

Пускай судьба тебя голубитъ,
И страсть безумная смѣшитъ;
Но и тебя никто не любитъ,
Никто тобой не дорожитъ.

Когда ты, ментикомъ блистая,
Торопишь сѣраго коня,
Не мыслитъ дѣва молодая:
«Онъ здѣсь проѣхалъ для меня».

Когда ты вихремъ на сраженье
Летишь, безчувственный герой,—
Ничье, ничье благословенье
Не улетаетъ за тобой.

Гусаръ! уже-ль душа не слышитъ
Въ тебѣ желанія любви?
Скажи мнѣ, гдѣ твой ангелъ дышитъ?
Гдѣ очи милыя твои?

Молчишь—и умъ твой безнадежнѣй,
Когда полнѣе твой бокалъ...
Увы—зачѣмъ отъ жизни прежней
Ты разомъ сердце оторвалъ!

Ты не всегда былъ тѣмъ, что нынѣ,
Ты жилъ, ты слишкомъ много жилъ,
И лишь съ послѣднею святыней
Ты пламень сердца схоронилъ.

[Это и пять предъидущихъ стихотвореній, были напечатаны въ Саратов Листкѣ 1876 г. №1.]

Я жить хочу! хочу печали,
Любви и счастію на зло;
Онѣ мой умъ избаловали,
И слишкомъ сгладили чело.
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманъ;
Что безъ страданій жизнь поэта?
И что безъ бури океанъ?
Онъ хочетъ жить цѣною муки,
Цѣной томительныхъ заботъ,
Онъ покупаетъ неба звуки,
Онъ даромъ славы не беретъ.

Современникъ 1854 г.№1.Письмо Лермонтова къ Соф.А.Бахметевой]

На прощаніе.

А. Верещагиной.

Non, si j'en crois mon espérance,
J'attends un meilleur avenir.
Je serai malgré la distance
Près de vous par le souvenir.

Errant sur un autre rivage,
De loin je vous suivrai,
Et sur vous si grondait l'orage,
Rappelez moi, je reviendrai.

[Русская Старина 1882 г. №8. Писано при отъѣздѣ поэта въ Петербургъ по выходѣ изъ Московскаго университета. Изъ бумагъ баронессы Гюгель, рожденной Верещагиной.]

[Новгородъ.]

Привѣтствую тебя, воинственныхъ славянъ
Святая колыбель. Пришлецъ изъ чуждыхъ странъ,
Съ восторгомъ я взиралъ на сумрачныя стѣны,
Черезъ которыя столѣтій перемѣны
Безвредно протекли, гдѣ вольности одной
Служилъ тотъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Который отзвонилъ ея уничтоженье
И столько гордыхъ думъ увлекъ въ свое паденье!
Скажи мнѣ, Новгородъ, ужель ихъ больше нѣтъ?
Ужели Волховъ твой не Волховъ прежнихъ лѣтъ?
. . . .

[Современникъ 1857 г. №1. Писано во время путешествія изъ Москвы въ Петербургъ проѣздомъ черезъ Новгородъ.]

Два великана.

Въ шапкѣ золота литаго
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другаго
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о нихъ разсказъ,
И помѣриться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.

Но улыбкою одною
Русскій витязь отвѣчалъ—
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій—и упалъ...
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

Отечественныя Записки 1842г. №1.

Что толку жить?... Безъ приключеній
И съ приключеньями—тоска
Вездѣ, какъ безпокойный геній,
Какъ вѣрная жена, близка!
Прескучно съ шумною толпою,
Сидѣть за каменной стѣною,
Любовь и ненависть искать,
Чтобъ разъ объ этомъ поболтать,
Встрѣчать невольно и повсюду,
Подъ гордой важностью лица,
Въ мужчинѣ глупаго льстеца
И въ каждой женщинѣ—Іуду.
А потрудитесь разсмотрѣть—
Все веселѣе умереть.
Конецъ! Какъ звучно это слово,
Какъ много—мало мыслей въ немъ;
Послѣдній стонъ—и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ. А потомъ?
Потомъ васъ чинно въ гробъ положатъ,
И черви вашъ скелетъ обгложатъ,
А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
Придавитъ монументомъ васъ,
Проститъ вамъ каждую обиду
По добротѣ души своей,
Для пользы вашей—и церквей
Отслужитъ, вѣрно, панихиду,

Которой, я боюсь сказать,
Не суждено вамъ услыхать.
И если вы скончались въ вѣрѣ,
Какъ христіанинъ, то гранитъ
На сорокъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ,
Названье ваше сохранитъ.
Когда жъ стѣснится ужъ кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроютъ смѣлою рукой
И гробъ поставятъ къ вамъ другой.
И молча ляжетъ съ вами рядомъ
Дѣвица нѣжная! Одна,
Мила, покорна, хоть блѣдна...
Но ни дыханіемъ, ни взлядомъ
Не возмутится вашъ покой—
Что за блаженство, Боже мой!

[Русская Старина 1872 г. №2. Это же стихотвореніе въ измѣненномъ видѣ находится въ письмѣ Лермонтова къ М. А. Лопухиной отъ 28 авг. 1832 г.]

Парусъ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокой
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны; вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы! онъ счастія не ищетъ
И не отъ счастія бѣжитъ!
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

[Отечественныя Записки 1841 г. №10. Находится и въ письмѣ Лермонтова къ М. Ал. Лопухиной отъ 2 сентября 1832 г.]

1833—1834.

* *
*

Когда, надеждѣ недоступный,
Не смѣя плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнилъ страданьемъ искупить;
Когда былое ежечасно
Очамъ являлося моимъ,
И все, что свято и прекрасно,
Отозвалося мнѣ чужимъ—
Тогда молитвой безразсудной
Я долго небу докучалъ
И вдругъ услышалъ голосъ чудный:
«Чего ты просишь?» онъ вѣщалъ.
«Ты низко палъ, но я ль виновенъ?
Смири страстей своихъ порывъ,
Будь, какъ другіе, хладнокровенъ,
Будь, какъ другіе, терпѣливъ.
Твое блаженство было ложно,
Ужель мечты тебѣ такъ жаль?
Глупецъ! гдѣ посохъ твой дорожный?
Возьми его, пускайся въ даль.
Пойдешь ли ты черезъ пустыню
Иль городъ пышный и большой,

Не обожай ничью святыню;
Нигдѣ пріютъ себѣ не строй!
Когда тебя во имя Бога
Кто пригласитъ на пиръ простой,
Страшися мирнаго порога
Коснуться грѣшною ногой;
Смотрѣть привыкни равнодушно....»

. . . .

[Неокончено. Первый разъ безъ послѣднихъ пяти строкъ напечатано въ Русской Старинѣ 1872 г. №2 и такъ вошло во всѣ изданія.]

Какая сладость въ мысли: я отецъ!
Такъ говорятъ [иль думаютъ] иные,
Когда съ невѣстой идутъ подъ вѣнецъ,

. . . .

. . . .

Но горе имъ!—въ любви бѣда излишекъ.—
Толпа слюнявыхъ, скверныхъ ребятишекъ
Ихъ окружитъ, какъ шумныхъ пчелъ семья
И свяжетъ ихъ.—Не женитесь, друзья!
Но безъ женитьбы какъ людское сѣмя
Намъ продолжать?—о томъ въ другое время!

Таинственная цѣль есть у людей;
Различными невѣрными путями
Къ ней идутъ всѣ подъ ношею страстей,
Къ ней идутъ всѣ со смѣхомъ и слезами,
Но отстають отцы отъ сыновей.
Любовь отца не встрѣтитъ той же въ сынѣ:
Живыя мысли все живутъ въ чужбинѣ,
На полѣ битвы или подъ окномъ,
Гдѣ видѣлъ онъ головку вечеркомъ
И шаль, и локоть ручки бѣлоснѣжной,
Склонившейся на край окна небрежно.

. . . .

[Какъ и предъидущее, набросано въ тетради географіи юнкерской школы, въ Публичной библіотекѣ.]

---

*
* *

Посреди небесныхъ тѣлъ
Ликъ луны туманной:
Какъ онъ круглъ и какъ онъ бѣлъ,
Точно блинъ съ сметаной.

Кажду ночь она въ лучахъ
Путь проходитъ млечной:
Видно, тамъ, на небесахъ,
Масляница вѣчно!

---

*
* *

Онъ былъ въ краю святомъ,
На хо̀лмахъ Палестины;
Стальной его шеломъ
Изсѣкли сарацины.

Понесъ онъ въ край святой
Цвѣтущія ланиты;
Вернулся онъ домой
Плѣшивый и избитый.

Невѣрныхъ онъ громилъ
Обѣими руками:
Ни женъ ихъ не щадилъ
Ни малыхъ съ стариками.

Встрѣчаясь съ нимъ подчасъ,
Смущалися красотки:
Онъ ихъ ласкалъ не разъ,
Перебирая четки.

Вернулся онъ въ свой домъ
Безъ славы и безъ злата;
Глядитъ—дѣтей содомъ,
Жена его . . . .

Пришибло старика....

[Это и предшествующее стихотвореніе первый разъ напечатано въ Библіографич. Зап. 1861 г. №1.]

На серебряныя шпоры
Я въ раздумiи гляжу;
За тебя, скакунъ мой скорый,
За бока твои дрожу.

Наши предки ихъ не знали
И, гарцуя средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоѣзженныхъ коней.

Но, съ успѣхомъ просвѣщенья,
Вмѣсто грубой старины
Введены изобрѣтенья
Чужеземной стороны.

Въ наше время кормятъ, холятъ,
Берегутъ спинную честь....
Прежде били—нынче колятъ....
Что же выгоднѣй?—Богъ вѣсть!...

Саратовскiй Листокъ 1876 г. №1.

Юнкерская молитва.

Царю небесный!
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня.
Отъ маршировки
Меня избавь,
Въ парадировки
Меня не ставь.
Пускай въ манежѣ
Алёхинъ гласъ
Какъ можно рѣже
Тревожитъ насъ.
Еще моленье

Прошу принять
Въ то воскресенье,
Дай разрѣшенье
Мнѣ опоздать!
Я, Царь всевышній,
Хорошъ ужъ тѣмъ,
Что просьбой лишней
Не надоѣмъ.

[Всегда печаталось не вѣрно; ср. Русскую Мысль 1884 г. №7.— Упоминаемый Алёха это командиръ эскадрона въ школѣ: Александръ Степ. Ступѣевъ.]

Въ рядахъ стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга;
Лишь попъ полковой бормоталъ—и порой
Ревѣла осенняя вьюга.—
Кругомъ кивера, надъ могилой святой
Недвижны, въ туманѣ сверкали,
Уланская шапка да мечъ боевой
На гробѣ досчатомъ лежали.—
И билося сердце въ груди не одно,
И въ землю всѣ очи смотрѣли,
Какъ будто-бы все, что ужъ ей отдано,
Они у ней вырвать хотѣли.
Напрасныя слезы изъ глазъ не текли:
Тоска наши души сжимала,
И горсть роковая прощальной земли,
Упавши на гробъ, застучала.
Прощай, нашъ товарищъ, не долго ты жилъ,
Пѣвецъ съ голубыми очами,
Лишь крестъ деревянный себѣ заслужилъ
Да вѣчную память межъ нами.

А. А. Ѳ.....ву.

О ты, котораго зовутъ
Мошенникъ, пьяница и плутъ,
Подлецъ, баранъ и мародеръ,
На сей листокъ склони свой взоръ
И знай: его не я одинъ,
Но всѣ писали, ...
Есть подлецы, которыхъ бьютъ,
Которымъ въ рожу всѣ плюютъ;
Но, униженные, они
Во тьмѣ свои скрываютъ дни.
А ты оплеванъ, ты и битъ,
Но все хранишь свой гордый видъ.
Въ жилищѣ смрада и . . .
Твои блистаютъ имена;
Но прилагательными ихъ
Я не хочу марать свой стихъ...

[Берл. Изд. 1862 г. Относится къ человѣку, котораго ненавидѣли въ школѣ. Бранныя имена, коими его осыпали, писались всюду: на стѣнахъ, столахъ, паркетахъ; даже на оловянныхъ тарелкахъ и начальство должно было ихъ перелить. «Бараномъ и Мародеромъ» онъ былъ названъ однимъ изъ начальствовавшихъ лицъ, посѣтившихъ школу. Въ послѣдствіи Ѳ. достигъ крупныхъ чиновъ.]

1835.

*
* *

1.

Опять, народные витіи,
За дѣло падшее Литвы
На славу гордую Россіи
Опять, шумя, возстали вы!
Ужъ васъ казнилъ могучимъ словомъ
Поэтъ, возставшій въ блескѣ новомъ
Отъ продолжительнаго сна,
И порицанія покровомъ
Одѣлъ онъ ваши имена.

2.

Что это: вызовъ ли надменный,
На битву бѣшеный призывъ?
Иль голосъ зависти смущенной,
Безсилья злобнаго порывъ?
Да, хитрой зависти ехидна
Васъ пожираетъ; вамъ обидна
Величья нашего заря;
Вамъ солнца Божьяго не видно
За солнцемъ русскаго царя!

3.

Давно привыкшіе вѣнцами
И уваженіемъ играть,

Вы мните грязными руками
Вѣнецъ блестящій запятнать.
Вамъ непонятно, вамъ несродно
Все, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щить
Любви и гордости народной
Отъ васъ вѣнецъ тотъ сохранитъ!

4.

Безумцы жалкіе! вы правы,
Мы чужды ложнаго стыда:
Такъ, нераздѣльны въ дѣлѣ славы
Народъ и царь его всегда.
Велѣньямъ власти благотворной
Мы повинуемся покорно
И вѣримъ нашему царю,
И будемъ всѣ стоять упорно
За честь его, какъ за свою!

5.

. . . .

6.

Но честь Россіи невредима,
И вамъ, смѣясь, внимаетъ свѣтъ!
Такъ въ дни воинственные Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда тріумфомъ шелъ Фабрицій,
И раздавался по столицѣ
Восторга благодарный кликъ,
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ наемный клеветникъ!

[Отрывокъ былъ напечатанъ въ Современникѣ 1854 г.№5.Въ нынѣ печатаемомъ видѣ въ первый разъ въ Библіограф. Зап. 1859 г. №1. Что стихотвореніе писано въ 1835 году, подтверждено показаніемъ Раевскаго въ дѣлѣ о стихахъ Лермонтова на смерть Пушкина; см. Вѣстн. Европы 1837 г. №1.—Строфа 5 не разъискана.]

1836.

Русалка.

1.

Русалка плыла по рѣкѣ голубой,
Озаряема полной луной,
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пѣну волны.

2.

И шумя и крутясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака;
И пѣла русалка—и звукъ ея словъ
Долеталъ до крутыхъ береговъ.

3

И пѣла русалка: «На днѣ у меня
Играетъ мерцаніе дня,
Тамъ рыбокъ златыя гуляютъ стада,
Тамъ хрустальные есть города.

4.

И тамъ на подушкѣ изъ яркихъ песковъ,
Подъ тѣнью густыхъ тростниковъ,
Спитъ витязь, добыча ревнивой волны,
Спитъ витязь чужой стороны.

5.

Разчесывать кольца шелковыхъ кудрей
Мы любимъ во мракѣ ночей,
И въ чело и въ уста мы въ полуденный часъ
Цѣловали красавца не разъ.

6.

Но къ страстнымъ лобзаньямъ, не знаю зачѣмъ,
Остается онъ хладенъ и нѣмъ;
Онъ спитъ—и, склонившись на перси ко мнѣ,
Онъ не дышитъ, не шепчетъ во снѣ!...»

7.

Такъ пѣла русалка надъ синей рѣкой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака.

Отечественныя Записки 1839 г. т III, и Изданіе 1840 г. См примѣч

Еврейская мелодія.

ИЗЪ БАЙРОНА.

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
Вотъ арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудятъ въ струнахъ звуки рая,
И, если не навѣкъ надежды рокъ унесъ,
Онѣ въ груди моей проснутся,
И, если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ—
Онѣ растаютъ и прольются.
Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она;
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ—теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный.

Отечественныя Записки 1839 г. т. IV, и Изданіе 1840

Въ Альбомъ.

ИЗЪ БАЙРОНА.

Какъ одинокая гробница
Вниманье путника зоветъ,
Такъ эта блѣдная страница
Пусть милый взоръ твой привлечетъ.

И если послѣ многихъ лѣтъ
Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ,
И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ,
То думай, что его ужъ нѣтъ,
Что сердце здѣсь похоронилъ онъ.

Отечественныя Записки 1839 г. т IV. и Изданіе 1840 г.

Умирающій гладіаторъ.

J see before me the gladiator lie...
Byron.

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена,
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна,
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ...
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Что̀ знатнымъ и толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ пре́зрѣнъ и забытъ... освистанный актеръ!

И кровь его течетъ—послѣднія мгновенья
Мелькаютъ—близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай...
И родина цвѣтетъ—свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ—возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,

Безчувственной толпы минутною забавой...
«Прости, развратный Римъ!—прости, о край родной!»

Не такъ ли ты, о, европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надеждъ--игралище дѣтей,
Осмѣянный ликующей толпою!

И предъ кончиною ты взоры обратилъ
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно для язвы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ.
Стараясь заглушить послѣднія страданья
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья,
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны.

2 февраля 1836 г.

[Это стихотвореніе напечатано по смерти поэта (Отеч. Зап. 1842 г. №4), и затѣмъ во всѣхъ изданіяхъ безъ второй его части «Не такъ ли ты, о, европейскій міръ» (помѣщенный мною въ 1884 г. въ газетѣ «Русь» №5). Въ рукописи Лермонтовскаго Музея оно находится приготовленнымъ къ печати въ этомъ видѣ съ собственноручными помѣтками поэта и его подписью.]

Къ портрету стараго гусара.

[НИК. ИВ. БУХАРОВУ.]

Смотрите, какъ летитъ, отвагою пылая...
Порой обманчива бываетъ сѣдина:
Такъ мхомъ покрытая бутылка вѣковая
Хранитъ струю кипучаго вина.

[Отеч. Зап. 1843 г. №12. Бухаровъ переведенъ былъ въ лейб.-гвард. гусарскій полкъ изъ конно-егерскаго въ 1830 году и оставался въ немъ до 1847 года, когда былъ уволенъ отъ службы за ранами въ чинѣ генералъ-маіора. Онъ пользовался общею любовью въ полку. Лермонтовъ сдѣлалъ набросокъ къ этому стихотворенію, на коемъ изображенъ Бухаровъ скачущимъ на конѣ.]

Къ Ник. Ив. Бухарову.

Мы ждемъ тебя, спѣши, Бухаровъ,
Брось царскосельскихъ соловьевъ!
Въ кругу товарищей гусаровъ
Обычный кубокъ твой готовъ.
Для насъ въ бесѣдѣ голосистой
Твой смѣхъ пріятнѣй соловья.
Намъ милъ и усъ твой серебристый
И трубка плоская твоя.
Намъ дорога твоя отвага,
Огнемъ душа твоя полна,
Какъ вновь раскупренная влага
Въ бутылкѣ стараго вина.
Столѣтья прошлаго обломокъ,
Межъ насъ остался ты одинъ,
Гусаръ прославленныхъ потомокъ,
Пировъ и битвы гражданинъ.

Въ Молодикѣ 1841 г.

[Эпиграмма на Кукольника.]

Въ Большомъ театрѣ я сидѣлъ.
Давали Скопина. Я слушалъ и смотрѣлъ.
Когда же занавѣсъ при плескахъ опустился,
Тогда сказалъ знакомый мнѣ одинъ:
Что, братецъ, жаль! Вотъ умеръ и Скопинъ!
Ну, право, лучше бъ не родился.

Русская Старина. 1875 г. №9.—См. примѣчанія.

Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ?
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива ль понынѣ?
Все также ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?..

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?..

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Отечественныя Записки 1839 г. т. III, и Изданіе 1840 г. См. примѣч.

1837.

На смерть поэта.

Отмщенье, Государь, отмщенье!
Паду къ ногамъ твоимъ:
Будь справедливъ и накажи убійцу,
Чтобъ казнь его въ позднѣйшіе вѣка
Твой правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ.
(Изъ трагедіи.)

Погибъ поэтъ—невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ,
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде—и убитъ...
Убитъ!!!.. къ чему теперь рыданья,
Пустыхъ похвалъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья?
Судьбы свершился приговоръ.
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ?..
Чтожъ? Веселитесь: онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ;
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ.

Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ: спасенья нѣтъ.
Пустое сердце бьется ровно,—
Въ рукѣ не дрогнулъ пистолетъ...
И что за диво? Издалека,
Подобно сотнѣ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока;
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой законъ и нравы;
Не могъ щадить онъ нашей славы;
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что̀ онъ руку поднималъ!..
И онъ погибъ, и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ, невѣдомый и милый,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной,
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ,—
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей?
И, прежній снявъ вѣнокъ, другой вѣнокъ, терновый,
Увитый лаврами надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шепотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ!
Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять;
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать.

*
* *

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона
Свободы, Генія и Славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона:
Предъ вами судъ и правда, все молчи!...
Но есть, есть Божій судъ, наперсники разврата!
Есть грозный судъ: онъ ждетъ;
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла, онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью—
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

28-го января 1837 г.

[Это стихотвореніе, писанное по случаю смертельной дуэли Пушкина, долго ходило по всей Россіи въ различныхъ спискахъ и подверглось искаженіямъ. Въ печати оно появлялось заграницей,а у насъ впервые въ Библ. Зап. 1858 г. №20, откуда и перепечатывалось въ изданіяхъ Лермонтова безъ эпиграфа. Мы печатаемъ стихотвореніе съ экземпляра, находящагося при «дѣлѣ о стихахъ», окончившемся первою ссылкою поэта на Кавказъ въ началѣ 1837 года. Ср. Вѣстникъ Европы 1887 г. №1. Въ примѣчаніяхъ читатель найдетъ варіанты строкъ согласно прежнимъ изданіямъ.]

Узникъ.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцѣлую,

На коня потомъ вскочу,
Въ степь какъ вѣтеръ улечу.

Но окно тюрьмы высоко;
Дверь тяжелая съ замкомъ;
Черноокая далёко
Въ пышномъ теремѣ своемъ;
Добрый конь въ зеленомъ полѣ
Безъ узды, одинъ, по волѣ
Скачетъ веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру распустивъ.

Одинокъ я—нѣтъ отрады:
Стѣны голыя кругомъ;
Тускло свѣтитъ лучъ лампады
Умирающимъ огнемъ;
Только слышно: за дверями
Звучномѣрными шагами
Ходитъ въ тишинѣ ночной
Безотвѣтный часовой.

[Стихотвореніе это было напечатано въ первый разъ въ Отеч. Зап. 1840 г. и самимъ поэтомъ въ первомъ издан. его стихотвореній (1840) отнесено къ 1837 году. Уже по смерти его стали печататься другіе варіанты. Самъ поэтъ, сдѣлавъ первый набросокъ въ 1832 году, въ минуты отчаянья не разъ возвращался къ сюжету. Обыкновенно въ изданіяхъ встрѣчается варіантъ подъ заглавіемъ «Желаніе», который мы и помѣщаемъ тутъ вмѣстѣ съ двумя другими. Всѣ они имѣютъ особый, другъ отъ друга отличный, характеръ.

Въ двухъ слѣдующихъ редакціяхъ первыя строки каждой строфы совпадаютъ, разница лишь въ послѣдующихъ:]

Желаніе.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Дайте разъ по синю полю
Проскакать на томъ конѣ:
Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ.

Дайте мнѣ челнокъ досчатый
Съ полусгнившею скамьей,
Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой.
Я тогда пущуся въ море
Беззаботенъ и одинъ;
Разгуляюсь на просторѣ
И потѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ дикой прихотью пучинъ:

Дайте мнѣ дворецъ высокой
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ тѣни его широкой
Зрѣлъ янтарный виноградъ,
Чтобъ фонтанъ, не умолкая,
Въ залѣ мраморномъ журчалъ,
И меня, въ мечтаньяхъ рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплялъ и пробуждалъ...

Отечественныя Записки 1841 г. №11.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Я пущусь по дикой степи
И надменно сброшу я
Образованности цѣпи
И вериги бытія.

Дайте мнѣ челнокъ досчатый
Съ полусгнившею скамьей,
Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой.
Я пущуся въ сине море
Въ даль отъ сонныхъ береговъ,
Разгуляюсь на просторѣ
И натѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ злобной прихотью валовъ.

Дайте мнѣ дворецъ высокой
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ тѣни его широкой

Билъ жемчужный водопадъ:
Передъ звучными струями
Я лѣниво растянусь
И надъ прежними мечтами,
Засыпая, посмѣюсь.

[Русская Старина 1882 г. №8. Еще разъ стихотвореніе это писано въ слѣдующемъ видѣ]:

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня.
Чтобъ я съ ней по синю полю
Ускакалъ на томъ конѣ...
Дайте волю, волю, волю—
И ненадо счастья мнѣ.

[Сравн. мою статью въ Русской Мысли 1883 г. №4, стран. 69 и тамъ-же прим. 38].

Сосѣдъ.

Кто бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
Люблю тебя, какъ друга юныхъ лѣтъ,
Тебя, товарищъ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навѣки мы разлучены съ тобой:
Стѣной теперь,—а послѣ тайной.

Когда зари румяный полусвѣтъ
Въ окно тюрьмы прощальный свой привѣтъ
Мнѣ, умирая, посылаетъ,
И опершись на звучное ружье,
Нашъ часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпаетъ,

Тогда, чело склонивъ къ сырой стѣнѣ,
Я слушаю—и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются.

О чемъ они—не знаю: но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...

И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь—
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желанiй и страстей,
И кровь кипитъ—и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

Изданiе 1840 г.

---

*
* *

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что страдалъ:
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

Имъ сердце въ чувствахъ дастъ отчетъ,
У нихъ попроситъ сожалѣнья—
И пусть меня накажетъ Тотъ,
Кто изобрѣлъ мои мученья.

Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ;
Пускай шумитъ волна морей—
Утесъ гранитный не повалитъ.

Его чело межъ облаковъ;
Онъ двухъ стихiй жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не ввѣритъ думы.

Вчера и Сегодня 1845 г. №1.

---

*
* *

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою.
Я зналъ—ударъ судьбы меня не обойдетъ,
Я зналъ, что голова, любимая тобою,
Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
Я говорилъ тебѣ: ни счастія ни славы
Мнѣ въ мірѣ не найти. Настанетъ часъ кровавый,
И я паду—и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній,
И я погибну безъ слѣда
Моихъ надеждъ, моихъ мученій...
Но я безъ страха жду довременный конецъ;
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.
Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый,
Пускай! я имъ не дорожилъ!...
. . . .

Отечественныя Записки 1845 г. №2. и Вчера и Сегодня.

Бородино.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»

—Да, были люди въ наше время,
Не то что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля..
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денёкъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны,
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

Современникъ 1837 г. №2 и Изданіе 1840 г. Сравни Поле Бородина на стр 154.

---

*
* *

Разстались мы; но твой портретъ
Я на груди моей храню:
Какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ,
Онъ душу радуетъ мою.

И новымъ преданный страстямъ,
Я разлюбить его не могъ:
Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ!

Изданіе 1840 г.

[КОНЕЦЪ ЗАТЕРЯННАГО СТИХОТВОРЕНІЯ.]

. . . .
Свершитъ блистательную тризну
Потомокъ поздній надъ тобой,
И съ непритворною слезой
Промолвитъ: «онъ любилъ отчизну!»

Великій мужъ! здѣсь нѣтъ награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небѣ сыщутъ взгляды
И не найдутъ среди людей.
Но безпристрастное преданье
Твой славный подвигъ сохранитъ
И, услыхавъ твое названье,
Твой сынъ душою закипитъ.

См. примѣчанія.

Молитва странника.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью иль покаяніемъ,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго;
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой заступницѣ міра холоднаго.

Окружи счастіемъ душу достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.

Срокъ ли приблизится часу прощальному
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

Изданіе 1840 г. См. прим.

---

*
* *

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда, росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ—

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога....

Изданіе 1840 г.

Гусару поэту.

А. Л. П—ву.

Росписку просишь ты, гусаръ,—
Я получилъ твое посланье;
Родилось въ сердцѣ упованье,
И легче сталъ судьбы ударъ;
Твои плѣнительны картины
И дерзкой списаны рукой;
Въ твоихъ стихахъ есть запахъ винный
А рифмы льются . . . .

. . . . . грязная свобода
Тебя въ пророки избрала;
Давно для глазъ твоихъ природа
Покровъ обманчивый сняла;
Чуть тронешь ты жезломъ волшебнымъ
Хоть отвратительный предметъ,
Стихи звучатъ ключемъ цѣлебнымъ,
И люди шепчутъ: онъ поэтъ!

Такъ нѣкогда въ степи безводной
Премудрый пастырь Ааронъ
Услышалъ плачъ и вопль народной,
И жезлъ священный поднялъ онъ;
И на челѣ его угрюмомъ
Надежды лучъ блеснулъ живой,
И тронулъ камень онъ нѣмой,
И брызнулъ ключъ съ привѣтнымъ шумомъ
Новорожденною струей.

[Печаталась только послѣдняя строфа. (Русская Старина 1875 г. №9). Въ рукописи (Чертковской.библ.) нѣтъ заглавія. Стихотвореніе это писано къ товарищу Лермонтова по гусарскому полку А. Л. П—ву, впослѣдствіи занимавшему постъ шефа жандармовъ. Въ молодости онъ писалъ стихи, и Лермонтовъ называлъ его въ шутку «Гусаромъ поэтомъ» или «Мечтателемъ». Ему то, по увѣренію самого г. П—ва, Лермонтовъ посвятилъ извѣстное стихотвореніе «Не вѣрь себѣ, мечтатель молодой» и прислалъ его съ надписью «Мечтателю». Въ его же имѣніи «Семидубравномъ» Лермонтовъ положилъ на ноты свою «Казацкую колыбельную пѣсню».]

Ребенку.

ВЪ АЛЬБОМЪ АРК. ПАВЛ. ПЕТРОВУ.

Ну, что скажу тебѣ я спросту?
Мнѣ не съ-руки хвала и лесть:
Дай Богъ тебѣ побольше росту—
Другія качества всѣ есть.

[Петровъ былъ женатъ на Хастатовой, двоюродной теткѣ поэта. Русскій Архивъ 1864 г. №10.]

Казбеку.

Спѣша на сѣверъ издалека
Изъ теплыхъ и чужихъ сторонъ,
Тебѣ, Казбекъ, о стражъ Востока,
Принесъ я—странникъ—свой поклонъ.

Чалмою бѣлою отъ вѣка
Твой лобъ наморщенный увитъ,
И гордый ропотъ человѣка
Твой гордый миръ не возмутитъ.

Но сердца тихаго моленье
Да отнесутъ твои скалы
Въ надзвѣздный край, въ твое владѣнье—
Къ престолу вѣчному Аллы.

Молю, да снидетъ день прохладный
На знойный долъ и пыльный путь,
Чтобъ мнѣ въ пустынѣ безотрадной
На камнѣ въ полдень отдохнуть;

Молю, чтобъ буря не застала,
Гремя въ нарядѣ боевомъ,
Въ ущельѣ мрачнаго Дарьяла
Меня съ измученнымъ конемъ.

Но есть еще одно желанье...
Боюсь сказать... душа дрожитъ...
Чтò... если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ!

Найду ль тамъ прежнія объятья?
Старинный встрѣчу ли привѣтъ?
Узнаютъ ли друзья и братья
Страдальца послѣ многихъ лѣтъ?

Или, среди могилъ холодныхъ,
Я наступлю на прахъ родной
Тѣхъ добрыхъ, пылкихъ, благородныхъ,
Дѣлившихъ молодость со мной?

О! если такъ... своей метелью,
Казбекъ, засыпь меня скорѣй,
И прахъ бездомный по ущелью
Безъ сожалѣнія развѣй!

Вчора и Сегодня 1845 г. №1. См. прим.

Кинжалъ.

Люблю тебя, булатный мой кинжалъ,
Товарищъ свѣтлый и холодный.
Задумчивый грузинъ на месть тебя ковалъ,
На грозный бой точилъ черкесъ свободный.

Лилейная рука тебя мнѣ поднесла
Въ знакъ памяти, въ минуту разставанья,
И въ первый разъ не кровь вдоль по тебѣ текла,
Но свѣтлая слеза—жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мнѣ,
Исполнены таинственной печали,
Какъ сталь твоя при трепетномъ огнѣ,
То вдругъ тускнѣли, то сверкали.

Ты данъ мнѣ въ спутники, любви залогъ нѣмой,
И страннику въ тебѣ примѣръ не безполезный:
Да, я не измѣнюсь и буду твердъ душой
Какъ ты, какъ ты, мой другъ желѣзный.

Отечественныя Записки 1841 г. №5.

---

*
* *

Она поетъ—и звуки таютъ,
Какъ поцѣлуи на устахъ;
Глядитъ—и небеса играютъ
Въ ея божественныхъ глазахъ;
Идетъ ли—всѣ ея движенья,
Иль молвитъ слово—всѣ черты
Такъ полны чувства, выраженья,
Такъ полны дивной простоты!

Библіограф. Записки. 1859 г. №1.

---

*
* *

Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ
Эмалью голубой;
Какъ поцѣлуй, звучитъ и таетъ
Твой голосъ молодой.

За звукъ одинъ волшебной рѣчи,
За твой единый взглядъ
Я радъ отдать красавца сѣчи—
Грузинскій мой булатъ...

И онъ порою сладко блещетъ,
Заманчиво звучитъ;
При звукѣ томъ душа трепещетъ,
И въ сердцѣ кровь кипитъ.

Но жизнью бранной и мятежной
Не тѣшусь я съ тѣхъ поръ,
Какъ услыхалъ твой голосъ нѣжный
И встрѣтилъ милый взоръ!

Библіогр. Записки 1859 г. №1.

---

*
* *

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,
И какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной!...
Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей,
Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
Надеждамъ юности моей?

Землѣ я отдалъ дань земную
Любви, надеждъ, добра и зла.
Начать готовъ я жизнь другую...
Молчу и жду... Пора пришла...
Я въ мірѣ не оставлю брата;
И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя:
Какъ ранній плодъ, лишенный сока
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія

Вчера и Сегодня 1845 г. №1.

———— —

1838.

Поэтъ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ:
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ—
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба;
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь родныхъ ноженъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ—
Увы! безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,

На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньѣ?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блёстки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

1837 или 1838г. См. прим.

Дума.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ-тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно-малодушны,
И передъ властію презрѣнные рабы.

Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!

Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Отечественныя Записки 1839 г. т. III, и Изданіе 1840 г.

* Одной лишь гордости безсмысленно послушны
И власти тягостной бездушные рабы.

———————

Къ М. Н. Цейдлеру.

[экспромптъ.]

Русскій нѣмецъ бѣлокурый
Ѣдетъ въ дальнюю страну,
Гдѣ косматые гяуры
Вновь затѣяли войну.
Ѣдетъ онъ, томимъ печалью,
На могучій пиръ войны;
Но иной, не бранной *сталью*,
Мысли юноши полны

[Атеней 1858 г. №48.—М. Н. Цейдлеръ товарищъ Лермонтова по школѣ подпрапорщиковъ и Гродненскому гусарскому полку]

1839.

Не вѣрь себѣ.

Que nous font après tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tout les baladins, qui dansent sur la phrase?
A. Barbier. (Prologue).

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой,
Какъ язвы бойся вдохновенья...
Оно—тяжелый бредъ души твоей больной,
Иль плѣнной мысли раздраженье.
Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!

Случится ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
Открыть въ душѣ давно-безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный—
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.

Закрадется ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой—
Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То, гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На-что̀ намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной.

А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!...
Повѣрь: для нихъ смѣшенъ твой плачъ и твой укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ...

[Отечеств. Записки 1839 г. т. III и Изданіе 1840 г. См. по поводу этого стихотвореніе «Гусару поэту» стр. 265 и прим. къ нему.]

Три пальмы.

ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНІЕ.

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли
Пылающей грудью ко влагѣ студёной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой,
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ?...
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!...

И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонкòвъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня.
Арабъ горячилъ воронаго коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.

Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ;
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ—
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Отечественныя Записки 1839г. и Изданіе 1840г.

Молитва.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,

И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

Отечественныя Записки 1839 г. и Изданіе 1840.

Дары Терека.

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но, по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ,
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчитъ:

«Разступись, о старецъ-море,
Дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ.
Я родился у Казбека,
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.
Я, сынамъ твоимъ въ забаву,
Разорилъ родной Дарьялъ,
И валуновъ имъ, на славу,
Стадо цѣлое пригналъ.»

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И опять, ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ:

«Я привезъ тебѣ гостинецъ!
То гостинецъ не простой:
Съ поля битвы кабардинецъ,
Кабардинецъ удалой.

Онъ въ кольчугѣ драгоцѣнной,
Въ налокотникахъ стальныхъ:
Изъ корана стихъ священный
Писанъ золотомъ на нихъ.
Онъ угрюмо сдвинулъ брови,
И усовъ его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взоръ открытый, безотвѣтный,
Полонъ старою враждой;
По затылку чубъ завѣтный
Вьется черною космой.

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій дремлетъ и молчитъ;
И, волнуясь, буйный Терекъ
Старцу снова говоритъ:

«Слушай, дядя: даръ безцѣнный!
Что̀ другіе всѣ дары?
Но его отъ всей вселенной
Я таилъ до сей поры.
Я примчу къ тебѣ съ волнами
Трупъ казачки молодой,
Съ темно-блѣдными плечами,
Съ свѣтло-русою косой.
Грустенъ ликъ ея туманный,
Взоръ такъ тихо, сладко спитъ,
А на грудь изъ малой раны
Струйка алая бѣжитъ.
По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.

Осѣдлалъ онъ воронаго,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злаго,
Сложитъ голову свою.»

Замолчалъ потокъ сердитый,
И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старикъ во блескѣ власти
Всталъ, могучій какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.

Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.

Отечественныя Записки 1839 г. и Изданіе 1840 г.

Памяти.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ОДОЕВСКАГО.

1.

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!

2.

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ,
Поэзіи и счастья... Но, безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной,
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Но до конца, среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

3.

Но онъ погибъ далёко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что̀ ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый...

4.

И было ль то—привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,
Кто скажетъ намъ?... Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои и мнѣнья
И думы—все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—
Куда они? зачѣмъ? откуда?—кто ихъ спроситъ...

5.

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной..
Чтò за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье:
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Коварныя его отвергнулъ цѣпи:
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи,

6.

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
И, вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А море Черное шумитъ, не умолкая.

[Полное собраніе стихотвореній А. И. Одоевскаго издано въ 1883 г. Декабристомъ Розеномъ. Одоевскій въ числѣ Декабристовъ былъ сосланъ въ Сибирь, а въ 1837 году переведенъ рядовымъ на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, умеръ 10 октября 1839 г. на восточномъ берегу Чернаго моря во время экспедиціи.—Напечатано это стихотвореніе въ изданіи 1840 г.]

[Казотъ].

На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ,
Одинъ, покинутый безумными друзьями
И въ даль грядущаго, закрытую предъ нами,
Духовный взоръ его смотрѣлъ.

И помню я, исполнены печали,
Средь звона чашъ, и криковъ, и рѣчей,
И пѣсенъ праздничныхъ, и хохота гостей,
Его слова пророчески звучали.

Онъ говорилъ: «Ликуйте, о друзья!
Что̀ вамъ судьбы дряхлѣющаго міра?
Надъ вашей головой колеблется сѣкира,
Но что жъ?.. изъ васъ одинъ ее увижу я...

[Стихотвореніе не окончено. Въ рукописи Чертковской библіот. заглавія нѣтъ. Напечатано въ первый разъ въ Современникѣ 1854 г. №1. Казотъ—французскій писатель, дѣйствовавшій противъ революціи, казненъ 25 сентября 1792 года. Почему въ изданіи 1863 г. дано стихотворенію заглавіе «Казотъ» — непонятно.]

Къ Гр. Эм. Кар. Мусиной-Пушкиной.

[рожд. шернваль.]

Графиня Эмилія
Бѣлѣе, чѣмъ лилія;
Стройнѣй ея таліи
На свѣтѣ не встрѣтится,
И небо Италіи
Въ глазахъ ея свѣтится;
Но сердце Эмиліи
Подобно Бастиліи.

См. примѣчанія.

[На рожденіе сына у А. А. Лопухина.]

Ребенка милаго рожденье
Привѣтствуетъ мой запоздалый стихъ.
Да будетъ съ нимъ благословенье
Всѣхъ ангеловъ небесныхъ и земныхъ!
Да будетъ онъ отца достоинъ;
Какъ мать его, прекрасенъ и любимъ;
Да будетъ духъ его спокоенъ
И въ правдѣ твердъ, какъ Божій херувимъ.
Пускай не знаетъ онъ до срока
Ни мукъ любви ни славы жадныхъ думъ;
Пускай глядитъ онъ безъ упрека
На ложный блескъ и ложный міра шумъ;
Пускай не ищетъ онъ причины
Чужимъ страстямъ и радостямъ своимъ,
И выйдетъ онъ изъ свѣтской тины
Душою бѣлъ и сердцемъ невредимъ!

Смотри письмо къ А. А. Лопухину. №26.

1840.

Первое января.

Какъ часто, пестрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шепотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей—
Приличьемъ стянутыя маски;

Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ,
Съ небрежной смѣлостью, красавицъ городскихъ
Давно-безтрепетныя руки—
Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.

И, если какъ нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться, памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;

Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.

Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье.

Такъ, царства дивнаго всесильный господинъ,
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.

Когда жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою,
На праздникъ нѐзванную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!...

Отечественныя Записки 1840 г. №1. и Изданіе 1840 г.

Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою,
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь—будетъ время—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;

Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Отечественныя Записки 1840 г. №2 и Изданіе 1840 г.

Журналистъ, читатель и писатель.

Les poëtes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte.
Inédit.

Комната писателя; опущенныя шторы. Онъ сидитъ въ большихъ креслахъ передъ каминомъ. Читатель, съ сигарой, стоитъ спиной къ камину. Журналистъ входитъ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Я очень радъ, что вы больны:
Въ заботахъ жизни, въ шумѣ свѣта
Теряетъ скоро умъ поэта
Свои божественные сны.
Среди различныхъ впечатлѣній,
На мелочь душу размѣнявъ,
Онъ гибнетъ жертвой общихъ мнѣній.
Когда ему въ пылу забавъ
Обдумать зрѣлое творенье?...
За то какая благодать,
Коль небо вздумаетъ послать
Ему изгнанье, заточенье,
Иль даже долгую болѣзнь:
Тотчасъ въ его уединеньи
Раздастся сладостная пѣснь!
Порой влюбляется онъ страстно
Въ свою нарядную печаль...
Ну, что̀ вы пишете? Нельзя ль
Узнать?

ПИСАТЕЛЬ.

Да ничего...

ЖУРНАЛИСТЪ.

Напрасно!

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать? Востокъ и югъ
Давно описаны, воспѣты;
Толпу ругали всѣ поэты,
Хвалили всѣ семейный кругъ;
Всѣ въ небеса неслись душою,
Взывали съ тайною мольбою
Къ N. N., невѣдомой красѣ,—
И страшно надоѣли всѣ.

ЧИТАТЕЛЬ.

И я скажу—нужна отвага
Чтобы открыть... хоть вашъ журналъ
[Онъ мнѣ ужъ руки обломалъ]:
Во-первыхъ сѣрая бумага;
Она, быть можетъ, и чиста,
Да какъ-то страшно безъ перчатокъ...
Читаешь—сотни опечатокъ!
Стихи—такая пустота:
Слова безъ смысла, чувства нѣту,
Натянутъ каждый оборотъ;
Притомъ—сказать ли по секрету?
И въ риѳмахъ часто недочетъ.
Возьмешь ли прозу?—переводъ,
А если вамъ и попадутся
Разсказы на родимый ладъ,
То вѣрно надъ Москвой смѣются,
Или чиновниковъ бранятъ.
Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышатъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ...
Когда же на Руси безплодной,
Разставшись съ ложной мишурой,
Мысль обрѣтетъ языкъ простой
И страсти голосъ благородный?

ЖУРНАЛИСТЪ.

Я точно то же говорю;
Какъ вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я:
Прочтите критику мою.

ЧИТАТЕЛЬ.

Читалъ я. Мелкія нападки
На шрифтъ, виньетки, опечатки,
Намеки тонкіе на то,
Чего не вѣдаетъ никто.
Хотя бъ забавно было свѣту!...
Въ чернилахъ вашихъ, господа,
И желчи ѣдкой даже нѣту—
А просто грязная вода.

ЖУРНАЛИСТЪ.

И съ этимъ надо согласиться.
Но вѣрьте мнѣ, душевно радъ
Я былъ бы вовсе не браниться—
Да какъ же быть?... меня бранятъ!
Войдите въ наше положенье!
Читаетъ насъ и низшій кругъ:
Нагая рѣзкость выраженья
Не всякій оскорбляетъ слухъ;
Приличье, вкусъ—все такъ условно;
А деньги всѣ вѣдь платятъ ровно!
Повѣрьте мнѣ: судьбою несть
Даны намъ тяжкія вериги,
Скажите, каково прочесть
Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги—
И все зачѣмъ? Чтобъ вамъ сказать,
Что ихъ ненадобно читать!...

ЧИТАТЕЛЬ.

За то какое наслажденье,
Какъ отдыхаетъ умъ и грудь,
Коль попадется какъ нибудь
Живое, свѣтлое творенье!

Вотъ, напримѣръ, пріятель мой:
Владѣетъ онъ изряднымъ слогомъ;
И чувствъ и мыслей полнотой
Онъ одаренъ всевышнимъ Богомъ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Все это такъ, да вотъ бѣда:
Не пишутъ эти господа.

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать?... Бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя,
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны,
И риѳмы дружныя, какъ волны
Журча, одна вослѣдъ другой
Несутся вольной чередой.
Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ проснувшейся едва:
На мысли, дышащія силой,
Какъ жемчугъ, нижутся слова...
Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.
Но эти странныя творенья
Читаетъ дома онъ одинъ,
И ими послѣ, безъ зазрѣнья,
Онъ затопляетъ свой каминъ.
Ужель ребяческія чувства,
Воздушный, безотчетный бредъ
Достойны строгаго искусства?
Ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ...

Бываютъ тягостныя ночи:
Безъ сна, горятъ и плачутъ очи,
На сердцѣ—жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлетъ;

Невольный страхъ власы подъемлетъ;
Болѣзненный, безумный крикъ
Изъ груди рвется—и языкъ
Лепечетъ громко, безъ сознанья,
Давно забытыя названья;
Давно забытыя черты
Въ сіяньи прежней красоты
Рисуетъ память своевольно:
Въ очахъ любовь, въ устахъ обманъ—
И вѣришь снова имъ невольно,
И какъ-то весело и больно
Тревожить язвы старыхъ ранъ...
Тогда пишу. Диктуетъ совѣсть,
Перомъ сердитый водитъ умъ:
То соблазнительная повѣсть
Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ;
Картины хладныя разврата,
Преданья глупыхъ юныхъ дней,
Давно безъ пользы и возврата
Погибшихъ въ омутѣ страстей,
Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ,
Среди обманщицъ и невѣждъ,
Среди сомнѣній ложно-черныхъ
И ложно-радужныхъ надеждъ.
Судья безвѣстный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьемъ скрашенный порокъ
Я смѣло предаю позору;
Неумолимъ я и жестокъ...
Но, право, этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному взору
Я не рѣшуся показать...
Скажите жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь,
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?

Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О нѣтъ! преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю...

С.Петербургъ, 21 марта 1840. Подъ арестомъ на арсенальной гауптвахтѣ.

Отечественныя Записки 1840 г. №4 и Изданіе 1840

Воздушный корабль.

изъ цедлица.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели
И бури ему нипочемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,

Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится,
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ,
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры—
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили,
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына—
Опору въ превратной судьбѣ;

Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только—себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ—

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

Отечественныя Записки 1840 г. №4 и Изданіе 1840 г. Цедлицъ (Zedlitz), нѣмецкій поэтъ, современникъ Лермонтова. Извѣстенъ у насъ по переводу его стихотворенія «Ночной смотръ» Жуковскимъ. Неправильно писался въ изданіяхъ Зейдлицъ. Стихотвореніе, вдохновившее Лермонтова, называется: „Das Geisterschiff".

И скучно и грустно...

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!
Любить... но кого же!... на время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...
Что страсти?—вѣдь рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка...

Литературная Газета 1840 г. №6 и Изданіе 1840 г.

Ребенку.

О грёзахъ юности томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если бъ знало ты, какъ я тебя люблю!
Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя,
И быстрые глаза, и кудри золотыя,
И звонкій голосокъ!—Не правда ль, говорятъ,
Ты на нее похожъ?—Увы! года летятъ;
Страданія ее до срока измѣнили,
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошенныя ласки?
Не слишкомъ часто ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла ль?
Смотри жъ, не говори ни про мою печаль
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ, иль встревожитъ...

Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней—скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя?—звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если, какъ нибудь, когда нибудь, случайно
Узнаешь ты его—ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

Отечественныя Записки 1840 г. №10 и Изданіе 1840 г.

Отчего.

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

Отечественныя Записки 1840 г. №6 и Изданіе 1840 г.

Благодарность.

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

Отечественныя Записки 1840 г. №6 и Изданіе 1840 г.

Изъ гёте.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Отечественныя Записки 1840 г. №7 и Изданіе 1840 г.

---

*
* *

КН. МАРЬѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ЩЕРБАТОВОЙ.

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла.

Но юга роднаго
На ней сохранилась примѣта
Среди ледянаго,
Среди безпощаднаго свѣта.

Какъ ночи Украйны
Въ мерцаніи звѣздъ незакатныхъ—
Исполнены тайны
Слова ея устъ ароматныхъ.

Прозрачны и сини,
Какъ небо тѣхъ странъ, ея глазки;
Какъ вѣтеръ пустыни,
И нѣжатъ и жгутъ ея ласки.

И зрѣющей сливы
Румянецъ на щёчкахъ пушистыхъ,
И солнца отливы
Играютъ въ кудряхъ золотистыхъ.

И, слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надежду на Бога
Хранитъ она дѣтскую вѣру.

Какъ племя родное,
У чуждыхъ опоры не проситъ,
И въ гордомъ покоѣ
Насмѣшку и зло переноситъ.

От дерзкаго взора
Въ ней страсти не вспыхнутъ пожаромъ:
Полюбитъ не скоро,
За то не разлюбитъ ужъ даромъ.

[Отеч.Зап.1842 г.№1.Кн. М. А Щербатова, урожд. Штеричъ, во второй разъ замужемъ за Лутковскимъ.]

Марьѣ Павловнѣ Соломирской.

Надъ бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читаетъ на воротахъ рая
Узоры надписи святой;

И часто тайную отраду
Находитъ мукѣ неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Такъ, разбирая въ заточеньѣ
Доселъ мнѣ чуждыя черты,
Я былъ свободенъ на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогомъ вольности желанной,
Лучемъ надежды въ морѣ бѣдъ
Мнѣ сталъ тогда вашъ безъимянный,
Но вѣчно-памятный, привѣтъ.

Отечественныя Записки 1842 г. №10.

Портретъ свѣтской женщины.

[гр. а. к. воронцовой-дашковой.]

Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва;
Нарядна, какъ бабочка лѣтомъ;
Значенья пустаго слова
Въ устахъ ея полны привѣтомъ.

Ей нравиться долго нельзя:
Какъ цѣпь, ей несносна привычка;
Она ускользнетъ, какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится, какъ птичка.

Таитъ молодое чело
По волѣ—и радость и горе.
Въ глазахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Въ душѣ ея темно, какъ въ морѣ.

То истиной дышетъ въ ней все,
То все въ ней притворно и ложно;
Понять невозможно ее,
За то не любить невозможно.

[Александра Кириловна, урожденная Нарышкина † 1856 г. женщина рѣдкой красоты, пользовавшаяся большимъ успѣхомъ въ свѣтѣ. Первый разъ въ Отеч. Зап. 1840 г. №12. О черновомъ спискѣ и варіантахъ помѣщено въ Библіограф. Зап. 1858 г. стр. 634.]

Графинѣ Ростопчиной.

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули тѣ же сны,
Но что жъ?—Отъ цѣли благородной
Оторванъ бурею страстей,
Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вѣчную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать,
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную ввѣрять...

Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
Въ пустынѣ моря голубой:
Ихъ гонитъ вмѣстѣ вѣтеръ южной;

Но ихъ разрознитъ гдѣ нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодомъ привычнымъ,
Онѣ несутъ брегамъ различнымъ
Безъ сожалѣнья и любви
Свой ропотъ сладостный и томный,
Свой бурный шумъ, свой блескъ заемный
И ласки вѣчныя свои.

[Русская Библіотека 1841 г. т. II. Евд. Петр., рожд. Сушкова † 1858. Стихотвореніе было написано поэтомъ въ альбомѣ, который онъ подарилъ ей въ 1841 году передъ отъѣздомъ на Кавказъ. Если Евдок. Петр. не ошиблась въ своемъ показаніи, то это стихотвореніе надо отнести къ 1841 году. Она посвятила поэту два весьма теплыхъ стихотворенія: «На дорогу» и «Пустой Альбомъ». Лермонтовъ посвятилъ ей еще въ 1830 году два стихотворенія: «Крестъ на скалѣ» и «Додо».]

Александрѣ Осиповнѣ Смирновой.

Безъ васъ, хочу сказать вамъ много,
При васъ, я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго—
И я, въ смущеніи, молчу.
Что жъ дѣлать?... Рѣчью неискусной
Занять вашъ умъ мнѣ не дано..
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

[А. О. Смирнова, рожд. Росетти—другъ Пушкина и особенно Гоголя Стих. въ этомъ видѣ въ первый разъ напечатано въ Отеч. Зап. 1840 г. №10 при жизни поэта. Полный текстъ его, какъ болѣе шуточный и интимный, поэтъ, по желанію Алексан. Осип., тогда не напечаталъ, а появился онъ въ Библ. Зап. 1858 г. №6.]

Въ простосердечіи невѣжды
Короче знать васъ я желалъ,
Но эти сладкія надежды
Теперь я вовсе потерялъ.
Безъ васъ, хочу сказать вамъ много,
При васъ, я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго—
И я, въ смущеніи, молчу.
Стѣсняемъ робостію дѣтской—

Нѣтъ, не впишу я ничего
Въ альбомѣ жизни вашей свѣтской,
Ни даже имя своего.
Мое вранье такъ неискусно,
Что имъ тревожить васъ грѣшно...
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!...

Изъ альбома

Софьи Николаевны Карамзиной.

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы
И бури тайныя страстей.

Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязной
И оглушающій языкъ.

Люблю я, больше годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подъ вечеръ—тихій разговоръ...

Люблю я разговоры ваши,
И «ха-ха-ха!» и «хи-хи-хи»!
Смирновой штучки, фарсы Саши,
И Ишки Мятлева стихи.

[Было напечатано въ Русской Библ. 1841 г. т. II. безъ послѣдней строфы, имѣющей интимный характеръ и указывающей на непринужденность тона и искренность отношеній, коими отличался кружокъ Карамзиныхъ. Здѣсь говорится кромѣ Софьи Ник., близкаго друга поэта, о братѣ ея Ал. Ник. Карамзинѣ, А. О. Смирновой и авторѣ «Курдюковой» Ив. Мятлевѣ.]

Въ альбомъ автору «Курдюковой».

[ИВ. ПЕТР. МЯТЛЕВУ.]

На нашихъ дамъ морозныхъ
Съ досадой я смотрю,
Угрюмыхъ и серьезныхъ
Фигуръ ихъ не терплю.
Вотъ дама Курдюкова!
Ея разсказъ такъ милъ,
Я ôтъ слова до слова
Его бы затвердилъ.
Мой умъ скакалъ за нею,
И часто былъ готовъ
Я броситься на шею
Къ madame de-Курдюковъ.

Отечественныя Записки 1842 г. №9.

Тучи.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Апрѣль 1840.

[Изданіе 1840 г.—Писано въ Петербургѣ, въ квартирѣ Карамзиныхъ, во время прощальнаго вечера передъ выѣздомъ на Кавказъ послѣ дуэли съ де-Барантомъ.]

*
* *

Слышу ли голосъ твой,
Звонкій и ласковый—
Какъ птичка въ клѣткѣ,
Сердце запрыгаетъ.

Встрѣчу ль глаза твои,
Лазурью глубокіе—
Душа имъ на встрѣчу
Изъ груди просится.

И какъ-то весело!
И плакать хочется...
И такъ бы на шею
Тебѣ я кинулся...

Вчора и Сегодня 1845 г. №1.

Валерикъ.

[Посвящается Варварѣ Александровнѣ Бахметевой, рожд. Лопухиной.]

Я къ вамъ пишу случайно; право,
Не знаю какъ и для чего.
Я потерялъ ужъ это право,
И что скажу вамъ?—Ничего!...
Что помню васъ?... Но, Боже правый!
Вы это знаете давно,
И вамъ, конечно, все равно.
И знать вамъ также нѣту нужды—
Гдѣ я, что̀ я, въ какой глуши?
Душою мы другъ другу чужды...
Да врядъ ли есть родство души!
Страницы прошлаго читая,
Ихъ по порядку разбирая
Теперь остывшимъ умомъ,
Разувѣряюсь я во всемъ;
Смѣшно же сердцемъ лицемѣрить
Передъ собою столько лѣтъ;
Добро бъ, еще морочить свѣтъ...
Да и притомъ, что̀ пользы вѣрить

Тому, чего ужъ больше нѣтъ?
Безумно ждать любви заочной!...
Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ...
Но я васъ помню—да и точно
Я васъ никакъ забыть не могъ!
Во-первыхъ, потому что много
И долго, долго васъ любилъ,
Потомъ страданьемъ и тревогой
За дни блаженства заплатилъ,
Потомъ въ раскаяньи безплодномъ
Влачилъ я цѣпь тяжелыхъ лѣтъ,
И размышленіемъ холоднымъ
Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ...
Съ людьми сближаясь осторожно,
Забылъ я шумъ младыхъ проказъ,
Любовь, поэзію... но васъ
Забыть мнѣ было невозможно!
И къ мысли этой я привыкъ;
Мой крестъ несу я безъ роптанья:
То иль другое наказанье—
Не все ль одно! Я жизнь постигъ.
Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ,
За все равно я благодаренъ;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу!...
Быть можетъ, небеса Востока
Меня съ ученьемъ ихъ пророка
Невольно сблизили. Притомъ
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы, ночь и днемъ,
Все, размышленію мѣшая,
Приводитъ въ первобытный видъ
Больную душу; сердце спитъ,
Простора нѣтъ воображенью,
И нѣтъ работы головѣ...
За то лежишь въ густой травѣ
И дремлешь подъ широкой тѣнью

Чинаръ иль виноградныхъ лозъ.
Кругомъ бѣлѣются палатки;
Казачьи тощія лошадки
Стоятъ рядкомъ, повѣся носъ;
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга;
Едва дымятся фитили;
Попарно цѣпь стоитъ вдали,
Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
Вотъ—разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ ходили
Въ Чечню, въ Аварію, къ горамъ,
Какъ тамъ дрались, какъ мы ихъ били,
Какъ доставалося и намъ...
И вижу я, неподалеку
У рѣчки, слѣдуя пророку,
Мирной татаринъ свой намазъ
Творитъ, не подымая глазъ.
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе:
Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ,
Подобный цвѣту наговицъ,
Ихъ шапки, рукава худые,
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.
Чу!—дальній выстрѣлъ... прожужжала
Шальная пуля... славный звукъ!...
Вотъ крикъ—и снова все вокругъ
Затихло... Но жара ужъ спала,
Ведутъ коней на водопой,
Зашевелилася пѣхота;
Вотъ проскакалъ одинъ, другой...
Шумъ, говоръ... «Гдѣ вторая рота?»
«Что? Вьючить?»—«Что же капитанъ?»
«Повозки выдвигайте живо!»
«Савельичъ!...»—«Ой ли?»—«Дай огниво!»
Подъемъ ударилъ барабанъ;
Гудитъ музыка полковая;

Между колоннами въѣзжая,
Звенятъ орудья; генералъ
Впередъ со свитой поскакалъ;
Разсыпались въ широкомъ полѣ,
Какъ пчелы, съ гикомъ казаки;
Ужъ показалися значки
Тамъ, на опушкѣ—два и болѣ;
А вотъ въ чалмѣ одинъ мюридъ,
Въ черкескѣ красной ѣздитъ важно,
Конь свѣтло-сѣрый весь кипитъ;
Онъ машетъ, кличетъ... Гдѣ отважный?
Кто выйдетъ съ нимъ на смертный бой?...
Сейчасъ... Смотрите: въ шапкѣ черной
Казакъ пустился гребенской,
Винтовку выхватилъ проворно,
Ужъ близко... выстрѣлъ... легкій дымъ...
«Эй вы, станичники, за нимъ!...»
«Что̀? раненъ?»—«Ничего, бездѣлка!»—
И завязалась перестрѣлка.

Но въ этихъ сшибкахъ удалыхъ
Забавы много, толку мало;
Прохладнымъ вечеромъ, бывало,
Мы любовалися на нихъ
Безъ кровожаднаго волненья,
Какъ на трагическій балетъ;
За то видалъ я представленья,
Какихъ у васъ на сценѣ нѣтъ...

Разъ—это было подъ Гехами—
Мы проходили темный лѣсъ;
Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркій сводъ небесъ *.

---

* [Первоначально въ рукописи послѣ «Лазурно-яркій сводъ небесъ» было набросано слѣдующее:]

И шли мы въ тишинѣ глубокой,
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокій.
Чечня возстала вся кругомъ;

Намъ былъ обѣщанъ бой жестокой.
Изъ горъ Ичкеріи далекой
Уже въ Чечню на бранный зовъ
Толпы стекались удальцовъ.

У насъ двухъ тысячъ подъ ружьемъ
Не набралось-бы. Слава Богу,
Выходитъ изъ кустовъ обозъ.
Въ цѣпи стрѣльба—но началось
И въ арьергардѣ понемногу.
Вотъ жарче, жарче... Крикъ!... Глядимъ:
Ужъ тащатъ одного,—за нимъ
Другихъ... и много... ружья носятъ
И кличутъ громко лѣкарей!
Ужъ имъ не вмочь—подмоги просятъ;
Да, нашихъ тамъ порядкомъ косятъ...
«Сюда орудіе, скорѣй
Картечи!...» Тихо развернулся
Межъ тѣмъ, въ полянѣ весь отрядъ.
Кругомъ зеленый лѣсъ замкнулся,
Дымится... Свистятъ и жужжатъ
Надъ нами пули.—Передъ нами
Оврагъ, рѣка, по берегамъ
Валежникъ, бревна здѣсь и тамъ,
Но ни души... Кусты вѣтвями
Сплелись... мы ближе подошли,
Орудій восемь навели
На дерева, въ оврагъ, безъ цѣли:
Гранаты глухо загудѣли
И лопнули... Отвѣта нѣтъ...
Мы ближе... Что за притча, право?
Вотъ отъ ружья какъ будто свѣтъ,
Вотъ кто-то выбѣжалъ направо,
Мелькнулъ и скрылся врагъ лукавой...
Мы снова тронулись впередъ,
Послали выстрѣлъ имъ прощальный.
И ружей вдругъ изъ семисотъ
Осыпалъ насъ огонь батальный,
И затрещало... По бокамъ
И впереди, и здѣсь, и тамъ
Валятся цѣлыми рядами
Второй и третій батальонъ:
Какъ птицъ, насъ бьютъ со всѣхъ сторонъ.
«Не мѣшкать, братцы! молодцами!...»
Кровь загорѣлася въ груди... и т. д.,

какъ въ текстѣ см. стр. 310, 3-й стихъ снизу

Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ
И дымъ ихъ то вился столбомъ,
То разстилался облаками;
И оживилися лѣса:
Скликàлись дико голоса
Подъ ихъ зелеными шатрами...
Едва лишь выбрался обозъ
Въ поляну—дѣло началось.
Чу! въ арьергардъ орудье просятъ;
Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ,
Вотъ тащатъ за ноги людей
И кличутъ громко лѣкарей...
И вотъ изъ лѣса, изъ опушки,
Вдругъ съ гикомъ кинулись на пушки...
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ... Впереди же
Все тихо... Тамъ, между кустовъ
Бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе;
Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись... молчатъ!
Но вотъ, надъ бревнами завала
Ружье какъ будто заблистало,
Потомъ мелькнуло шапки двѣ—
И вновь все спряталось въ травѣ.
То было грозное молчанье;
Недолго длилося оно,
Но въ этомъ страшномъ ожиданьѣ
Забилось сердце не одно...
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ рядами.
Что нужды? Здѣшніе полки
Народъ испытанный...«Въ штыки!...
Дружнѣе!»—раздалось за нами.
Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди;
Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня.

Ура!—и смолкло.. Вонъ кинжалы...
Въ приклады!... и пошла рѣзня...
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, мо̀лча, съ грудью грудь...
Ручей тѣлами запрудили.
Хотѣлъ воды я зачерпнуть—
И зной и битва утомили
Меня—но мутная волна
Была тепла, была красна... *.

На берегу подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ первый рядъ,
Стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ
Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слезы капали съ рѣсницъ,
Покрытыхъ пылью. На шинели,
Спиною къ дереву, лежалъ
Ихъ капитанъ... Онъ умиралъ:
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно; онъ шепталъ:

* [Слѣдующіе 26 стиховъ текста, до словъ «Ужь стихло все» первоначально читались такъ:]

Тогда на самомъ мѣстѣ сѣчи,
У батареи, я прилегъ
Безъ силъ и чувствъ: я изнемогъ,
Но слышалъ, какъ просилъ картечи
Артиллеристъ. Онъ приберегъ
Одинъ зарядъ на крайній случай.
Ужъ раза три чеченцы тучей
Кидались шашки на голо.
Прикрытье все почти легло.
Я слушалъ очень равнодушно;
Хотѣлось спать и было душно.
Межъ-тѣмъ товарищей, друзей
Со вздохомъ возлѣ называли;
Но не нашелъ въ душѣ моей
Я сожалѣнья ни печали.

«Спаситс, братцы!.. Тащатъ въ горы!...
Постойте!... Гдѣ же генералъ?...
Не слышу...» Долго онъ стоналъ,
Но все слабѣй, и понемногу
Затихъ—и душу отдалъ Богу.
На ружья опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали... потомъ
Его останки боевые
Накрыли бережно плащемъ,
И понесли... Тоской томимый,
Имъ вслѣдъ смотрѣлъ я недвижимый.

Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу... Кровь текла
Струею дымной по каменьямъ:
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ;
А тамъ вдали—грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ
Тянулись горы—и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?.. *.

* [Первоначально слѣдовали еще 4 стиха:]

Какъ звѣрь онъ жаденъ, дикъ и злобенъ,
Къ любви и счастью не способенъ!
Пускай же гибнетъ подѣломъ!
И стало мнѣ смѣшно потомъ...

Галубъ прервалъ мое мечтанье,
Ударивъ по плечу—онъ былъ
Кунакъ мой—я его спросилъ,
Какъ мѣсту этому названье?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Валерикъ—
А перевесть на вашъ языкъ,
Такъ будетъ—рѣчка смерти; вѣрно
Дано старинными людьми!»
—«А сколько ихъ дралось, примѣрно,
Сегодня?»—«Тысячъ до семи.»
—«А много горцы потеряли?»—
«Какъ знать! зачѣмъ вы не считали?»
—«Да, будетъ», кто-то тутъ сказалъ,
«Имъ въ память этотъ день кровавый!»—
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ...

Но я боюся вамъ наскучить:
Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны
Тревоги дикія войны;
Свой умъ вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о концѣ;
На вашемъ молодомъ лицѣ
Слѣдовъ заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда нибудь видали,
Какъ умираютъ... Дай вамъ Богъ
И не видать!.. Иныхъ тревогъ
Довольно есть; въ самозабвеньѣ
Не лучше ль кончить жизни путь,
И безпробуднымъ сномъ заснуть
Съ мечтой о близкомъ пробужденьѣ?

Теперь прощайте!—Если васъ
Мой безъискусственный разсказъ
Развеселитъ, займетъ хоть малость—

Я буду счастливъ; а не такъ...
Простите мнѣ его, какъ шалость,
И тихо молвите: чудакъ!

См. примѣчанія.

Сосна.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

На сѣверѣ дальнемъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

[Отечественныя Зап. 1842 г. №1. Варіантъ первой строки: «На сѣверѣ дикомъ...» — Другой набросокъ, находящійся тоже въ альбомѣ 1840 г. гласилъ:]

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh.
Heine.

На хладной и голой вершинѣ
Стоитъ одиноко сосна,
И дремлетъ... подъ снѣгомъ сыпучимъ,
Качаяся, дремлетъ она.
Ей снится прекрасная пальма
Въ далекой восточной землѣ,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скалѣ.

Любовь мертвеца.

Пускай холодною землею
Засыпанъ я,
О, другъ! всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя.
Любви безумнаго томленья,
Жилецъ могилъ,
Въ странѣ покоя и забвенья,
Я не забылъ.

Безъ страха, въ часъ послѣдней муки,
Покинувъ свѣтъ,
Отрады ждалъ я отъ разлуки—
Разлуки нѣтъ!
Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ,
И тосковалъ,
Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
Не узнавалъ,

Что мнѣ сіянье божьей власти
И рай святой!
Я перенесъ земныя страсти
Туда съ собой:
Ласкаю я мечту родную
Вездѣ одну;
Желаю, плачу и ревную,
Какъ встарину.

Коснется ль чуждое дыханье
Твоихъ ланитъ,
Моя душа въ нѣмомъ страданьѣ
Вся задрожитъ.
Случится ль—шепчешь, засыпая,
Ты о другомъ;
Твои слова текутъ, пылая,
По мнѣ огнемъ.

Ты не должна любить другаго,
Нѣтъ, не должна;
Ты мертвецу святыней слова
Обручена.
Увы! твой страхъ, твои моленья,
Къ чему онѣ?
Покоя, мира и забвенья
Не надо мнѣ!

[Утренняя Заря 1842 г.—«Влюбленный Мертвецъ», такъ озаглавлено въ рукописи Лермонтовскаго Музея. «Новый Мертвецъ», потомъ «Живой Мертвецъ» озаглавлено въ рукописи Публичной библіотеки.]

1841.

Оправданіе.

Когда одни воспоминанья
О заблужденіяхъ страстей,
На мѣсто славнаго названья,
Твой другъ оставитъ межъ людей—
И будетъ спать въ землѣ безгласно
То сердце, гдѣ кипѣла кровь,
Гдѣ такъ безумно, такъ напрасно
Съ враждой боролася любовь;
Когда предъ общимъ приговоромъ
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будетъ для тебя позоромъ
Любовь безгрѣшная твоя;—
Того, кто страстью и порокомъ
Затмилъ твои младые дни,
Молю, язвительнымъ упрекомъ
Ты въ оный часъ не помяни,
Но предъ судомъ толпы лукавой
Скажи, что судитъ насъ Иной,
И что прощать святое право
Страданьемъ куплено тобой.

Отечественныя Записки 1841 г. №3. См. прим.

Послѣднее новоселье.

Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій
Въ изгнаньи мрачномъ и въ цѣпяхъ;
Межъ тѣмъ, какъ міръ услужливой хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ;—
Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе ихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты жалкій и пустой народъ!
Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли.
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности—орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча.
Ты погибалъ... и онъ явился съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ—
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ.
Одинъ—онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ пескахъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.

А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть избранную, какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!
Среди послѣднихъ битвъ отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали его!
Лишенный правъ святыхъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ, и бросилъ самъ,
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ роднаго сына—
Вы сына выдали врагамъ!
Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ—
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ—
Одинъ, замученный враждою неумѣстной,
Безмолвною и гордою тоской,
И, въ боевомъ плащѣ, какъ ратникъ неизвѣстный,
Зарытъ наемною рукой...

Но годы протекли, и вѣтреное племя
Кричитъ: «Подайте намъ его священный прахъ!
Онъ нашъ; теперь его, грядущей жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!»
И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ,
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Останки тлѣнные кладутъ.
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И, краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!

И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина

Вокругъ того, кто столько лѣтъ въ пустынѣ
Такъ жадно ждалъ—спокойствія и сна!
И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ, непобѣдимый,
Какъ онъ, великій океанъ!

Отечественныя Записки 1841 г. №5. См. прим.

Сосѣдка.

Не дождаться мнѣ видно свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко̀ надъ землей,
И у двери стоитъ часовой.

Умереть бы ужъ мнѣ въ этой клѣткѣ,
Кабы не было милой сосѣдки...
Мы проснулись сегодня съ зарей;
Я кивнулъ ей слегка головой.

Разлучивъ, насъ сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно,
Да съ двойною рѣшеткой окно.

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дамъ ненасытному взгляду—
Вотъ напротивъ окошечко стукъ!
Занавѣска подымется вдругъ.

На меня посмотрѣла плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А съ плеча, будто сдулъ вѣтерокъ,
Полосатый скатился платокъ.

Но блѣдна ея грудь молодая,
И сидитъ она долго, вздыхая;

Видно, буйную думу тая,
Все тоскуетъ по волѣ, какъ я.

Не грусти, дорогая сосѣдка!
Захоти лишь—отворится клѣтка,
И, какъ божія птички, вдвоемъ
Мы въ широкое поле порхнемъ.

У отца ты ключи мнѣ украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь;
А ужъ съ тѣмъ, что поставленъ къ дверямъ,
Постараюсь я справиться самъ.

Избери только ночь потемнѣе,
Да отцу дай вина похмѣльнѣе,
Да повѣсь, чтобы вѣдать я могъ,
На окно полосатый платокъ.

[Стихотвореніе это въ первоначальной редакціи было написано въ мартѣ 1840 года, когда Лермонтовъ былъ подъ арестомъ на арсенальной гауптвахтѣ. Ср. Біографію. Стихотвореніе помѣщено въ первый разъ въ Отечественныхъ Запискахъ 1842 г. №2. Ср. прим.]

Плѣнный рыцарь.

Молча сижу подъ окошкомъ темницы.
Синее небо отсюда мнѣ видно:
Въ небѣ играютъ всё вольныя птицы;
Глядя на нихъ, мнѣ и больно и стыдно.

Нѣтъ на устахъ моихъ грѣшной молитвы,
Нѣту ни пѣсни во славу любезной;
Помню я только старинныя битвы,
Мечъ мой тяжелый, да панцырь желѣзный.

Въ каменный панцырь я нынѣ закованъ,
Каменный шлемъ мою голову давитъ,
Щитъ мой отъ стрѣлъ и меча заколдованъ,
Конь мой бѣжитъ, и никто имъ не правитъ.

Быстрое время—мой конь неизмѣнный;
Шлема забрало—рѣшетка бойницы;

Каменный панцырь—высокія стѣны;
Щитъ мой—чугунныя двери темницы.
Мчись же быстрѣе, летучее время!
Душно подъ новой бронею мнѣ стало!
Смерть, какъ пріѣдемъ, подержитъ мнѣ стремя;
Слѣзу, и сдерну съ лица я забрало.

Отечественныя Записки 1841 г. №8.

Договоръ.

Пускай толпа клеймитъ презрѣньемъ
Нашъ неразгаданный союзъ;
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ,—

Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣни я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы ни любви;

Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не отличая никого:
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ
Живу для сердца своего.

Земнаго счастья мы не цѣнимъ;
Людей привыкли мы цѣнить;
Себѣ мы оба не измѣнимъ,
А намъ не могутъ измѣнить.

Въ толпѣ другъ друга мы узнали,
Сошлись, и разойдемся вновь.
Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

Отечественныя Записки 1842 г. №3.

Волшебные звуки.

Есть рѣчи—значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Какъ полны ихъ звуки
Тоскою желанья,
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья...

Ихъ краткимъ привѣтомъ,
Едва онъ домчится,
Какъ Божіимъ свѣтомъ
Душа озарится.

Средь шума мірскаго
И гдѣ я ни буду,
Я сердцемъ то слово
Узнаю повсюду,

Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу,
И брошусь изъ битвы
Ему я на встрѣчу.

Надежды въ нихъ дышатъ,
И жизнь въ нихъ играетъ,
Ихъ многіе слышатъ,
Одинъ понимаетъ.

Лишь сердца роднаго
Коснутся въ дни муки
Волшебнаго слова
Цѣлебные звуки,

Душа ихъ съ моленьемъ
Какъ ангела встрѣтитъ,
И долгимъ біеньемъ
Имъ сердце отвѣтитъ.

[Вчера и Сегодня 1846 г. кн. II. Стихотвореніе появилось сначала въ Отечественныхъ Зап. 1841 г. №1 въ иномъ видѣ, въ коемъ его и помѣщаемъ здѣсь же ниже, а затѣмъ передѣлано; ср. мою статью въ Рус. Мысли 1884 г. №4 стр. 76.]

Есть рѣчи—значенье
Темно иль ничтожно;
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Какъ полны ихъ звуки
Безумствомъ желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья.

Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірскаго
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово;

Но въ храмѣ, средь боя
И гдѣ я ни буду,
Услышавъ, его я
Узнаю повсюду;

Не кончивъ молитвы
На звукъ тотъ отвѣчу,
И брошусь изъ битвы
Ему я на встрѣчу.

Завѣщаніе.

Наединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть:
На свѣтѣ мало, говорятъ,
Мнѣ остается жить!
Поѣдешь скоро ты домой:
Смотри жъ... Да что! моей судьбой
Сказать по правдѣ, очень
Никто не озабоченъ.

А если спроситъ кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросилъ,—
Скажи имъ, что на вылетъ въ грудь
Я пулей раненъ былъ;
Что умеръ честно за царя,
Что плохи наши лѣкаря,
И что родному краю
Поклонъ я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты въ живыхъ...
Признаться, право, было бъ жаль
Мнѣ опечалить ихъ;
Но если кто изъ нихъ и живъ,
Скажи, что я писать лѣнивъ,
Что полкъ въ походъ послали,
И чтобъ меня не ждали.

Сосѣдка есть у нихъ одна...
Какъ вспомнишь, какъ давно
Разстались... Обо мнѣ она
Не спроситъ... Все равно,
Ты разскажи всю правду ей,
Пустаго сердца не жалѣй—
Пускай она поплачетъ...
Ей ничего не значитъ!

Отечественныя Записки 1841 г. №2.

Видъ горъ изъ степей Козлова.

[ИЗЪ «КРЫМСКИХЪ СОНЕТОВЪ» МИЦКЕВИЧА].

ПИЛИГРИМЪ.

Аллахъ ли тамъ, среди пустыни
Застывшихъ волнъ, воздвигъ твердыни,
Притоны ангеламъ своимъ;
Иль Дивы, словомъ роковымъ,
Стѣной умѣли такъ высоко

Громады скалъ нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
Вотъ свѣтъ все небо озарилъ:
То не пожаръ ли Цареграда?
Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
Тебя, полночная лампада,
Маякъ спасительный, отрада
Плывущихъ по морю свѣтилъ?

МИРЗА.

Тамъ былъ я: тамъ, со дня созданья,
Бушуетъ вѣчная мятель,
Потоковъ видѣлъ колыбель;
Дохнулъ—и мерзнулъ паръ дыханья.
Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ,
И дремлетъ громъ надъ глубиною,
И тамъ, гдѣ надъ моей чалмою
Одна сверкала лишь звѣзда—
То Чатырдагъ былъ...

ПИЛИГРИМЪ.

А!...

[Вчера и Сегодня 1846 г. №2. Написано Лермонтовымъ подъ вліяніемъ И. Козлова, «переводившаго» Крымскіе сонеты Ад. Мицкевича.]

[Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой.]

Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный,
Вамъ строки чудныя писалъ,
И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный,
Воспоминаньемъ оживленный,
Онъ передъ вами изливалъ.
Онъ васъ не зрѣлъ, но ваши рѣчи,
Какъ отголосокъ юныхъ дней,
При первомъ звукѣ новой встрѣчи
Его встревожили сильнѣй.

Тогда признательную руку
Въ отвѣтъ на вашъ привѣтный взоръ,
На встрѣчу радостному звуку
Онъ въ упоеніи простеръ.

И я, повѣренный случайный
Надеждъ и думъ его живыхъ,
Я буду дорожить, какъ тайной,
Печальнымъ выраженьемъ ихъ.
Я вѣрю, годы не убили,
Изгладить даже не могли
Все, что вы прежде возбудили
Въ его возвышенной груди.
Но да сойдетъ благословенье
На вашу жизнь за то, что вы.
Хоть на единое мгновенье,
Умѣли снять вѣнецъ мученья
Съ его преклонной головы!

[Въ молодости А. Г. Хомутова любила и была любима поэтомъ Ив. Козловымъ. Онъ женился на другой и свидѣлся съ А. Г., когда былъ слѣпымъ, разбитымъ параличемъ, старцемъ. Эта женщина, близкая къ Вяземскому, Жуковскому и Пушкину, стала другомъ страдальца поэта, и онъ ей диктовалъ свои стихотворенія. Самъ Козловъ разсказывалъ о томъ Лермонтову, который и посвятилъ ей это стихотвореніе. (Рус. Архивъ 1867 г.) Первый разъ оно было напечатано въ 1844 г въ «Молодикѣ». — Козловъ находился даже въ родствѣ съ Анной Григорьевной. Мать его, Анна Аполлоновна Хомутова, приходилась тоже и теткою М. Г. Хомутову, командиру л. гв. гусарскаго полка, въ коемъ служилъ Лермонтовъ.]

Отчизна.

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья

Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея полей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ дремучихъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленно пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи ночующій обозъ
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

См. примѣчанія.

---

*
* *

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою
Прощались позднею порою?
Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
И мы съ волненіемъ внимали..
Тогда лучи ужъ догорали,
И нà морѣ туманъ густѣлъ;
Ударъ съ усиліемъ промчался,
И вдругъ за бездною скончался.

Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
Я часто о тебѣ мечтаю;
Бродя вблизи пустынныхъ водъ,
Вечернимъ выстрѣламъ внимаю.

И между тѣмъ какъ чередой
Глушитъ волнами ихъ сѣдыми,
Я плачу, я томимъ тоской,
Я умереть желаю съ ними...

Отечественныя Записки 1842 г. №3.

---

*
* *

Изъ-подъ таинственной, холодной, полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный какъ мечта,
Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки,
И улыбалися лукавыя уста.

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланитъ и шеи бѣлизну.
Счастливецъ! видѣлъ я и локонъ своевольный,
Родныхъ кудрей покинувшій волну...

И создалъ я тогда въ моемъ воображеньѣ
По легкимъ признакамъ красавицу мою,
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
Въ года минувшіе слыхалъ когда-то я;
И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

Отечественныя Записки 1843 г. №5.

---

*
* *

Не плачь, не плачь, мое дитя!
Не стóитъ онъ безумной муки.
Вѣрь, онъ ласкалъ тебя шутя,
Вѣрь, онъ любилъ тебя отъ скуки!
И мало ль въ Грузіи у насъ
Прекрасныхъ юношей найдется?
Быстрѣй огонь ихъ черныхъ глазъ,
И черный усъ ихъ лучше вьется!

Изъ дальней, чуждой стороны
Онъ къ намъ заброшенъ былъ судьбою;
Онъ ищетъ славы и войны—
И что̀ жъ онъ могъ найти съ тобою?
Тебя онъ золотомъ дарилъ,
Клялся, что вѣчно не измѣнитъ;
Онъ ласки дорого цѣнилъ,
Но слезъ твоихъ онъ не оцѣнитъ!

Отечественныя Записки 1843 г. №6

---

*
* *

Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима.
Царствовалъ грозный Тиверій и гналъ христіанъ безпощадно;
Но ежедневно, на мѣстѣ отрубленныхъ вѣтвей, у древа
Церкви Христовой юные вновь зеленѣли побѣги.
Въ тайной пещерѣ, надъ Тибромъ ревущимъ, скрывался въ то время
Праведный старецъ, въ постѣ и молитвѣ свой вѣкъ доживая;
Богъ его въ людяхъ своей благодатью прославилъ.
Чудный онъ даръ получилъ: исцѣлять отъ недуговъ тѣлесныхъ
И отъ страданій душевныхъ. Рано утромъ однажды,
Горько рыдая, приходитъ къ нему старуха простаго
Званія; съ нею и мужъ ея, грусти безмолвной исполненъ.
Проситъ она воскресить ея дочь, внезапно во цвѣтѣ
Дѣвственной жизни умершую... «Вотъ ужъ два дня и двѣ ночи»,—
Такъ она говорила,—«мы нашихъ боговъ неотступно
Молимъ во храмахъ и жжемъ ароматы на мраморѣ хладномъ,
Золото сыплемъ жрецамъ ихъ и плачемъ... но все безполезно!
Если бъ зналъ ты Виргинію нашу, то жалость стѣснила бъ
Сердце твое, равнодушное къ прелестямъ міра: какъ часто
Дряхлые старцы, любуясь на бѣлыя плечи, волнистыя кудри,
На темныя очи ея—молодѣли; юноши страстнымъ
Взоромъ ее провожали, когда, напѣвая простую
Пѣсню, амфору держа надъ главой, осторожно тропинкой
Къ Тибру спускалась она за водою иль въ пляскѣ,

Передъ домашнимъ порогомъ подругъ побѣждала искусствомъ,
Звонкимъ ребяческимъ смѣхомъ родительскій слухъ утѣшая.
Только въ послѣднее время примѣтно она измѣнилась:
Игры наскучили ей, и взоръ отуманился думой;
Изъ дома стала она уходить до зари, возвращаясь
Вечеромъ темнымъ, и ночи безъ сна проводила. При свѣтѣ
Поздней лампады я видѣла разъ, какъ она, на колѣняхъ,
Тихо, усердно и долго молилась... кому?... неизвѣстно...
Созвали мы стариковъ и родныхъ для совѣта; рѣшили...»

. . . .

Вчера и Сегодня 1845 г. №1.

[Осипу Ив. Сенковскому,]

[ПИСАВШЕМУ ПОДЪ ПСЕВДОНИМОМЪ: «БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.»]

Подъ фирмой иностранной, иноземецъ
Не утаилъ себя никакъ—
Бранится пошло: ясно нѣмецъ,
Похвалитъ: видно, что полякъ.

[Напеч. въ Библіографическихъ Зап. 1861 г. №18 подъ заглавіемъ «Эпиграмма».]

Прощай, немытая Россія,
Страна рабовъ, страна господъ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный имъ народъ.

Быть можетъ, за хребтомъ Кавказа
Укроюсь отъ твоихъ *вождей*,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей.

[Это стихотвореніе было написано Лермонтовымъ въ досадѣ на нѣкоторыхъ недоброжелателей его, недопустившихъ добиться отставки. Во время хлопотъ о ней Графъ Бенкендорфъ приказалъ поэту оставить Петербургъ въ 24 часа. Ср. статью мою въ Русск. Старинѣ 1887 г. №12.]

Послѣднія стихотворенія.

I.

Споръ.

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ.
«Берегись!» сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
«Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ тѣсныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачекъ,—
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!»
—«Не боюся я Востока!»

Отвѣчалъ Казбекъ:
«Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.

Посмотри: въ тѣни чинары
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ,
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше: вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ,
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!»—

«Не хвались еще заранѣ!»
Молвилъ старый Шатъ:
«Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!»

Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.

Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ въ степи ковыль;
Скачутъ легкіе уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамёна,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Между нихъ гремятъ;
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки, могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи,
Прямо на востокъ.

И, томимъ зловѣщей думой,
Полонъ черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый
И не счелъ враговъ...
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку нà брови надвинулъ—
И навѣкъ затихъ.

См примѣчанія.

II.

Сонъ.

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь точилася моя.

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины
И жгло меня... но спалъ я мертвымъ сномъ.

И снился мнѣ сіяющій огнями,
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ:
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.

Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчиво одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана,
И кровь лилась хладѣющей струей...

III.

Утесъ.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко,
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

IV.

[Изъ Гейне.]

Sie liebten sich beide, doch keiner
Wollt'es dem andern gesteh'n.
Heine.

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно,
Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной;
Но, какъ враги, избѣгали признанья и встрѣчи,
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.
Они разстались въ безмолвномъ и гордомъ страданьѣ,
И милый образъ во снѣ лишь порою видали;
И смерть пришла: наступило за гробомъ свиданье—
Но въ мірѣ новомъ другъ друга они не узнали.

[Это стихотвореніе первоначально было написано въ такомъ видѣ:]

Они любили другъ друга такъ нѣжно,
Съ тоской глубокой и страстью мятежной!
Но, какъ враги, опасалися встрѣчи,
И были пусты и хладны ихъ рѣчи.
Они разстались въ безмолвномъ страданьѣ,
И милый образъ во снѣ лишь видали.
Но смерть пришла, имъ настало свиданье...
И что жъ? другъ друга они не узнали.

V

Тамара.

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя, на черной скалѣ.

Въ той башнѣ, высокой и тѣсной,
Царица Тамара жила,
Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ—коварна и зла.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ огонекъ золотой:
Кидался онъ путнику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ ночной.

И слышался голосъ Тамары:—
Онъ весь былъ желанье и страсть,
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непонятная власть.

На голосъ невидимой пери
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ;
Предъ нимъ отворялися двери,
Встрѣчалъ его мрачный евнухъ.

На мягкой пухо̀вой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостя. Шипѣли
Предъ нею два кубка вина.

Сплетались горячія руки,
Уста прилипали къ устамъ,
И странные, дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ—

Какъ будто въ ту башню пустую
Сто юношей пылкихъ и женъ
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну большихъ похоронъ.

Но только-что утра сіянье
Кидало свой лучъ по горамъ,
Мгновенно и мракъ и молчанье
Опять воцарялися тамъ.

Лишь Терекъ, въ тѣснинѣ Дарьяла
Гремя, нарушалъ тишину:
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.

И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили они унести...
Въ окнѣ тогда что-то бѣлѣло,
Звучало оттуда: «прости!»

И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ...

См. примѣчанія.

VI.

Свиданіе.

1.

Ужъ за горой дремучею
Погасъ вечерній лучъ,
Едва струей гремучею
Сверкаетъ жаркій ключъ;
Сады благоуханіемъ
Наполнились живымъ;
Тифлисъ объятъ молчаніемъ,
Въ ущельѣ мгла и дымъ;
Летаютъ сны мучители
Надъ грѣшными людьми,
И ангелы хранители
Бесѣдуютъ съ дѣтьми.

2.

Тамъ, за твердыней старою,
На сумрачной горѣ,
Подъ свѣжею чинарою
Лежу я на коврѣ—
Лежу одинъ и думаю:
Ужели не во снѣ
Свиданье въ ночь угрюмую
Назначила ты мнѣ?
И въ этотъ часъ таинственный,
Но сладкій для любви,
Тебя, мой другъ единственный,
Зовутъ мечты мои.

3.

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горятъ,
И колокольни черныя,
Какъ сто̀рожи, стоятъ;
И поступью несмѣлою
Изъ бань со всѣхъ сторонъ
Выходятъ цѣпью бѣлою
Четы грузинскихъ женъ;
Вотъ улицей пустынною
Бредутъ, едва скользя...
Но подъ чадрою длинною
Тебя узнать нельзя!

4.

Твой домикъ съ крышей гладкою
Мнѣ виденъ вдалекѣ:
Крыльцо съ ступенью шаткою
Купается въ рѣкѣ.
Среди прохлады, вѣющей
Надъ синею Курой,
Онъ сѣтью зеленѣющей
Опутанъ плющевой.
За тополью высокою
Я вижу тамъ окно...
Но свѣчкой одинокою
Не свѣтится оно!

5.

Я жду. Въ недоумѣніи
Напрасно бродитъ взоръ;
Кинжаломъ въ нетерпѣніи
Изрѣзалъ я коверъ.
Я жду съ тоской безплодною;
Мнѣ грустно, тяжело...
Вотъ сыростью холодною
Съ востока понесло;

Краснѣютъ за туманами
Сѣдыхъ вершинъ зубцы;
Выходятъ съ караванами
Изъ города купцы...

6.

Прочь, прочь, слеза позорная!
Кипи, душа моя!
Твоя измѣна черная
Понятна мнѣ, змѣя!
Я знаю, чѣмъ утѣшенный
По звонкой мостовой
Вчера скакалъ, какъ бѣшеный,
Татаринъ молодой.
Недаромъ онъ красуется
Передъ твоимъ окномъ,
И твой отецъ любуется
Персидскимъ жеребцомъ!

7.

Возьму винтовку длинную,
Пойду я изъ воротъ:
Тамъ, подъ скалой пустынною,
Есть узкій поворотъ.
До полдня за могильною
Часовней подожду,
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
Я легъ между камней...
Чу! близкій топотъ слышится.
А! это ты, злодѣй!

VII.

*
* *

Зеленый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой,
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго Моря.

У Чернаго Моря чинара стоитъ молодая;
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская;
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

И странникъ прижался у корня чинары высокой:
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой
И такъ говоритъ онъ: «Я бѣдный листочекъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.

Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ своихъ изумрудныхъ—
Немало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ.»

—«На что мнѣ тебя!» отвѣчаетъ младая чинара:
«Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мой слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...

Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море.»

VIII.

Je l'attends dans la plaine sombre...
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement—
Eh non! trompeuse espérance:
C'est un vieux bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant.

Je me penche et longtemps j'écoute,
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas léger produit.
Non, ce n'est rien! c'est dans la mousse
Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profond.
Tout-à-coup, tremblant je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.

[*Переводъ*: Я жду ее въ темной долинѣ, въ отдаленіи вижу бѣлѣетъ призракъ, призракъ тихо приближается—но нѣтъ! обманчивая надежда, то старая береза колеблетъ свой изсохшій блестящій стволъ.

Я склоняюсь и долго прислушиваюсь, мнѣ сдается, я слышу по дорогѣ звукъ легкихъ шаговъ... Нѣтъ, не то! это шумъ отъ листа, гонимаго ароматнымъ ночнымъ вѣтромъ.

Полный горькой тоски, опускаюсь я на густую траву и засыпаю глубокимъ сномъ. Но вдругъ просыпаюсь, вздрагивая: голосъ ея шепталъ мнѣ на ухо, уста лобзали въ чело. См. прим.]

IX.

*
* *

1.

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье—
Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2.

Когда, порой, я на тебя смотрю,
Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ,
Таинственнымъ я занятъ разговоромъ,
Но не съ тобой я сердцемъ говорю—

3.

Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ—уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ—огонь угаснувшихъ очей.

[Это стихотвореніе посвящено было Софьѣ М. Соллогубъ, урожд. Віельгорской.]

X.

*
* *

1.

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

2.

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ?

3.

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя:
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

4.

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы,—
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;

5.

Чтобъ—всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,—
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

XI.

Морская царевна.

Въ морѣ царевичъ купаетъ коня,
Слышитъ: «Царевичъ, взгляни на меня!»

Фыркаетъ конь и ушами прядетъ,
Брызжетъ и плещетъ и далѣ плыветъ.

Слышитъ царевичъ: «Я царская дочь;
Хочешь провесть ты съ царевною ночь?»

Вотъ показалась рука изъ воды,
Ловитъ за кисти шелкóвой узды.

Вышла младая потомъ голова;
Въ косу вплелася морская трава.

Синія очи любовью горятъ,
Брызги на шеѣ, какъ жемчугъ, дрожатъ.

Мыслитъ царевичъ: «добро же, постой!»
За косу ловко схватилъ онъ рукой.

Держитъ. Рука боевая сильна...
Плачетъ, и молитъ, и бьется она.

Къ берегу витязь отважно плыветъ;
Выплылъ, товарищей громко зоветъ.

«Эй вы! сходитесь, лихіе друзья!
Гляньте, какъ бьется добыча моя...

Что жъ вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вотъ оглянулся царевичъ назадъ,
Ахнулъ!—померкъ торжествующій взглядъ.

Видитъ: лежитъ на пескѣ золотомъ
Чудо морское съ зеленымъ хвостомъ.

Хвостъ чешуею змѣиной покрытъ,
Весь, замирая, свиваясь, дрожитъ.

Пѣна струями сбѣгаетъ съ чела,
Очи одѣла смертельная мгла.

Блѣдныя руки хватаютъ песокъ,
Шепчутъ уста непонятный упрекъ...

Ѣдетъ царевичъ задумчиво прочь...
Будетъ онъ помнить про царскую дочь!

XII.

Пророкъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи.
Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.
Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ и худъ и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!»

Эти *послѣдня стихотворенія* были найдены въ книгѣ убитаго поэта въ Пятигорскѣ. Сама книга, находящаяся нынѣ въ Импер. Публ. библіотекѣ, возвращена кн. Вл. Ѳед. Одоевскому, который подарилъ ее Лермонтову передъ послѣднимъ его выѣздомъ на Кавказъ, написавъ на 1-мъ листѣ: «Поэту Лермонтову дается сія моя старая и любимая книга съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ мнѣ ее самъ и всю исписанную. Кн. В. Одоевскій. 1841 г. апрѣля 13-го. С.-Петербургъ.» Но ужъ не Лермонтовъ, павшій черезъ три мѣсяца, а другъ и родственникъ его, извѣстный кавказскій храбрецъ, выставленный поэтомъ въ «Фаталистѣ», возвратилъ книгу. Кн. Одоевскій сдѣлалъ въ ней помѣтку: «Сія книга возвращена мнѣ Еким. Еким. Хастатовымъ, 30-го дек. 1843 г.» Лермонтовъ писалъ въ ней стихи свои на одной ея сторонѣ карандашемъ, а чернилами переписывалъ на другой. Порядокъ слѣдующій:

На 1-й страницѣ, со стороны, занятой черновыми карандашными набросками, написано «адресъ». На 2-й: «Погодину». «Кашинцевъ», и затѣмъ: «Да кто же ты ради Бога?—Что-съ? отвѣчалъ старичокъ, примаргивая однимъ глазомъ.—Штосъ! повторилъ въ ужасѣ Лугинъ». Потомъ: «Шулеръ имѣетъ разумъ въ пальцахъ... банкъ... скоропостижная...» На оборотѣ начато и оканчивается на 5 стр. стихотвореніе *Пророкъ*; на 6-й набросано начало стихотворенія:

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившійся усъ,
Краснѣя, какъ дѣва младая,
Кангаръ, молодой туксусъ.

На 7-й страницѣ:

1.

На буркѣ, подъ тѣнью чинары,
Лежалъ Ахметъ-Ибрагимъ
И, руки скрестивши, татары
Молча стояли предъ нимъ.

2.

И брови нахмуривъ густыя,
Лѣниво молвилъ Ага:
О слуги мои удалые!
Мнѣ ваша жизнь дорога!

3.

[Кромѣ цифры 3 ничего нѣтъ.]

На 8-й стр. ничего не написано, а 9—10 заняты черновымъ наброскомъ стих. «Мнѣ снилась разъ долина Дагестана». Стр. 11—13: «Тамара» и на послѣдней еще «Они любили» и пр. На 14-й написано карандашемъ и обведено чернилами:

«У Россіи нѣтъ прошедшаго: она вся въ настоящемъ и будущемъ».

Далѣе: «Еруслапъ Лазаревичъ сидѣлъ сиднемъ 20 лѣтъ и спалъ крѣпко, но на 21-мъ году проснулся отъ тяжелаго сна, и всталъ, и пошелъ... и встрѣтилъ онъ тридцать семь королей и семьдесятъ богатырей и побилъ ихъ и сѣлъ надъ ними царствовать... Такова Россія». Вслѣдъ за этимъ начинается и оканчивается на 15-й стр. стихотвореніе: «Зеленый листокъ оторвался». Стр. 16—19 заняты стих. «Ужъ за горой дремучею». На 20-й французское стихотвореніе. На 21-й: «Нѣтъ не тебя такъ пылко я люблю». 22-я оставлена бѣлою, а на 23-й написано чернилами одно слово: «Смирновой».

Если обернуть эту книгу другою стороною, то на 1-й стр. встрѣчаемъ выдержки кн. Одоевскаго, приводимыя ниже, и, рукою Лермонтова, карандашемъ: «19 Мая—буря». На 2-й стр. рукою же князя Одоевскаго замѣтка, сдѣланная уже позднѣе, въ 1857 году, и относящаяся къ выпискамъ изъ посланій Апостольскихъ. «Эти выписки—гласитъ замѣтка—имѣли отношеніе къ религіознымъ спорамъ между Лермонтовымъ и мною». Вотъ эти выписки:

Іоаннъ.

И міръ преходитъ и похоть его; а творяй волю Божію пребываетъ во вѣки.

Аще зазираетъ намъ сердце наше, кольми паче Богъ, яко болій есть Богъ сердца нашего и вѣсть вся.

Сіе есть дерзновеніе, еже имамы къ Сыну Божіему, яко аще чего просимъ по воли его, послушаетъ насъ.

Павелъ.

Не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ?

Держитеся любве, ревнуйте же къ дарамъ духовнымъ, да пророчествуете. Любовь же николи отпадаетъ; аще и пророчествія упразднятся, аще и языцы умолкнутъ, аще и разумъ испразднится.

Сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное. Есть тѣло душевное и тѣло духовное.

Такъ и писано есть: первый человѣкъ Адамъ бысть въ душу живущую, послѣдній Адамъ есть духъ животворящій.

Не слышите ли гласа глаголющаго непрестанно молитеся.

Далѣе написаны вышепомѣщенныя 12 стихотвореній, изъ коихъ послѣднее «Пророкъ».

Первое изъ этихъ стихотвореній «Споръ», единственное напечатанное при жизни поэта, явилось въ Москвитянинѣ 1841 г. № 6-й, съ измѣненіями противъ рукописи. Остальныя 11 на русскомъ языкѣ помѣщались въ Отеч. Зап. 1841 и 1844 гг., а французское, которое прежніе издатели не умѣли прочесть, напечатано мною въ Русск. Старинѣ 1887 г. № 5 и 12.

Къ предсмертнымъ стихотвореніямъ 1841 года надо отнести и экспромптъ, написанный за нѣсколько дней до дуэли шутки ради.

Н. П. Верзилиной.

[въ альбомъ.]

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локонъ небрежный
Надъ шейкою нѣжной,
На поясѣ ножъ—
C'est un vers qui cloche.

Нива 1885 г. №27.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Приводимъ здѣсь нѣсколько стихотвореній на нѣмецкомъ языкѣ, Боденштедта, и одно на французскомъ, А. Дюма, выдаваемыхъ ими за переводы изъ Лермонтова. Пьесы Боденштедта были не разъ переводимы на русскій языкъ. [Въ Русской Старинѣ 1873 года т. VII г. Чириковымъ въ прозѣ, а въ 1879 году мною въ стихахъ—отд. изд. въ Дерптѣ 1880, не для продажи. Въ Истор. Вѣстникѣ 1883 г. №9 перевелъ ихъ г. Минаевъ]. Не могу не замѣтить, что, прилежно изучая Боденштедта, я съ теченіемъ времени пришелъ къ противоположному противъ прежняго заключенію и нахожу, что переводы Боденштедта, при всемъ ихъ литературномъ достоинствѣ, часто не близки къ подлиннику и скорѣе заслуживаютъ названіе подражаній. Вотъ что пишетъ мнѣ самъ поэтъ изъ Висбадена: «Манускриптъ эпиграммъ Лермонтова я вамъ прислать не могу, ибо въ *той формѣ*, въ какой я ихъ написалъ, *на русскомъ языкѣ ихъ вовсе не существовало*. Исторія ихъ возникновенія слѣдующая: когда я прибылъ въ Тифлисъ, мною уже были переведены и напечатаны «Мцыри» и многія изъ стихотвореній Лермонтова. Я познакомился съ нѣкоторыми близкими къ поэту людьми. ....Интимнѣе всѣхъ съ нимъ былъ кажется Глѣбовъ [убитъ въ 1847 г.], хранившій нѣсколько писемъ Лермонтова со многими въ нихъ стихотворными набросками, свидѣтельствовавшими о полномъ довѣріи къ нему поэта, потому что въ нихъ были изреченія, которыя, сдѣлавшись извѣстными, могли бы имѣть серьезныя послѣдствія. Глѣбовъ изъ рукъ ихъ не выдавалъ, но въ интимныхъ кружкахъ секрета изъ нихъ не дѣлалъ. Что изъ стихотвореній этихъ удержалось въ памяти моей (копій съ нихъ я не снялъ), то я и передалъ въ моихъ «Размышленіяхъ» и «Набросках», въ весьма смягченной и опоэтизированной формѣ. Пьесы эти передаютъ сокровенныя думы поэта, но за форму отвѣтственъ только одинъ я...»

При такомъ положеніи дѣла дословный прозаическій переводъ мало имѣетъ значенія. Будь пьесы Боденштедта точная передача словъ Лермонтова—дѣло другое. Для полноты изданія печатаемъ однако текстъ Боденштедтовскихъ пьесъ и стихотворную передачу ихъ. Вполнѣ соглашаемся съ этимъ знатокомъ Лермонтова, что они «передаютъ сокровеннѣйшія думы поэта [ſind Lermontoff aus der Seele geſchrieben] и не содержатъ ничего такого, чему бы не нашлось соотвѣтственныхъ мѣстъ въ другихъ его сочиненіяхъ».

Стихотворенія Лермонтова, сообщенныя Фридрихомъ Боденштедтомъ.

„Кто толпѣ мои разскажетъ думы?
Или поэтъ—или никто...“
Лермонтовъ.

„Kleine Betrachtungen.“ (*Размышленія.*)

1.

Ich bin an meinem Lande kein Verräther,
Und nicht unwürdig bin ich meiner Väter,
Weil ich nicht euch in allen Stücken gleiche,
Und nicht, wie ihr, auf fremden Krücken schleiche.

Переводъ: За то, что родину по своему люблю я,
Не какъ они, своимъ умомъ живу я,
Они меня измѣнникомъ клеймятъ
И ненавидятъ и бранятъ.

2.

Weil ich bei ihrem Thun vor Scham oft roth bin,
Mir nicht Musik erscheint Geklirr von Ketten,
Und mich nicht lockt der Glanz von Bajonetten:
Behaupten sie, daß ich kein Patriot bin!

Переводъ: За то, что мнѣ не милъ смыслъ ихъ рѣчей,
И не ласкаетъ слухъ мнѣ звонъ цѣпей,
И не въ штыкахъ зрю вольности оплотъ,
Твердятъ они, что я не патріотъ.

3.

Weil ich nicht ganz von altem Korn und Schrot bin,
Und nicht mit jedem Schritte rückwärts gehe:
Behaupten sie, daß ich kein Patriot bin,
Mein Land nicht liebe und es nicht verstehe.

Переводъ: За то, что я не ихъ закала,
И шагъ за шагомъ не иду назадъ:
Что я не патріотъ,—они твердятъ,—
Что родина мнѣ непонятной стала.

4.

Sie haben recht,—der Teufel mag's verstehen—
Am schnellsten gehn bei uns, die rückwärts gehen,

Weit schneller sie zu ihrem Ziele kommen,
Als ich, der vorwärts seinen Weg genommen!

Переводъ: Чортъ побери! у насъ вѣдь такъ:
Всѣ тѣ, что пятятся какъ ракъ,
Скорѣе цѣли достигаютъ;
Ихъ милость и успѣхъ ласкаютъ;
А кто, какъ я, идетъ впередъ—
Ни до чего тотъ не дойдетъ.

5.

Gott segnete mit Augen mich und Füßen—
Doch als ich auf den Füßen gehen wollte,
Und als ich mit den Augen sehen wollte,
Mußt'ich's im Kerker als Verbrechen büßen.

Переводъ: Богъ далъ мнѣ ноги, очи далъ,
Но я некстати возмечталъ:
Стоять на собственныхъ ногахъ,
Глядѣть съ открытыми глазами,—
За то я провожу годами
Жизнь или въ ссылкѣ, иль въ цѣпяхъ.

6.

Gott gab mir eine Zunge, aber als
Ich reden wollte, ging's mir an den Hals!
Es ist ein eigen Ding in meinem Land,
Und wundersamer Brauch im Schwunge hier;
Der Kluge braucht zur Dummheit den Verstand,
Zum Schweigen seine Zunge hier!

Переводъ: Когда уста я открывалъ,
Законъ петлей мнѣ угрожалъ...
На сторонѣ моей родной
Обычай заведенъ такой:
Что умъ на глупости намъ данъ;
Языкъ же—каждый долженъ знать
Его на привязи держать.

„Kleine Einfälle und Ausfälle." *Наброски.*

1.

Sie haben mich gepeinigt,
Weil ich zu denken wagte;
Sie haben mich gesteinigt,
Weil ich mein Denken sagte.
Weil ich es sang in Liedern
Voll Wahrheit und voll Gluth—
Sie konnten Nichts erwidern,
Daher die ganze Wuth!

Переводъ: За то, что думать я дерзалъ,
За то они меня и гнали;
Каменьями въ меня бросали,
Когда я думы открывалъ!
Все, чѣмъ душа полна была,
Мои имъ пѣсни открывали;
Какъ отвѣчать—они не знали
И злоба ихъ ко мнѣ росла.

2.

Die ich mit Füßen getreten,
Weil ich sie als Esel gekannt;
Die mich um Verzeihung gebeten,
Weil ich sie Esel genannt.
Ihr, deren ganze Kunst war
Feig zu gefallen mir,
Als ich noch hoch in Gunst war,
Ein schmucker Kavalier:
Wie seid ihr anders worden,
Wie geht ihr stolz einher
Im Glanze eurer Orden,
Als kennt ihr mich nicht mehr!

3.

Die Zeit hat sich verändert,
Die ihr euch tief gebückt:
Ihr seid jetzt bunt bebändert,
Mit Sternen und Orden geschmückt.
Geht mir nur blind für mich vorbei,
So schont ihr meine Nerven,

Und spart mir die ekle Mühe dabei,
Euch aus der Thüre zu werfen.

[Эти два стихотворенія до того связаны между собою, что составляютъ собственно одно цѣлое, почему мы и рѣшились ихъ въ переводѣ слить.]

Переводъ: Вы всѣ, которыхъ я, бывало,
За пошлый умъ такъ презиралъ,
Въ комъ поведеніе нахала
Я безпощадно бичевалъ...

Какъ выражать ко мнѣ почтенье
Любой изъ васъ тогда спѣшилъ,
Чтобъ я улыбкой одобренья
Его случайно подарилъ.

Перемѣнились вы съ годами:
Идете съ гордымъ вы челомъ,
Въ чинахъ, покрыты орденами...
Я сталъ вамъ чуждъ и незнакомъ.

Ступайте мимо—не входите
Въ мой домъ, не шлите мнѣ поклонъ,—
Вы тѣмъ меня не оскорбите,
Но отъ нужды освободите:
Столкнувшись съ вами—гнать васъ вонъ.

[Начало этого стихотвор. сравнить съ письмомъ № 25 къ М. А. Лопухиной: «Весь народъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня похвалами...»]

4.

Ich neide euch nicht eure Orden,
Noch euren geschmeidigen Rücken—
Beneide nicht was ihr geworden
Durch Kriechen und durch Bücken.

Genießt das Glück in Demuthlust,
So ist der Dinge Lauf:
Der Eine trägt es in der Brust,
Der And're trägt's darauf.

Переводъ: Нѣтъ, не завидую я вамъ,
Ни жалованнымъ вамъ крестамъ,
Всему, что гибкостью спины
И лестью добывали вы.

Насъ всѣхъ влечетъ различный путь,
Судьба намъ разное даетъ:
Кому даритъ кресты на грудь,
А кто свой крестъ въ груди несетъ.

5.

Und mag man mich verklagen,
Und mag man mit mir rechten;
Ich wasche mich nicht rein—
Doch dies kann ich euch sagen:
Nie hielt ich's mit den Schlechten,
Nie macht' ich mich gemein.

Переводъ: Пускай они меня ругаютъ,
Пускай клевещутъ и бранятъ,
Судомъ и пыткой угрожаютъ,
Они мой духъ не побѣдятъ.
Однимъ путемъ не шелъ я съ ними,
И пошлости я не терпѣлъ;
Съ низкопоклонными и злыми
Дѣлить я жизни не хотѣлъ.

6.

Ihr wolltet mich nicht verstehen,
Ihr habt mir alles genommen:
Nur nicht meinen Stolz und Muth!
Geschlechter kommen und gehen,
Geschlechter gehen und kommen,
Und dieser Wechsel ist gut.
Denn ihr auch werdet vergehen,
Und Andere werden kommen,
Ein neues, gereinigtes Blut—
Die werden mich verstehen,
Wenn sie mein Wort vernommen,
Und dieses Verständniß ist gut.

Переводъ: Вы меня жестоко гнали,
И постигнуть не желали,
Въ чемъ души моей полетъ.
Испыталъ я заточенье
И насиліе и гнетъ;
Но я гордо несъ гоненье—
Молодое поколѣнье,
Слава Господу! растетъ.
Вамъ на смѣну выступаетъ,
Кровь дурную обновляетъ,
Мысли новыя несетъ;
Проясняется затмѣнье,
Выступаетъ новый родъ—
Мои думы и стремленья
Молодое поколѣнье,
Слава Господу! пойметъ.

7.

Mein Auge war klar, wie deines,
Das mir so selig lacht—
Mein Herz war warm wie Eines,
Man hat es kalt gemacht.
Nichts gutes ist mir geblieben,
Ich mußte von allem lassen—
Der Himmel lehrte mich lieben,
Die Menschen lehrten mich hassen.

Переводъ: Какъ твой, и мой былъ ясенъ взоръ,
Къ добру душа была открыта;
Но, какъ обваломъ съ выси горъ,
Людскою злобою разбита.
И правды міра, можетъ быть,
Ужъ мнѣ не суждено увидѣть:
Я небомъ призванъ былъ любить—
Людьми наученъ ненавидѣть.

8.

Wie hab'ich geglüht für das Schöne
In seliger Sängerlust—
Wie klangen die Liedestöne
Gewaltig aus meiner Brust!
Ich kämpfte in stolzem Muthe
Mit gutem Fug und Recht
Für alles Wahre und Gute—
Das schien euch schlimm und schlecht:
Ihr habt meine Leier zerschlagen,
Mich meiner Freiheit beraubt,
Durch lange Kerkerplagen
Gebleicht mein junges Haupt.
Da war durch lange Betrachtung,
Der keine Macht gewehrt,
In grenzenlose Verachtung
Mein Haß zu euch gekehrt.
Ihr habt euch in allen Größen
Als gute Schergen gezeigt—
Mir Achtung einzuflößen,
Das habt ihr nicht erreicht!

Переводъ: Я полонъ былъ огня и силы,
И пѣсня свѣтлая лилась,
Ото всего, что мракъ могилы
Напоминало,—сторонясь.

И я боролся бодро, смѣло
Стоялъ за правду, за добро—
И пѣсня далеко звенѣла,
И не понравилось вамъ то.
И лиру вы мою разбили,
Все ненавидя, что свѣтло;
Въ темницѣ раннею покрыли
Вы сѣдиной мое чело.
Во дни гоненья, заточенья,
Я много мыслей перебралъ,
И чувство злобы и презрѣнья,
Питать къ вамъ съ ненавистью сталъ.
Да, вы во всѣхъ чинахъ явили
Достойный полицейскій пылъ:
Все, что свободно, вы губили,—
Но я главы не преклонилъ.

9.

Ein einzig Wort der Gnade,
Ein einzig Wort der Reue,
Eröffnet mir die Pfade
Der alten Gunst auf's Neue:
Doch lieber zusammenbräche
Ich hier in Kerker und Ketten,
Eh'ich ein Wort nur spräche
Durch Lüge mich zu retten.

Переводъ: Одно раскаянія слово
Зовутъ меня произнести—
И предо мной открыты снова
Къ почету, къ милости пути.
О, нѣтъ! тюремное томленье
И цѣпи легче мнѣ влачить,
Чѣмъ вымолить себѣ прощенье,
Иль ложью милость искупить.

10.

Wohl ohne mein Verschulden
Geduldet hab'ich genug,
Und frei sein möcht' ich nun—
Doch lieber will ich dulden
Noch mehr, als durch Verschulden
In eurem Lug und Trug
Euch Herrn es gleichzuthun!

Переводъ: Несу безвинно я гоненья—
Какъ бы хотѣлъ я отдохнуть!

Въ кругу родномъ свои мученья
Забыть бы, и вольнѣй вздохнуть!.
Но лучше мнѣ въ тюрьмѣ томиться,
Чѣмъ съ ложью вашей породниться.

11.

Klagt nicht ob meinem Verhängniß,
Nicht, daß die Frommen und Reinen
Mich von sich ausgestoßen!
Ihr auch wohnt im Gefängniß,
Ich wohne in einem kleinen,
Ihr wohn't in einem großen.

Переводъ: Не плачьте надъ моей судьбою,
Надъ одиночествомъ моимъ,
Что ненавидимъ и гонимъ.
Межъ вами разница и мною:
Что въ тѣсной я тюрьмѣ томимъ,
Томимы вы тюрьмой большою.

12.

Klagt nicht ob meinen Leiden
In diesen Kerkermauern—
Ich lasse euch eure Freuden,
Und schenke euch euer Bedauern.

Переводъ: Да, я въ темницѣ, въ заточеньѣ...
Не соболѣзнуйте, прошу!—
Дарю вамъ ваше сожалѣнье,
Чѣмъ вы счастливы—не ищу.

Эти стихотворенія были напечатаны Боденштедтомъ въ 1852 г. [Michail **Lermontoff's** Poetischer Nachlaß. Berlin.] Тутъ же находится и еще стихотвореніе, которое на русскомъ языкѣ утрачено, если вообще оно существовало: Hinaus! [На просторъ.]

Wild heulen die Donner,
Laut prasselt der Regen,
Bang' fliehen die Menschen
Von Aeckern und Wegen—
Sie suchen nach Obdach
Im schützenden Haus:
Ich möchte hinaus
Aus dem schützenden Haus!
Ich möchte hinaus,
Und lieber verkommen

In Stürmen und Blitzen,
Im Wetter und Graus,
Als länger hier sitzen
Im schützenden Haus—
Ich möchte hinaus!

Переводъ: Ливень, вой бури
Подъ трескомъ громовъ!
Люди бѣгутъ
Подъ спасительный кровъ
Съ поля, съ луговъ
И со стонущихъ горъ...
Я жь рвуся на волю,
Рвусь на просторъ!
Легче на волѣ!..
Пусть гибель грозитъ
Мнѣ подъ громами,
Гдѣ буря шумитъ.
Душенъ мнѣ кровъ,
Какъ тюремный затворъ....
Дайте мнѣ волю,
Дайте просторъ!

Давая свѣдѣнія о Лермонтовѣ, А. Дюма переводитъ его стихотвореніе подъ названіемъ «Le blessé» [Раненый]. Между стихотвореніями нашего поэта мы такого не знаемъ и откуда могъ его получить Дюма намъ неизвѣстно. Характеръ стихотворенія пожалуй и подходитъ къ поэзіи Лермонтова и мы думаемъ, не есть ли этотъ переводъ только весьма вольное подражаніе стихотворенію Лермонтова: «Завѣщаніе».

Voyez vous ce blessé qui se tord sur la terre?
Il va mourir ici, près du bois solitaire,
Sans que de sa souffrance un seul coeur ait pitié.
Mais ce qui doublement fait saigner la blessure
C'est qu'en se souvenant, il se sent oublié.

Alex. Dumas. Impressions de voyage. Le Caucase. Paris 1880 p. 266, vol. III.

Переводъ: Какъ звѣрь подстрѣленный, у лѣса онъ лежалъ...
Вокругъ безмолвная природа.
Сочилась кровь—онъ тихо умиралъ
Безъ ласки теплой и ухода.
А думы въ даль летятъ—минуты сочтены;
И въ немъ сильнѣй тоска и муки—
Онъ знаетъ, что забытъ, хоть ею полны сны
Хоть къ ней простеръ хладѣющія руки.

От Я. П. Полонскаго получили мы два стихотворенія, приписываемыя Лермонтову. По содержанію они подходятъ къ характеру Боденштедтовскихъ пьесъ, да и нѣкоторыя произведенія Михаила Юрьевича—какъ напримѣръ «Пророкъ» съ одной и «Жалобы турка», или «Прощай, немытая Россія» съ другой стороны—хранятъ въ себѣ тѣже мотивы. Хотя видъ бумаги и чернилъ изобличаютъ давность рукописи, но признать почеркъ за Лермонтовскій мы не можемъ, почему печатаемъ стихотворенія въ приложеніи съ оговоркою, что за подлинность не отвѣчаемъ.

* * *

Клеймо домашняго позора
Мы носимъ, славные извнѣ—
Въ обширномъ краѣ нѣтъ простора,
Въ могучемъ царствѣ нѣтъ отпора,
Въ родимой душно сторонѣ.
Ее въ своемъ безумьѣ яромъ,
Гнетутъ послушные рабы,
А мы молчимъ, хладѣемъ жаромъ,
И каждый день сдаемся даромъ,
Въ безплодность вѣруя борьбы.

---

* * *

Зачѣмъ душа твоя смирна?
Чѣмъ въ этомъ мірѣ ты утѣшенъ?
Твой праздный день предъ Богомъ грѣшенъ
Душа призванью не вѣрна.
Вокругъ тебя встаютъ задачи,
Вокругъ тебя мольбы и плачи
И торжествующее зло.
А ты?.. ужель хотя однажды
Тебя огнемъ палящей жажды
Добра и подвиговъ не жгло?
Чредою гибнетъ твой досугъ
Въ пустыхъ рѣчахъ, въ тупомъ весельѣ;
Ты полюбилъ свое бездѣлье
И сна душевнаго недугъ.
На царство лжи глядя незлобно,
Ты примиряешься удобно
Съ неправдой быта своего,
Съ уродствомъ всѣхъ его увѣчій,
Неразъяснивъ противорѣчій,
Не разрѣшая ничего.
Предъ Богомъ лѣнью не грѣши,
Отбрось ярмо благоразумья,

Люби ревниво до безумья
Всѣмъ пыломъ дѣвственной души.
Освободясь въ стремленьѣ новомъ
Отъ плѣна ложнаго стыда,
Громи, позорь укорнымъ словомъ,
Подвигни насъ всесильнымъ зовомъ
На подвигъ правды и труда.
Безумцемъ слыть тебѣ у всѣхъ;—
Но, предъ святыней убѣжденья,
Что значатъ міра оскорбленья,
Иль прелесть жизненныхъ утѣхъ?
Кто можетъ разъ презрѣть преграды,
Безъ одобренья, безъ награды
Безумно правду полюбить,
Тотъ вѣкъ иди за правды свѣтомъ—
Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ
Дано лишь истину открыть!

Въ третьей строфѣ вмѣсто 10 только 9 строкъ, а четвертая была перечеркнута карандашемъ.

Несомнѣнно Лермонтовскимъ является слѣдующее, находящееся въ матеріалахъ г. Хохрякова, стихотвореніе, полученное имъ отъ С. А. Раевскаго. Къ какому году оно относится нельзя опредѣлить—вѣроятно ко второй половинѣ 30-хъ годовъ.

И на театрѣ, какъ на сценѣ свѣта
Мы не выходимъ изъ балета,
Захочется-ль кому
Къ честямъ и званіямъ пробить себѣ дорогу,
Работы нѣтъ его уму—
Умѣй онъ поднимать лишь ногу.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

1830 годъ.

Ночь I,—стран. 79. Стихотвореніе это въ первоначальномъ видѣ имѣло другое начало и другой конецъ. На стр. 81, 8-й стихъ сверху, со словъ «И я сошелъ въ темницу...» и до 7-ой строки съ конца стихотворенія тексты сходятся; приводимъ здѣсь варіанты начала и конца стихотворенія.

Я зрѣлъ во снѣ, что будто умеръ я!...
Душа, не слыша на себѣ оковъ
Тѣлесныхъ, разсмотрѣть моглабъ яснѣе
Весь міръ—но было ей не до того;
Боязненное чувство занимало
Ее... Я мчался безъ дорогъ; предъ мною
Не сѣрое, не голубое небо
[И мнилося не небо было то,
А тусклое, бездушное пространство]
Виднѣлось; и ничто вокругъ меня
Различныхъ тѣней кинуть не могло,
Которыя на немъ мелькали;
И два противныхъ дикихъ звука,
Два отголоска цѣлыя природы,
Боролися—и ни одинъ изъ нихъ
Не могъ назваться побѣжденнымъ. Страхъ
Припомнить жизни гнусныя дѣянія,
Иль о добрѣ свершенномъ возгордиться
Мѣшалъ мнѣ мыслить; и летѣлъ, летѣлъ я
Далеко безъ желанія и цѣли—
И встрѣтился мнѣ свѣтозарный Ангелъ,
И такъ, сверкнувши взоромъ, мнѣ сказалъ:
«Сынъ праха—ты грѣшилъ—и наказанье

Должно тебя постигнуть какъ другихъ;
Спустись на землю, гдѣ твой трупъ
Зарытъ; ступай и тамъ живи, и жди,
Пока придетъ спаситель—и молись...
Молись—страдай... и выстрадай прощенье.»
И снова я увидѣлъ край земной;
Досадой видъ его меня наполнилъ,
И боль душевныхъ ранъ, на краткій мигъ
Лишь заглушенная боязнью, съ новой силой
Огнемъ отчаянья возобновилась;
И [странно мнѣ], когда увидѣлъ ту,
Которую любилъ такъ сильно прежде,
Я чувствовалъ одинъ холодный трепетъ
Досады горькой—и толпа друзей
Ликующихъ меня не удержала.
Съ презрѣніемъ на кубки я взглянулъ,
Гдѣ грѣхъ съ виномъ кипѣлъ.—Воспоминанье
Въ меня впилось когтями,—я вздохнулъ
Такъ глубоко, какъ только можетъ мертвый—
И полетѣлъ къ своей могилѣ. Ахъ!
Какъ бѣденъ тотъ, кто видитъ наконецъ
Свое ничтожество, и въ чьихъ глазахъ
Все, для чего трудился долго онъ—
На воздухъ разлетѣлось . . . .

Затѣмъ все какъ въ печатаемомъ текстѣ, только вмѣсто 6-ти послѣднихъ строфъ ихъ здѣсь слѣдующихъ восемь:

И мнѣ блеснула мысль—творенье ада:—
Что, если время совершитъ свой кругъ
И погрузится въ вѣчность невозвратно
И ничего меня не успокоитъ,
И не придутъ сюда простить меня?...
И я хотѣлъ изречь хулы на небо—
Хотѣлъ сказать . . . .
Но голосъ замеръ мой—и я проснулся.—

Наполеонъ—стр. 93. Лермонтовъ съ самаго начала поэтической дѣятельности интересовался Наполеономъ. Еще въ 1829 году онъ написалъ слѣдующее весьма слабое стихотвореніе, коего отрывки были напечатаны въ Русской Мысли 1881 г. №11.—

Гдѣ бьетъ волна о брегъ высокій,
Гдѣ дикій памятникъ небрежно положенъ
Въ сырой землѣ, и въ ямѣ неглубокой—
Тамъ спитъ герой, друзья!—Наполеонъ!. .
Вѣщаютъ такъ: и камень одинокой,
И дубъ возвышенный, и волнъ прибрежныхъ стонъ!...

Но вотъ, полночь свинцовый свой покровъ
По сводамъ неба распустила;
И влагу дремлющихъ валовъ,
Съ могилой тихою Діана осребрила.
Надъ ней сюда пришелъ мечтать
Пѣвецъ возвышенный, но юный;
Воспоминанія стараясь пробуждать,
Онъ арфу взялъ, запѣлъ, ударилъ въ струны...

«Не ты ли островокъ уединенный
Свидѣтелемъ былъ чистыхъ дней
Героя дивнаго? не здѣсь ли звукъ мечей
Гремѣлъ, носился гласъ его священный?
Нѣтъ! рокъ хотѣлъ отсюда удалить
И честолюбца кровь и гулъ военный;
А твой удѣлъ благословенный:
Принять изгнанника и прахъ его хранить!

«Зачѣмъ онъ такъ за славою гонялся?
Для чести счастье презиралъ?
Съ невинными народами сражался?
И скипетромъ стальнымъ короны разбивалъ?
Зачѣмъ шутилъ гражданъ спокойныхъ кровью,
Презрѣлъ и дружбой и любовью,
И предъ Творцомъ не трепеталъ?...

«Ему погибельной войною принужденный,
Почти весь свѣтъ кричалъ: ура!
При визгѣ бурнаго ядра
Уже онъ былъ готовъ—но... воинъ дерзновенный!...
Творецъ смѣшалъ неколебимый умъ,
Ты побѣжденъ московскими снѣгами...
Бѣжалъ... и скрылъ за дальними морями
Слѣды печальные твоихъ высокихъ думъ.

. . . .

«Огнемъ снѣдаемъ угрызеній,
Ты здѣсь безвременно погасъ:
Покоенъ ты; и въ тихій утра часъ,
Какъ надъ тобой порхнетъ зефиръ весенній,
Безвѣстный гость, дубравный соловей,
Порою издаетъ томительные звуки,
Въ нихъ слышны: слава прежнихъ дней,
И голосъ нѣгъ, и голосъ муки!..

«Когда уже едва свѣтъ дневный отраженъ
Кристальною играющей волною,
И гаснетъ день: усталою стопою

* Точки въ рукописи.

Идетъ рыбакъ бреговъ на тихій склонъ
Несвѣдущій, безмолвно попираетъ,
Таща изорванную сѣть,
Ту землю, гдѣ твой прахъ забытый истлѣваетъ,
Не переставъ простую пѣсню пѣть...

. . . .

Вдругъ!.. вѣтерокъ... луна за тучи забѣжала...
Умолкъ пѣвецъ. Струится въ жилахъ хладъ;
Онъ тайнымъ ужасомъ объятъ...
И струны лопнули... и тѣнь ему предстала:
«Умолкни, о, пѣвецъ! спѣши отсюда прочь,
Съ хвалой иль съ язвою упрека:
Мнѣ все равно; въ могилѣ вѣчно ночь.
Тамъ нѣтъ ни почестей, ни счастія, ни рока!
Пускай исторію страстей
И дѣлъ моихъ хранятъ далекіе потомки!
Я презрю пѣснопѣнья громки:
Я выше и похвалъ, и славы, и людей!...

Затѣмъ въ тетрадяхъ 1830 года находится прозаическій переводъ стихотворенія Байрона «Napoleon's Farewell».

1.

Прости, о, край! гдѣ тѣнь моей славы возстала и покрыла землю своимъ именемъ — онъ покидаетъ меня теперь — но страница его исторіи самая мрачная или блестящая—наполнена моими подвигами. Я воевалъ съ цѣлымъ свѣтомъ, который побѣдилъ меня только тогда, когда метеоръ завоеванія заманилъ меня слишкомъ далеко; я противился народамъ, которые боялись меня, оставленнаго, послѣдняго, единственнаго плѣнника изъ милліоновъ, бывшихъ на войнѣ.

2.

Прости, Франція! Когда твой вѣнецъ короновалъ меня, я сдѣлалъ тебя алмазомъ, дивомъ и красою земли.—Но твоя слабость повелѣваетъ, чтобъ я тебя оставилъ, какъ нашелъ, увядшую славой и упадшую своимъ именемъ; ибо сердца старыя бойцовъ моихъ были приведены въ отчаянье нападеньемъ бури и непогоды, хотя сраженія были выиграны—и орелъ, орелъ, коего взоръ померкнулъ, могъ-бы снова подняться, встрѣтивъ солнце побѣды.

3.

И такъ, прости-же, Франція!—Но если свобода снова появится у тебя, вспомни обо мнѣ—фіалка надежды еще растетъ, скрываясь въ глубинѣ долинъ твоихъ; хотя она увяла, слезы твои могутъ воскресить ее—я могу еще смѣшать непріятелей, насъ окружающихъ, и твоя душа еще можетъ внять

* Точки въ рукописи

голосу моему; въ цѣпи, которая насъ оковала, еще есть кольца, могущія разорваться; тогда, обратясь, призови начальника твоего выбора.

Въ тѣхъ-же тетрадяхъ встрѣчаются и отрывки прозаическаго перевода Байроновскаго «Гяура» и начальная строфа «Беппо».

Стансы—стран. 127. А. Хвостова (записки) приводитъ стихотвореніе немного въ иной редакціи.

Стихъ 7-й: ...какъ въ *прошлый* часъ
» 15-й: *И сердце шепчетъ мнѣ подчасъ:*
» 21-й: Чѣмъ ты *украсишь* жизнь мою.

Чума—стран. 133. Въ черновыхъ тетрадяхъ 1830 г. есть еще отрывки стихотворенія «Чума», касающагося холернаго времени. Напечатаны они были въ Русск. Мысли 1883, №4.

. . . .

79.

1830. Августа.

Два человѣка въ этотъ страшный годъ,
Когда всѣхъ занимала смерть одна,
Хранили чувство дружбы. Жизнь ихъ, родъ,
Незнанія хранила тишина.
Толпами гибъ отчаянный народъ,
Вкругъ нихъ валялись трупы—и страна
Веселья—стала гробъ—и въ эти дни
Безъ страха обнималися они!..

80.

Одинъ былъ юнъ годами и душой,
Имѣлъ блистающій и быстрый взоръ,
Играла кровь въ щекахъ его порой,
Въ движеніяхъ и въ мысляхъ онъ былъ скоръ,
И мужественъ съ лица. Но онъ съ тоской
И ужасомъ глядѣлъ на гладный моръ,
Молился, плакалъ онъ. И день и ночь
Отталкивалъ и сонъ и пищу прочь!

81.

Другой узналъ, казалось, жизни зло;
И разорвалъ свои надежды самъ.
Высокое и блѣдное чело
Являло наблюдательнымъ очамъ,
Что сердце много мукъ перенесло
И было прежде отдано страстямъ.

Но, не смотря на мрачный сей удѣлъ,
И онъ, какъ бы невольно, жить хотѣлъ.

82.

Безмолвствуя, на друга онъ взиралъ,
И въ жилахъ останавливалась кровь;
Онъ вздрагивалъ, садился, онъ вставалъ,
Ходилъ, блѣднѣлъ, и вдругъ садился вновь,
Ломалъ въ безумьи руки, но молчалъ.
Онъ подавлялъ въ груди своей любовь,
И сердца безпокойный, вѣщій гласъ:
Что скоро бьетъ неизбѣжимый часъ.

83.

И часъ пробилъ! его нѣжнѣйшій другъ
Сталъ медленно слабѣть. Хоть говорить
Не могъ ужъ юноша, его недугъ
Не отнималъ еще надежды жить;
Казалось, суд(о)рожнымъ движеньемъ рукъ
Старался онъ кончину удалить.
Но вотъ утихъ... взоръ ясный поднялъ онъ—
Закрылъ...хотя-бъ одинъ послѣдній стонъ!

84.

Какъ сумасшедшій, руки сжавъ крестомъ,
Стоялъ его товарищъ. Онъ хотѣлъ
Смѣяться... и съ открытымъ ртомъ
Остался—взглядъ его оцѣпенѣлъ.
Пришли къ нимъ люди: зацѣпивъ крючкомъ
Холодный трупъ, къ высокой грудѣ тѣлъ
Они безъ сожалѣнья повлекли,
И подложили бревенъ и зажгли...

85.

Когда-жъ потомъ въ себя пришелъ живой,
И увидалъ, что унесенъ мертвецъ,
Онъ завернулся въ плащъ широкій свой,
Чтобъ ожидать безтрепетно конецъ.
И сталъ въ глазахъ двоиться лучъ дневной,
Глава отяжелѣла, какъ свинецъ,
И душу—рокъ отъ тѣла оторвалъ,
И, будто снопъ, на землю онъ упалъ!

---

* Эта строфа въ рукописи зачеркнута.

Вверху одна горитъ звѣзда—стран. 136—варіанты:
Стихъ 8-й: меня зоветъ.
» 16-й: Онъ былъ высокъ.
» 20-й: Къ нему взывалъ.

1832 года.

Два великана—стран. 236. Послѣ двухъ первыхъ строфъ въ черновой тетради была написана еще одна:

Страшны міру были оба,
Съ гордымъ пасмурнымъ челомъ;
Но въ одномъ кипѣла злоба,
А презрѣніе въ другомъ.

Затѣмъ 8-й стихъ снизу имѣетъ варіантъ:

Но улыбкой роковою

До сихъ поръ стихотвореніе неправильно относилось къ 1836 году. Оно находится въ тетради 1832-го. Не согласно съ рукописью печаталось въ стихѣ 6-мъ сверху: Ужъ гремѣлъ *о немъ*, вмѣсто *о нихъ*, разсказъ.

Между стихотвореніями 1832 года находится тоже попытка перевода на русскій языкъ нѣмецкой баллады. Стихотвореніе въ рукописи зачеркнуто. какъ неудачное, почему мы его въ текстѣ и не помѣстили.

Баллада (съ нѣмецкаго).

Изъ воротъ выѣзжаютъ три витязя врядъ—
Увы!
Изъ окна три красотки во слѣдъ имъ глядятъ:
Прости!
Напрасно въ бояхъ они льютъ свою кровь—
Увы!
Разлука пришла—и дѣвичья любовь—
Прости!
Ужъ три витязя новыхъ въ ворота спѣшатъ—
Увы!
И красотки печали своей говорятъ:
Прости!

1833 годъ.

Къ 1833 году принадлежитъ экспромитъ, сказанный Лермонтовымъ товарищу своему кн. Шаховскому (въ «Уланшѣ» онъ изображенъ подъ именемъ «Князя Носа») по поводу любви его къ гувернанткѣ-француженкѣ, жившей въ семейномъ домѣ, въ который были вхожи многіе юнкера. Одинъ изъ дежур-

ныхъ офицеровъ школы, штабъ-ротмистръ Клеронъ (родомъ Эльзасецъ), замѣтивъ любовь Шаховскаго, сталъ его дразнить и ухаживать за гувернанткою. Она была недурна, но довольно полнаго сложенія. Лермонтовъ въ дружеской бесѣдѣ разразился экспромптомъ по адресу Шаховскаго:

О, какъ мила твоя богиня!—
За ней волочится французъ:
Лицо то у нея какъ дыня,
За то и.... какъ арбузъ.

(см. Русскій Міръ, 1872 г., №205).

Экспромптъ этотъ несправедливо относился къ 1840 году, якобы сказанный Лермонтовымъ де-Баранту по поводу любви его къ К-нѣ Щ., изъ-за чего будто и произошла дуэль между ними (ср. біографію).

1835 годъ.

«Опять народные витіи» Стран. 245— во всѣхъ изданіяхъ относилось къ 1831 году, а въ изд. 1887 года къ 1834-му (т. II, стр. 332); хотя изъ показаній Раевскаго, напечатанныхъ тамъ же (т. I, стр. 477) ясно видно, что стихотвореніе писано въ 1835 году.

Варіантъ 2 строфы, 2-я строка сверху:

«На брань отчаянный призывъ?»

Строфа 3 имѣла варіанты:

Вы мните грязными руками
Вѣнецъ блестящій запятнать.
На голосъ чуждый между нами
Отвѣтъ внимательный сыскать.
Давно привыкшіе вѣнцами
И уваженіемъ играть,
Вамъ непонятно, вамъ несродно и т. д.

1836 годъ.

Русалка—варіанты:

Стран. 247 стихъ 10 сверху: Не бываетъ ни ночи ни дня,
» — » 14 » : Завернутъ въ студеный покровъ,
» 248 » 11 » : Непонятной печали полна;
И шумя и крутясь колебала рѣка.

Эпиграмма на Кукольника—стран. 251—была первоначально написана такъ:

Сидѣлъ въ театрѣ я одинъ
И молча Скопину дивился;

Когда-же занавѣсъ упалъ,
Сосѣдъ мой жалобно сказалъ:
«Какъ жаль, что умеръ такъ Скопинъ—
Ну, право, лучше-бъ не родился».

Писано или въ самомъ концѣ 1836 года или въ началѣ 1837, потому что находится на одномъ листѣ съ «Молитвою Странника», которую самъ поэтъ относитъ къ 1837 году.

Вѣтка Палестины—стран. 251—была отнесена къ 1837 году на основаніи разсказа А. Н. Муравьева (Знакомство съ русскими поэтами, стр. 24) будто Лермонтовъ написалъ это стихотвореніе въ ожиданіи Муравьева, поѣхавшаго узнать, какая судьба ожидаетъ поэта за стихотвореніе его на смерть Пушкина. Подъ образами у Муравьева находилась пальмовая вѣтка, привезенная имъ съ Востока, она-то и вдохновила Михаила Юрьевича. Но А. Н. Муравьевъ могъ запамятовать, когда именно было написано стихотвореніе.—Лермонтовъ часто бывалъ у него; самъ-же поэтъ въ изданіи 1840 года относитъ стихотвореніе къ 1836 году.

1837 годъ.

На смерть поэта. Стран. 253. Въ рукописи подъ стихотвореніемъ отмѣчено, вѣроятно по ошибкѣ, 28 января, хотя Пушкинъ скончался 29-го. Главнѣйшіе варіанты слѣдующіе:

Стран. 253, стихъ 10 сверху: *Похвалъ и слезъ* ненужный хоръ
» 254, » 10 » Земли чужой *языкъ* и нравы.
» — » 25 » И прежній снявъ вѣнокъ, *они вѣнецъ* терновый.
» 255, » 9 » Но есть *и* Божій судъ, наперстники разврата.
Есть грозный *судія*....

Среди варіантовъ и набросковъ автографа стихотворенія, приводимыхъ въ «Библіогр. Зап.» послѣ 13 строки сверху было еще слѣдующее четырехстишіе, относящееся къ убійцѣ Пушкина.

Его душа въ заботахъ свѣта
Ни разу не была согрѣта
Восторгомъ русскаго поэта,
Глубокимъ пламеннымъ стихомъ...

И затѣмъ говорится о Пушкинѣ:

Но часъ насталъ—и нѣтъ пѣвца Кавказа!...

Узникъ—стр. 255. Варіантъ этого стихотворенія въ изданіяхъ сочиненій Лермонтова, подъ названіемъ «Желаніе», относился къ 1836 году и признавался самостоятельнымъ стихотвореніемъ. По нашему мнѣнію этотъ помѣщенный у насъ на стр. 256 варіантъ представляетъ собою редакцію, отвергнутую самимъ поэтомъ, потому что въ немъ встрѣчаются такіе курьезы, какъ янтарный виноградъ, зрѣющій въ широкой тѣни, а не подъ лучами солнца. Черновой набросокъ этого варіанта, находящійся въ Чертковской библіотекѣ въ Москвѣ, писанъ, впрочемъ, рукою Раевскаго, (?) а не Лермонтова.

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ и **Не смѣйся надъ моей пророческой судьбою**—стр. 259 и 260.

Рукописи 2-хъ этихъ стихотвореній находятся въ Чертковской библіотекѣ. Бумага и почеркъ сходны съ рукописью стихотворенія «*Какъ небеса твой взоръ блистаетъ*» [стр. 269], относимаго къ 1837 году. Къ нему слѣдуетъ отнести и ихъ, а не къ 1841, какъ это дѣлалось до сихъ поръ въ изданіяхъ. Второе изъ нихъ: *Не смѣйся* и т. д. хранитъ въ себѣ и намекъ на постигшую поэта катастрофу вслѣдъ за смертью Пушкина въ началѣ 1837 года. Гр. Саллогубъ, напечатавшій оба произведенія въ 1845 году въ сборникѣ «Вчера и Сегодня» и безъ уважительной причины отнесшій ихъ къ 1841 году, пользовался автографами, полученными отъ А. П. Шанъ-Гирея, подарившаго ихъ затѣмъ вмѣстѣ съ другими г. Арнольди. Всѣ хранившіяся въ то время у Шанъ-Гирея рукописи относились ко времени до второй ссылки поэта на Кавказъ, т. е. ко времени не позднѣе 1839 года.

Конецъ затеряннаго стихотворенія. Стр. 263 — напечатанъ впервые въ Русской Старинѣ 1875 г. [сентябрь] съ перестановкою строфъ и такъ вошелъ въ изданія. Мы возстанавливаемъ порядокъ строфъ, какъ онъ находится въ оригинальной рукописи Чертковской библіотеки. Тутъ-же встрѣчается отрывокъ, о коемъ г. Ефремовъ [изд. соч. Лерм. 1887 г., стр. 538] говоритъ, что оно «начало неизвѣстно гдѣ находящагося стихотворенія: *Наводненіе*».

. . . .
И день насталъ—и совершилось
Долготерпѣніе судьбы,
И море съ шумомъ ополчилось
На мигъ рѣшительной борьбы.
. . . .

Русск. Вѣстн. 1860 г., №8.

Сомнѣваемся, чтобы это четырехстишіе можно было назвать *началомъ стихотворенія*. Это, вѣроятно, отрывокъ изъ середины какого-либо написаннаго или замышлявшагося произведенія.

Молитва странника—стран. 264—Подъ этимъ заглавіемъ стихотвореніе находится въ письмѣ къ М. А. Лопухиной отъ 15 февр. 1838 года, хотя въ изданіи 1840 года и слѣдующихъ оно названо просто «Молитва», но мы возстановили прежнее названіе для того, чтобы отличить отъ другой извѣстной молитвы [Въ минуту жизни трудную], 9-я строка сверху печаталась обыкновенно:

Окружи счастіемъ, счастья достойную,

но мы возстановили, какъ напечатано въ изданіи 1840 года.

Казбеку—стран. 267. Стихотвореніе относили къ 1841 году. Въ послѣднихъ изданіяхъ подъ стихотвореніемъ совершенно произвольно ставили [май]. Лермонтовъ дѣйствительно въ апрѣлѣ 1841 года въ послѣдній разъ уѣхалъ изъ Петербурга на Кавказъ и могъ-бы въ маѣ быть около Казбека, но онъ тогда не уѣзжалъ далѣе кавказскихъ минеральныхъ водъ, да и стихотвореніе обращено къ Казбеку, мимо коего странникъ ѣдетъ съ юга на сѣверъ, а не наоборотъ. Съ Кавказа на сѣверъ Лермонтовъ ѣхалъ въ концѣ 1840 года, но въ стихотвореніи говорится о пыльномъ пути и знoѣ, которые не идутъ къ позднему времени года; къ тому-же въ 1840 году Михаилъ Юрьевичъ ѣхалъ съ Кавказа не по военно-грузинской дорогѣ, а моремъ черезъ Крымъ [Ялту]. Стихотвореніе очевидно писано въ 1837 году во время перваго возвращенія поэта изъ ссылки на Кавказъ. А. П. Шанъ-Гирей говорилъ мнѣ, что ему помнится, что Лермонтовъ привезъ это стихотвореніе именно въ то время и посвятилъ его московскимъ друзьямъ. Онъ въ 1837 году былъ въ Тифлисѣ и оттуда поѣхалъ по военно-грузинской дорогѣ мимо Казбека еще въ теплую пору.—Два послѣднихъ стиха по увѣренію Лонгинова [Русск. Вѣстн. 1860 г., апрѣль] не были писаны Лермонтовымъ, такъ что стихотвореніе обрывалось и будто М. И. Поповъ, вмѣстѣ съ Л. И. Арнольди, дѣлавшимъ въ 1843 году выборку для дополнительнаго тома сочиненій Лермонтова, придѣлалъ два заключительныхъ стиха:

И прахъ бездомный по ущелью
Безъ сожалѣнія развѣй!

Г. Ефремовъ [см. изд. 1887 года, т. I, стр. 538] во всѣхъ изданіяхъ противорѣчитъ Лонгинову, говоря, что въ Чертковской библіотекѣ нашелъ именно этотъ автографъ, *весь* писанный рукою Лермонтова, включая послѣдніе стихи. Внимательно изучая эту рукопись, приходится увѣриться, что послѣдній стихъ писанъ положительно *не* Лермонтовскимъ почеркомъ [почеркъ г. Попова мы не знаемъ], а предпослѣдній сомнителенъ.

Кинжалъ—стран. 268.—Во всѣхъ изданіяхъ стихотвореніе относилось къ 1841 году, но написано оно [автографъ въ Чертк. библіот.] на одномъ листѣ съ отрывкомъ изъ «Казначейши» и стихотвореніями «*Она поетъ...*» да «*гляжу на будущность съ боязнью*», отнесенныхъ въ тѣхъ-же изданіяхъ къ 1836 году. Къ этому-же году относили и стихотвореніе: «*Какъ*

небеса твой взоръ блистаетъ», написанное на оборотѣ другого листа съ отрывкомъ изъ «Казначейши». Поэма эта дѣйствительно была писана въ 1836 году, но взята поэтомъ на Кавказъ, гдѣ исправлялась, и привезена обратно въ началѣ 1838 года. Тогда-же была она отдана Жуковскому, о чемъ говорилъ Михаилъ Юрьевичъ въ письмѣ къ М. А. Лопухиной отъ 15 февраля 1838 года. Есть, слѣдовательно, полное вѣроятіе, что поэтъ написалъ всѣ четыре стихотворенія на Кавказѣ въ 37 году, тѣмъ болѣе, что два изъ нихъ очевидно касаются его пребыванія тамъ. Эти соображенія заставили насъ отнести всѣ четыре стихотворенія къ 1837 году.

Стр. 268. Что касается варіантовъ къ стихотворенію «*Кинжалъ*» мы указываемъ на слѣдующіе два стиха:

1 стихъ сверху: Мы не разстанемся, любезный мой кинжалъ.
4 » » Точилъ на вольный бой черкесъ свободный.

1838 годъ.

Поэтъ—стран. 271. И это стихотвореніе неправильно относилось къ 1839 году. Автографъ его написанъ на обратной сторонѣ черноваго листа изъ «Боярина Орши». Рукопись этой поэмы была съ поэтомъ на Кавказѣ въ 1837 году и привезена имъ въ окончательной обработкѣ въ Петербургъ изъ Новгорода, гдѣ Лермонтовъ служилъ временно по возвращеніи изъ ссылки на Кавказъ. Въ это время, по указаніямъ А. А. Краевскаго, Михаилъ Юрьевичъ зачитывался французскимъ поэтомъ Barbier. Разсматриваемое стихотвореніе, особенно вторая часть его, по силѣ, строю стиха и направленію своему, напоминаетъ манеру этого, въ своемъ родѣ и теперь еще первенствующаго поэта. Написанная въ 1838 году «*Дума*» Лермонтова носитъ такой-же характеръ и снабжена даже эпиграфомъ изъ Barbier. Книжка его стихотвореній въ то время за свои «гражданскіе мотивы» была запрещена цензурою. Самъ Лермонтовъ не внесъ стихотворенія «*Поэтъ*» въ изданіе 1840 года, хотя оно появилось въ Отечеств. Запискахъ 1839 года, томъ II-й. Отнести стихотвореніе къ 1835 году [къ коему относили и «Боярина Оршу»] тоже нельзя, потому что въ черновомъ наброскѣ его говорится о Геургѣ, извѣстномъ въ тѣ годы оружейномъ мастерѣ въ Тифлисѣ. Лермонтовъ могъ знать его лишь въ 1837 году, не раньше. Черновой набросокъ «Боярина Орши», на обратной сторонѣ коего написанъ «Поэтъ», относится къ началу второй части поэмы—это приглашеніе игумена начать допросъ Арсенія:

И понялъ данный знакъ монахъ....

—всего четырнадцать строкъ, вошедшихъ въ бѣловой списокъ съ нѣкоторыми исправленіями. «Бояринъ Орша», начатый въ 1835 году, подвергался исправленіямъ и переработкѣ въ 36 и 37 годахъ [см. примѣчаніе къ этой поэмѣ]. И такъ, стихотвореніе «*Поэтъ*» принадлежитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ 1837 году. Приводимъ его здѣсь въ первоначальномъ видѣ:

Въ серебряныхъ ножнахъ блистаетъ мой кинжалъ,
Геурга стараго издѣлье;

Булатъ его хранитъ таинственный закалъ—
Давно утраченное зелье
Наѣздинку въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ
Орудьемъ гибельнаго мщенья;
И слышалъ онъ одинъ его полночный бредъ
И сердца гордаго біенье
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба,
И какъ сестра дѣлилъ печали;
Ни золотой узоръ, ни хитрая рѣзьба,
Его ноженъ не украшали.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Ноженъ избитыхъ въ играхъ, на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный.
И нынче въ золотѣ онъ блещетъ на стѣнѣ—
Увы! безславный и безвредный!

Далѣе какъ въ текстѣ, который уже незначительно разнится отъ первыхъ зачеркнутыхъ набросковъ.

Дума. Стран. 272—варіанты.
Стихъ 11 сверху:

Предъ *подвигомъ* позорно-малодушны
И передъ властію *ничтожные* рабы.

Г-жѣ Мусиной-Пушкиной—стран. 284. Первые четыре стиха имѣютъ слѣдующій варіантъ:

Графиня Эмилія
Прекрасна какъ лилія;
Такой станъ и талія
Конечно не встрѣтятся и т. д.

Неосновательно относили это стихотвореніе къ 1840 году; оно написано на одномъ листѣ со стихотвореніями «*На смерть Одоевскаго*» и «Казотъ». Въ первый разъ появилось въ печати въ Русск.Вѣстн. 1860 г., №8.

Журналистъ, читатель и писатель.—Варіанты:

Стран. 289, стихъ 9 сверху: Обдумать *рѣзкое* творенье.
» 290, » 5 » Всѣ *на войну* неслись душою.
Взывали съ тайною *тоскою*
» — » 21 » *Откроешь прозу*

Стран. 292, стихъ 2 сверху: Владѣетъ онъ *пріятнымъ* слогомъ;
» 294, » 1 » Чтобъ ядъ пылающей страницы,
Нарушилъ сонъ отроковицы,
И сердце юноши увлекъ.

Ребенку—стран. 297—Въ изданіи 1887 года отнесено къ 1838 году неправильно. Стихотвореніе писано въ началѣ 1840 года и тѣсно связано съ однимъ событіемъ въ жизни поэта (см. біогр.). Въ первомъ изданіи, разрѣшенномъ цензурою 13 августа 1840 года, самимъ поэтомъ отнесено къ 1840 году.

М. П. Соломирской—стран. 300. Рукопись стихотворенія, выставленная въ Публичной Библіотекѣ подъ стекломъ, какъ автографъ поэта,—писана не его рукою.

А. О. Смирновой—стран. 302. Г. Ефремовъ въ изд. 1887 года, стр. 536 говоритъ: «У М. И. Семевскаго мы видѣли подлинникъ *позднѣйшей* передѣлки этого стихотворенія, но исправленій Лермонтовъ не докончилъ и нѣкоторыхъ стиховъ вовсе не написалъ, замѣнивъ ихъ точками»:

Въ простосердечіи невѣжды
Короче знать желалъ я васъ,
Но лучъ заманчивой надежды
. . . .
Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу;
Но молча вы глядите строго—
И я въ смущеніи молчу.
Словами важными порою
Вашъ смѣхъ боюсь я возмутить
. . . .
. . . .
Что дѣлать! рѣчью неискусной
Занять васъ . . . .

Но я у г. Семевскаго автографа уже не нашелъ. Онъ исчезъ и потому отказываюсь рѣшить, есть-ли это позднѣйшая передѣлка.

Валерикъ—стран. 305. Писанъ былъ на Кавказѣ, послѣ сраженія, которое имѣло мѣсто 6-го іюля 1840 года. Михаилъ Юрьевичъ принималъ въ немъ участіе и выказалъ, какъ гласитъ отзывъ начальниковъ, немалую храбрость и военныя способности. О сраженіи этомъ Лермонтовъ пишетъ въ письмѣ къ А. А. Лопухину 12 сентября 1840 года, а въ стихотвореніи своемъ «Валерикъ» дѣлаетъ ему довольно точное описаніе (см. статью мою въ

Русской Старинѣ 1884 г. №1 и въ Истор. Вѣстникѣ 1885 г.,т.XIX и XX]. Валерикъ былъ въ первый разъ напечатанъ въ «Утренней Зарѣ» 1843 года весьма небрежно, потомъ въ Русской Старинѣ 1874 года, т. X, г.Ефремовымъ по тщательномъ исправленіи текста. Но г. Ефремовъ невѣрно относитъ «Валерикъ» къ 1841 году. Любопытно тоже, что стихъ «*Въ своемъ нарядѣ сињозомъ*» [стр. 311, стихъ 15] кажется совсѣмъ не принадлежитъ Лермонтову. Въ рукописи его нѣтъ,нѣтъ и въ изданіяхъ до 1880 года, когда вдругъ онъ появляется, хотя самъ г. Ефремовъ въ Русской Старинѣ 1874 года т. X, стр. 185, примѣчаніе 52, констатируетъ его отсутствіе. Мы однако удержали этотъ стихъ, какъ удачный, и потому еще, что иначе стихъ «Синѣлъ въ дыму пороховомъ» не имѣлъ-бы соотвѣтствующаго ему риѳмующагося.

Оправданіе—стран. 317. Очевидно дальнѣйшая переработка двухъ стихотвореній 1831 года, которыхъ читатель найдетъ въ драмѣ «Странный человѣкъ» [въ сценѣ двѣнадцатой]. Оба варіанта романса, написаннаго къ одной и той же женщинѣ,какъ и «Оправданіе», кажется относились къ Варварѣ Ал. Л—ой.

Послѣднее новоселье—стран. 318. Останки Наполеона перевезены въ Парижъ 18 окт. 1840 года. Лермонтовъ написалъ стихотвореніе свое въ Альбомѣ 1840 года, гдѣ написана «Любовь мертвеца». Если «Послѣднее новоселье» относить къ 1841 году, то только къ самому началу его и только развѣ потому, что писанное раньше,отдѣлано было позднѣе. Книжка «Отечественныхъ Записокъ» 1841 года №5, гдѣ впервые появилось произведеніе, была разрѣшена цензурою 30 апрѣля. На листѣ, съ коего печаталось стихотвореніе [онъ находится въ Лермонтовскомъ музеѣ], исправленія сдѣланы однако не рукою поэта. Напримѣръ стихъ 17 на стран. 319 измѣненъ такъ:

Одинъ *замученъ мщеніемъ безплоднымъ*
вмѣсто: Одинъ замученный враждою неумѣстной,

а ему соотвѣтствующій стихъ: *И какъ простой солдатъ въ плащѣ своемъ походномъ*,
вмѣсто: И, въ боевомъ плащѣ, какъ ратникъ неизвѣстный.

Мы возстановили первоначальный текстъ. Также вмѣсто исправленнаго: *степяхъ египетскихъ* [стран. 318, стихъ 2-й снизу] мы возстановили: пескахъ египетскихъ.—Вмѣсто: *священный этотъ прахъ* [стран. 319, стихъ 12 снизу] мы возстановили: его священный прахъ.—Вмѣсто: *великой жатвы*—возстановили: грядущей жатвы [стихъ 11 снизу]. На страницѣ 320, стихъ 1 и 2 мы возстановили по рукописи, хотя чужая рука и исправила,и затѣмъ всегда печаталось:

Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно столько лѣтъ спокойствія и сна!

Въ первоначальномъ наброскѣ кромѣ того вмѣсто: отчаянныхъ усилій [страница 319, стихъ 5-й сверху] было: *мучительныхъ* усилій. Вмѣсто:

И возвратился онъ на родину [стихъ 10 снизу] было первоначально: *Опять везутъ его на родину.* Стихъ 18 сверху, на стр. 319 первоначально былъ написанъ:

По каплѣ выпивъ ядъ тоски своей нѣмой,

а въ стихѣ 28 сверху: Останки *грозные*, вмѣсто: тлѣнные.

Послѣднія четыре строки переиначивались нѣсколько разъ. Было:

Какъ будетъ онъ жалѣть но островѣ далекомъ,
и . . . . [по кельѣ той любимой]
Подъ знойнымъ солнцемъ южныхъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его *своимъ зеленымъ окомъ*,
и . . . . [какъ онъ неумолимый]
Какъ онъ великій океанъ.

Сосѣдка—стран. 320. Первоначально было:

Стихъ 1 — 3 сверху: *Я въ тюрьмѣ мечтаю о волѣ*
Сердце бьется и просится въ поле;
По окно высоко надъ землей.
« 20 « Полосатый *спустился* платокъ.
« 21—24 « *Я своей не позволилъ-бы дочкѣ,*
У окна такъ садиться въ сорочкѣ;
На далекое небо глядя—
Видно плачетъ по волѣ, какъ я.

Стихъ 7—10 на стран. 321. У отца ты *украдь мнѣ ключи,*
Часовыхъ разойтись подучи,
А для тѣхъ, *что у двери стоятъ*,
Я сберегъ наточеный булатъ.

Видъ горъ изъ степей Козлова—стран. 325,—и стихотвореніе **А. Г. Хомутовой** относятся издателями къ 1841 году. Есть основаніе думать, что оба они писаны раньше—около 1836 года—какъ полагалъ А. П. Шанъ-Гирей на томъ основаніи, что Лермонтовъ съ слѣпымъ поэтомъ Козловымъ особенно часто видѣлся въ этомъ году. Но такъ какъ вѣрныхъ данныхъ нѣтъ, то мы стихотвореній и не перенесли.

Отчизна—стран. 327. Всегда неправильно печаталось подъ заглавіемъ «Родина» въ первый разъ въ Отеч. Зап. 1841 г. №4. Нынѣ возстановляемъ стихотвореніе по рукописи. Печатаемъ: «ея полей» [стран. 328, стихъ 2 и 3] вмѣсто ошибочно печатавшагося *ея степей*; «ея лѣсовъ дремучихъ», вмѣсто *безбрежныхъ*, равно какъ и въ стихѣ 10 «ночующій обозъ», вмѣсто *качующій*.

Споръ—стран. 334. Хотя это стихотвореніе напечатано было въ Іюньской книжкѣ Москвитянина за 1841 годъ, слѣдовательно какъ-бы еще при жизни поэта, но врядъ-ли онъ его видѣлъ въ печати. Книжки запаздывали выходомъ, а Лермонтова 15 іюля не стало. Возможность исправленія редакціею текста, въ виду того, что неоднократно поступали такъ съ Лермонтовскими произведеніями, и здѣсь не исключена. Я полагаю, что возстановленія, сдѣланныя мною по рукописи самого поэта, имѣютъ большее поэтическое достоинство. Не думаю, чтобы Лермонтовъ могъ писать:

Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ

между рядами полковъ, идущихъ *медленно* и стройно, или чтобы самъ поэтъ передѣлалъ: «тѣсныхъ келій» [стихъ 9] на *дымныхъ* келій.

Тамара—стран. 336. Въ строфѣ 7-й не вѣрно печаталось: *страстные* звуки; въ рукописи: странные.

Свиданіе—стран. 338. Кажется, что и это стихотвореніе, какъ и все писанное Михаиломъ Юрьевичемъ, имѣетъ основу въ дѣйствительномъ происшествіи, записанномъ поэтомъ на листкѣ бумаги, находящемся тоже въ рукописяхъ Чертковской библіотеки:

Я въ Тифлисѣ у Петр: Г[агарина] (?)—ученый татар[инъ] Али Ахметъ;—иду за Груз[инкою] въ бани; она дѣлаетъ знакъ; но мы не входимъ, ибо суббота. Выходя, она опять дѣлаетъ знакъ; я рисовалъ углемъ на стѣнѣ для забавы татаръ и дѣлаю ей черту на спинѣ; слѣдую за ней: она соглашается ..... только чтобъ я поклялся сдѣлать, что она велитъ; надо вынести трупъ. Я выношу и бросаю въ Куру. Мнѣ дѣлается дурно. Такъ нашли и отнесли на гауптвахту. Я забылъ ея домъ навѣрное. Мы рѣшаемся отыскать; я снялъ съ мертваго кинжалъ для доказательства. Несемъ его къ Геургу. Онъ говоритъ, что дѣлалъ его русскому офицеру. Мы говоримъ Ахмету, чтобъ онъ узналъ, кого *навѣщалъ* этотъ офицеръ. Узнаютъ отъ денщика, что этотъ офицеръ долго ходилъ по сосѣдству къ одной старухѣ съ дочерью; но дочь вышла замужъ; а черезъ недѣлю онъ пропалъ. Наконецъ узнаемъ, за кого эта дочь вышла замужъ; находимъ домъ, но ея не видать. Ахметъ бродитъ кругомъ и узнаетъ, что мужъ пріѣхалъ и кто-то ему сказалъ, что видѣли какъ изъ окошка вылѣзъ человѣкъ намедни и что мужъ допрашивалъ и вся семья. Разъ мы идемъ

по караванъ-сераю—видимъ идетъ мужчина съ женой; они остановились и посмотрѣли на насъ. Мы прошли и видимъ, она показала на меня пальцемъ, а онъ кивнулъ головой. Послѣ ночью однажды на меня напали на мосту. Схватили меня и «какъ зовутъ?» Я сказалъ. Онъ: «я мужъ такой-то!» и хотѣлъ меня сбросить, но я его предупредилъ и сбросилъ.

Je l'attends dans la plaine sombre...—стран. 341, было написано въ концѣ 1840 года и въ первоначальномъ видѣ посвящено: a Madame Hommaire de Helle, женѣ французскаго писателя, сопровождавшей мужа въ странствіяхъ его и познакомившейся съ Лермонтовымъ въ Крыму во время его путешествія съ Кавказа въ отпускъ, данный ему для свиданія съ бабушкою. Вотъ первоначальный видъ стихотворенія, напечатаннаго въ «Рус. Архивѣ» 1887 г:

A Madame Hommaire de Helle.

Près d'un bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant,
Tout dénudé par les vents d'autan,
Je m'assois, fatigué, sur la route.
Attentif,—longuement.—j'écoute
La grande voix du silence.

De loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement,
Son tiède parfum distillant.
Elle vient à moi en courant;
Puis disparaît subitement,
Et se perd dans la nuit sombre.

C'est la poussière qui poudroie,
Un tas de feuilles qui tournoie;
La chaude bouffée qu'exhalait
Le vent parfumé de la nuit,
En s'avançant à petit bruit,
Un serpent glissait sur les galets.

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse.
Las d'attendre, je m'endors soudain.
Tout-à-coup tremblant je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Son pied effleurait le mien.

Пророкъ—стран. 345. Пятая строфа первоначально была написана такъ:

Когда-же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь *потаенно*,
То *слышу* дѣтямъ говорятъ
Отцы съ улыбкою надменной.

Въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ появлялись **приписываемыя Лермонтову стихотворенія**, которыя однако оказались или принадлежащими болѣе или менѣе извѣстнымъ писателямъ, или-же просто мистификаціею. Для полноты приводимъ и ихъ. Въ Русск. Вѣстн. 1856 г. [№14, кн. 2-я, стр. 323—325]: *Пусть міръ нашъ прекрасенъ, пусть жизнь хороша*... принадлежатъ Розенгейму. Ему-же принадлежатъ стихотворенія: *А годы несутся, а годы летятъ* [ср. Библ. Зап. 1858 г. №24].—*Когда стою подъ древнимъ сводомъ храма*,—приписывается Соколовскому [?].—Въ Русск. Арх. за 1864 г. № 10 *Евфразія* — весьма сомнительное, равно какъ и напечатанныя въ Русск. Арх. 1887 г. №12: *И ты думаешь будто я хладенъ и нѣмъ*, да въ Русск. Арх. 1888 г. №1: *Сердце* [у сердца сокровищъ такъ много]. Это послѣднее стихотвореніе даже помѣчено 1842 годомъ. Выходитъ, что поэтъ написалъ его по смерти своей.—Въ «Развлеченіи» 1860 г. [т. III, №13, стр. 145] *Смерть* [Она придетъ неслышимо, незримо]. Въ сборникѣ литературныхъ статей, посвященныхъ памяти Смирдина [1858 г., т. III, стр. 353—358] а] *Повѣрю совѣсти присяжнаго дьяка*... б] *Винтовка пулю вѣрную послала*... в] *Привѣтствую тебя я злое море*... Всѣ три стихотворенія сообщены Н. Д. С—ымъ, утверждающимъ, что Лермонтовъ умеръ на рукахъ офицера, выслужившагося изъ солдатъ [sic]. Находившаяся при умершемъ тетрадь стихотвореній досталась служившему на Кавказѣ другому офицеру, Трофимовичу, который еще въ 1844 году, встрѣтясь съ Н. Ѳ. Щербиною, продиктовалъ ему что помнилъ наизусть; а г. С—ымъ ужь было напечатано, что̀ онъ помнилъ изъ сообщеннаго А. Н. Щербиною!.. Въ «Нашемъ Времени» 1862 г. [№190, стр. 760] были напечатаны два стихотворенія: *Забываю любовь*; *мнѣ не хочется вновь*... и *Отвѣтъ на придирчивую рецензію* [Когда поэта міръ надменный...].—Въ запискахъ Е. А. Хвостовой [Спб. 1870, стр. 90] приписываются Лермонтову стихотворенія, которыя принадлежатъ Пушкину [ср. прим. г. Ефремова къ изд. соч. Лерм. 1887 г., т. I, стр. 549].

Помѣщаемъ здѣсь шуточные стихи Лермонтова, напечатанные между стихотвореніями г-жи Варвары Аненковой [Москва, 1844 г. въ типографіи А. Семена при Импер. Медико-хирург. Акад., стр. 193—195]. Изданіе сдѣлано «для избранныхъ»,—вѣроятно близкихъ къ г-жѣ Аненковой людей. Стихотвореніе разъискано г. Венгеровымъ. Озаглавлено оно: *Баллада—Югельскій баронъ* и посвящено Ал. М. В—ой, т. е. «Сашѣ Верещагиной», близкому другу поэта. Она вышла за барона Гюгеля, виртембергскаго посланника при русскомъ дворѣ, и Лермонтовъ въ шутливую минуту сложилъ стихи, къ коимъ г-жа Аненкова, по собственному признанію, присочинила послѣднія строки.

До разсвѣта поднявшись, перо очинилъ
Знаменитый Югельскій баронъ,
И кусалъ онъ, и рвалъ, и писалъ, и строчилъ
Письмецо къ своей Сашенькѣ онъ.
И онъ крикнулъ: «мой пажъ!.. Мой малютка, скорѣй!...
Подойди! что робѣешь ты такъ?»
—И къ нему подошелъ долговязый лакей,
Тридцатипятилѣтній дуракъ.
«Вотъ возьми письмецо ты къ невѣстѣ моей
И на почту его отнеси;
И потомъ пироговъ, сухарей, кренделей,
Чего хочешь въ награду проси!»
—«Сухарей не хочу, и письма не возьму,
Хоть расплачься, высокій баронъ,
А захочешь узнать, я скажу почему!
Нѣтъ, ужь лучше смолчать и поклонъ».
«Пажъ!.. хочу я узнать!..»—«нѣтъ, позволь мнѣ смолчать».
«Говори!»—«за невѣстой твоей
Обожателей рать, кто-бы могъ сосчитать?
И въ разлукѣ ты ввѣрился ей!»
Не дѣвица-ль она?... и одна-ли вѣрна?
Намъ-ли думать: на сѣверѣ тамъ,
Все вздыхаетъ она, одинока, блѣдна;
Намъ-ли вѣровать женскимъ словамъ?!
Иль одинъ обольщенъ, изумленъ увлеченъ
Ты невѣстою милой своей?...
Нѣтъ?.. высокій баронъ, ты порой мнѣ смѣшонъ,
И письма не отправлю я къ ней»...
Разсмѣялся баронъ, такъ увѣренъ былъ онъ...
«Ты, малютка, мой пажъ молодой—
Знай, ты самъ ослѣпленъ!—знай, у сѣверныхъ женъ
Не въ размолвкѣ обѣты съ душой.
Тамъ дѣвица вѣрна!—постоянна жена!—
Сѣверъ силой-ли только великъ?...
Жизнь тамъ вѣры полна!... Счастья тамъ сторона,
И послушенъ тамъ сердца языкъ.

Мелкихъ птицъ, какъ вездѣ, нѣтъ въ орлиномъ гнѣздѣ.
Тамъ я выбралъ невѣсту себѣ—
Не измѣнитъ нигдѣ!... Ей, какъ вѣчной звѣздѣ,
Ей ввѣряюсь, какъ самой судьбѣ.
Такъ... снѣговъ въ сторонѣ будетъ вѣрною мнѣ!»...
Пажъ невольно барону внималъ,
И безъ словъ, въ тишинѣ, онъ сознался въ винѣ,
И на почту съ письмомъ побѣжалъ.

Послѣднія строки, напечатанныя мелко, сочинены г-жею Анениковой.

КОНЕЦЪ.

Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова, шесть томовъ съ семью портретами и приложевіями,

цѣна 3 руб. сер.

